

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI
TOIMETISED

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ACTA ET COMMENTATIONES UNIVERSITATIS TARTUENSIS

625

**СЕМАНТИКА АСПЕКТУАЛЬНОСТИ
В РУССКОМ ЯЗЫКЕ**

ВОПРОСЫ РУССКОЙ АСПЕКТОЛОГИИ

ISSN 0207—4443

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI TOIMETISED
УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ACTA ET COMMENTATIONES UNIVERSITATIS TARTUENSIS
ALUSTATUD 1893. a. VIHK 625 ВЫПУСК ОСНОВАНЫ в 1893 г.

СЕМАНТИКА АСПЕКТУАЛЬНОСТИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

ВОПРОСЫ РУССКОЙ АСПЕКТОЛОГИИ

ТАРТУ 1982

Редакционная коллегия:

А. Д. Дулченко, С. В. Смирнов, М. А. Шелякин (отв. редактор)

АСПЕКТУАЛЬНЫЕ СИТУАЦИИ И ВОПРОС О «КАТЕГОРИАЛЬНЫХ СИТУАЦИЯХ» В ГРАММАТИКЕ

А. В. Бондарко

1. Об аспектуальных ситуациях

Аспектуальность, как и каждое функционально-семантическое поле, имеет две проекции — на языковую систему и на речевые произведения. Аспектуальность высказывания (которое может быть представлено как предложением, так и сложным синтаксическим целым), может рассматриваться как выраженная данным высказыванием аспектуальная ситуация.

Аспектуальная ситуация (далее АС) — это выражаемая в высказывании типовая сигнификативная ситуация, рассматриваемая с точки зрения ее аспектуальных элементов, т. е. с точки зрения характера протекания и распределения действий (и других акциональных элементов ситуации) во времени.

Примером АС могут служить выражаемые при участии форм несовершенного вида (НСВ) процессные ситуации. АС этого типа характеризуются вычленением фиксируемого периода в осуществлении действия и представлением действия (уже начатого, но еще не законченного) в динамике его протекания во времени — от прошлого к будущему: *Отец разбирал свои документы; Мы смотрели, как причаливает пароход* и т. п. Для процессных ситуаций характерен признак перцептивности (наблюдаемости), который может находить специальное выражение в тексте высказывания (*посмотрите; я увидел, как...; было слышно, как... и т. п.*) [см. Бондарко, 1980].

Процессные ситуации, как и другие АС, выступают в различных вариантах. Приведем некоторые из них.

Варианты, связанные с обстоятельственными актуализаторами процессности:

аугментативный вариант: *«все жарче (все больше и т. п.) + НСВ» (Жара охватывала его все больше);*

вариант со значением продолжающегося развертывания действия (с возможным подчеркиванием его возрастающей интен-

сивности): «все + НСВ», «все + НСВ + и + НСВ того же глагола» (*Напряжение все росло; Трактор все набирал и набирал скорость*);

аугментативно-соотносительный вариант: «чем больше (чем заметнее и т. п.) НСВ₁ — тем сильнее (ярче и т. п.) НСВ₂» (*Чем больше он думал об этом, тем яснее ему становилась суть происходящего*);

вариант со значением замедленного темпа протекания процесса; «медленно (не торопясь и т. п.) + НСВ» (*Он медленно падал на ствол выставленного ружья*);

вариант со значением постепенности: «постепенно (шаг за шагом и т. п.) + НСВ» (*Лень мало-помалу овладевала им*);

вариант со значением подчеркнутой длительности: «долго (два часа и т. п.) + НСВ» (*Он упал и долго поднимался потом*) и т. п.

Многообразие аспектуальных ситуаций отражает сложную систему аспектуальных семантических признаков. Так, помимо процессных ситуаций могут быть выделены ситуации конкретного и обобщенного факта, повторяющегося (узуального) действия, постоянного отношения (реляционные). Особый тип АС — перфектные ситуации. Возможно выделение АС, представляющих на уровне высказывания ту семантику, которая обычно связывается со способами глагольного действия. Таковы, например, делимитативные ситуации (*Посидел минут пять и ушел*), пердуративные (*Проболел целый месяц*), дистрибутивные (*Книжки попадали на пол; Пчелы всех пережалили*), интензивные (*Я уж совсем заждался*), кумулятивные (*Набросали окурков*), мультипликативные (*На молу мигал маяк*), однонаправленные и ненаправленные (*Он шел ко мне; Ходил из угла в угол*) и т. п. Особую сферу АС представляют «фазовые ситуации» — выражение в высказывании начала, продолжения и прекращения действия. Могут быть выделены и АС иного рода, например, ситуация коинциденции (используем термин Э. Кошмидера) в случаях типа *Попрошу вас не вмешиваться*.

Фактически вся аспектуальная семантика, находящая выражение в высказывании и передаваемая с участием не только видовых форм, но и аспектуального контекста, а также (в части случаев) лексического значения глаголов, может быть представлена и описана в форме АС.

Описание АС не отменяет анализа категории вида и способов действия на уровне слова и словоформы, а дополняет такой анализ. Благодаря обращению к уровню высказывания исследователь получает возможность наиболее полно и адекватно описать и объяснить функционирование и взаимодействие различных компонентов аспектуальности в высказывании. Отсюда следует естественный выход в текст в широком смысле слова. Аспектуаль-

ные ситуации текста — это особая область исследований, представляющаяся весьма перспективной.

Нередко синтаксисты замечали, что в кругу понятий морфологии аспектологами во многих случаях рассматривается то, что имеет прямое отношение к синтаксису. С известной точки зрения они правы.

Имея свой предмет в области морфологии и словообразования, а также синтаксиса, аспектология выходит в область описания функционально-семантических полей, в сферу теории высказывания, в область грамматики текста. Ориентация на понятие АС (в указанном широком смысле) позволяет привести лингвистическое описание, его понятия и термины в соответствие с тем фактом, что глагольный вид и другие элементы аспектуальности в их связи и взаимодействии затрагивают высказывание в целом, определяя всю акциональную сторону содержания высказывания.

Изучаемые типы ситуаций неоднородны. С одной стороны, выделяются типы ситуаций, связанные с временными соотношениями действий, т. е. с семантикой таксиса (ср., например, такие типы ситуаций, как «цепь», «предшествование — следование», «длительность — наступление факта» и т. п.). Такие ситуации можно назвать аспектуально-таксичными. С другой стороны, предметом исследования являются ситуации, в семантике которых отсутствуют элементы отношений таксиса (ср. ситуации повторяющегося и узуального действия, обобщенного факта и т. п.). Можно различать простые и сложные АС, более общие и (в их пределах) более частные, макро- и микроситуации. При анализе АС текста необходимо учитывать аспектуально значимые типы текста (такие, как обозначение регулярно повторяющихся и постоянных действий и отношений, с одной стороны, и обозначение конкретных фактов и процессов в повествовательном тексте, с другой).

Акциональная сторона содержания высказывания, представленная данной АС, отражает определенный фрагмент реальной действительности. Вместе с тем, хотя первоисточник АС заключен во внеязыковой действительности (в реальных действиях, состояниях и отношениях), понятие АС — это понятие лингвистическое. Оно относится к области языкового содержания и всегда связано с определенными средствами языкового выражения. Речь идет об аспектуальной семантике, прошедшей сквозь призму языка и заключающей в себе признаки языковой семантической интерпретации понятийного (смыслового) содержания.

В разработке типов АС аспектология опирается на значительную традицию. Имеются в виду прежде всего «ситуационные типы» Э. Кошмидера (например, «что-то происходило, и тем временем произошло что-то другое», «что-то произошло, затем произошло что-то другое» и т. п. [см. Кошмидер 1962, с. 140—167]). Позднее АС исследовались в направлении, намеченном Э. Кош-

мидером, при различной терминологии. Так, в наших работах использовался термин «тип аспектуального (или аспектуально-темпорального контекста)», «тип видового контекста» [см. Бондарко, Буланин 1967, Бондарко 1971] ср. также использование термина «ситуационные типы аспектуально-таксического контекста» в работе [Акимова 1979].

Предлагаемое нами истолкование понятия «аспектуальная ситуация» шире, чем сфера ситуаций и ситуационных типов в интерпретации Э. Кошмидера. Содержание понятия «ситуация» и «ситуационный тип», по Э. Кошмидеру, связано прежде всего с отношением одного действия к другому в некотором комплексе действий. Э. Кошмидер писал о том, что «временное отношение данного факта к другому в комплексе фактов, называемом ситуацией, содержит элементы относительности (например, одновременность или предшествование) ...» [Кошмидер 1962, с. 139]. Таким образом, данное истолкование ситуаций и ситуационных типов сопряжено с понятием таксиса. Понятие АС, как уже было отмечено выше, включает типы ситуаций, связанные с таксисом, но не ограничивается ими.

Следует также подчеркнуть, что и таксисные типы ситуаций не сводятся к выражению «временного отношения данного факта к другому». В ситуационных типах Э. Кошмидера и аналогичных типах, выделяемых в аспектологической литературе более позднего времени, существенную роль играет не только временное соотношение действий, но и представление характера протекания этих действий в их отношении к пределу, т. е. аспектуальная характеристика каждого отдельного действия (ср. такие ситуационные типы, как «что-то происходило, и тем временем произошло что-то другое»). Таким образом, уже у Э. Кошмидера понятие ситуации и ситуационного типа включает основные ядерные элементы собственно аспектуальной характеристики действий в составе высказывания. На наш взгляд, эта сторона «ситуационных типов» должна обратить на себя особое внимание. Естественным продолжением этой линии является расширение понятия аспектуальной ситуации и включение в это понятие любой аспектуальной характеристики ситуации, отражаемой высказыванием, в том числе и характеристики отдельного изолированного действия, например, *Прошу (попрошу) билеты*, при отсутствии «комплекса фактов» и временных отношений между ними.

Возможно, расширение понятия «аспектуальная ситуация» потребует в дальнейшем терминологической дифференциации, однако пока мы сохраняем общий термин АС как обозначение родового понятия, охватывающего аспектуальные ситуации разного рода.

Во всех рассматриваемых типах АС реализуется взаимодействие компонентов поля аспектуальности. Исследование АС орга-

нично включается в описание поля, проецируемого на высказывание и текст в целом.

Говоря о функционально-грамматическом анализе на основе понятия АС, мы имеем в виду особый подход к аспектуальным отношениям со стороны высказывания — подход, дополняющий традиционный (в полной мере сохраняющий свою значимость) анализ вида как морфологической категории и способов глагольного действия как лексико-грамматических разрядов. Лишь на базе анализа грамматических форм слова (как отдельно взятого, так и функционирующего в контексте) возможен тот дополнительный тип функционального анализа, о котором идет речь. От аспектуальности, сконцентрированной в грамматической форме глагола, мы переходим к аспектуальности высказывания. С этим связана постановка вопросов: «что в содержании высказывания относится к характеристике сигнификативной ситуации с точки зрения семантики аспектуальности?»; «какова структура АС, иначе говоря, каковы элементы этой ситуации и связи между ними?»; «чем, какими средствами выражены элементы АС?»; «какие разновидности и варианты данной АС могут быть выделены?»; «какова специфика их содержания и выражения?».

Далее будут рассмотрены некоторые примеры, показывающие, как именно данный подход дополняет существующие приемы анализа вида и способов действия.

Как известно, выделяется (хотя и не всеми исследователями) статальный способ действия. Вместе с тем могут быть выделены статальные (статально-процессные) ситуации как одна из разновидностей процессных ситуаций. Это позволяет учесть и такие варианты выражения статальности в высказывании, которые не связаны со статальными глаголами. Таково, в частности, выражение статальной семантики при употреблении глаголов действия (не состояния) в сочетании с отрицанием: обозначается ситуация состояния, связанного с тем, что не происходит обозначаемое глаголом действие, например: *Я бросился было за ним, но на левой руке моей повисла тяжесть. Это была она. Я рванулся. Она еще тяжелее повисла и не отпускала* (Л. Толстой. Крейцера соната).

Среди способов действия выделяется многоактный (мультипликативный). Использование понятия мультипликативной ситуации (как одной из разновидностей процессной ситуации) позволяет реализовать целостный подход к выражению расчлененности процесса на однородные повторяющиеся элементы при употреблении глаголов не только мультипликативного способа действия, но и других способов действия. При этом в полной мере учитываются все элементы высказывания, участвующие наряду с лексическим значением глагола в выражении сложной расчлененной структуры действия, например: *Колокол редкими ударами бил где-то далеко-далеко* (В. Белов. Плотницкие рас-

сказы); *Лосев маленькими глотками пил горячий кофе* (Д. Гранин. Картина); *Рука Светова мелкими толчками стряхивала с аппарата разбитые комочки земли* (Ю. Бондарев. Горячий снег); *Он слышал, как в палисаднике с веток падали редкие дождевые капли* (В. Белов. За тремя волоками).

Возможен анализ значений предельности/непредельности на уровне высказывания, на основе понятий предельной и непредельной ситуаций. Это позволяет учесть все элементы высказывания, участвующие в выражении рассматриваемой семантики, и описать ее вариативность. Ср., например, «открытые» предельно-процессные ситуации, содержащие указание на направленность процесса к его пределу, но не содержащие указания на исход, результат этой направленности: — *И поправились? Больные глядели на Левшина, точно экзаменаторы. — Поправляюсь; — сказал он уверенно* (К. Федин. Санаторий Арктур).

Значение обобщенного факта, выражаемое формами НСВ (но не СВ), касается семантики всего высказывания. Поэтому возможно и целесообразно использование понятия ситуации обобщенного факта. Основные признаки таких ситуаций таковы: 1) обобщенность, связанная с информативной направленностью высказывания — целевой установкой говорящего (пишущего) не на изображение характера протекания действия, а на сообщение наиболее общей информации о действии (— *Вы говорили ему об этом?*); 2) «фактичность», находящая проявление в имплицитуре-мой (контекстом, речевой ситуацией и лексическим значением глагола) целостности действия или в нейтральной отношении к различию целостности/нецелостности. С указанными основными признаками связаны следующие более частные признаки: а) возможная несущественность различия единичности/повторяемости действия (*Об этом уже писали*); б) возможная несущественность различия достигнутого/недостигнутого результата (— *Ты сдавал этот экзамен?*); в) событийность как признак одной из разновидностей рассматриваемых ситуаций: акцент на самом факте действия, в части случаев — в сочетании с признаком перфектности, т. е. актуальности последствий действия для более позднего временного плана (— *Я уже обедал*); г) обобщенность называния действия безотносительно к конкретным деталям его протекания во времени — признак, характерный для «обобщенно-назывной» разновидности рассматриваемых ситуаций (— *Разве можно бросаться такими словами?*; *Стыдно отцу запугивать ребенка*; — *Некуда мне тебя брать*); д) отдельность факта; е) неспособность НСВ в данной функции обозначать наступление факта, наступление нового в цепи событий, продвижение повествования вперед (признак «несеквентности»). Нетрудно заметить, что все эти признаки характеризуют содержание высказывания в целом (подробнее об этом см. [Бондарко 1983]).

2. О категориальных ситуациях

Аспектуальные ситуации — не изолированное явление. В каждой ситуации, заключенной в содержании высказывания, можно выделить отдельные стороны (аспекты), относящиеся к определенному функционально-семантическому полю. Соответственно могут быть выделены «специализированные по полям» ситуации разного рода — темпоральные, модальные, залоговые, персональные, посессивные, компаративные, локативные и т. п. Опыт анализа АС может быть использован в исследованиях, относящихся к другим функционально-семантическим полям.

Назовем выражаемые в высказывании типовые сигнификативные ситуации, выделяемые на основе принадлежности их элементов к тому или иному функционально-семантическому полю, категориальными ситуациями. Категориальная ситуация (далее КС) имеет определенную содержательную структуру. Возможность представления определенного аспекта (таксисного, залогового, локативного, каузального и т. д.) семантики высказывания как содержательной структуры, соотношенной со структурой плана выражения в высказывании в целом, является одним из признаков, отличающих понятие КС от таких понятий, как семантический признак, сема и т. п. Структурирование содержания высказывания (что в принципе позволяет ввести запись элементов ситуации и отношений между ними) отличает «ситуативный» способ представления содержания высказывания от ряда других способов.

Понятие ситуации наталкивает на поиск самых разнообразных средств выражения анализируемой семантики в высказывании, включая «скрытые», т. е. наиболее сложные, не лежащие на поверхности средства, наталкивает на анализ взаимодействия разноуровневых языковых средств.

Содержательная структура КС включает предикацию либо так или иначе связана с ней. Это важный признак рассматриваемых ситуаций, их отличительная особенность, определяемая тем, что речь идет о высказывании (такие понятия, как значение, семантическая функция, семантический признак, сема и т. п., отнюдь не обязательно связаны с предикацией).

Говоря о высказывании, мы имеем в виду предложение или сложное синтаксическое целое (сверхфразовое единство) в речи, т. е. в условиях включения данной единицы в конкретную ситуацию речи [ср. Гак 1973]. При анализе рассматриваемых ситуаций в плане грамматики текста возможно расширение объема понятия высказывания, т. е. его распространение на более широкие фрагменты текста. Однако мы рассматриваем понятие КС прежде всего применительно к тому варианту функциональной грамматики, который направлен на описание системы функционально-семантических полей и системы соответствующих КС. Данный

вариант функционально-грамматического исследования и описания предполагает ограничение понятия высказывания рамками предложения и сложного синтаксического целого.

КС представляет собой понятие, производное от общего (не ориентированного на определенную семантическую категорию) понятия сигнификативной ситуации. Спецификация КС заключается в том, что в передаваемой общей ситуации вычленяются отдельные аспекты, выделяемые на базе той или иной семантической категории, лежащей в основе определенного функционально-семантического поля, причем эти аспекты общей сигнификативной ситуации сами, в свою очередь, рассматриваются как ситуации. Исследователь осуществляет отбор среди аспектов, заключенных в данной общей ситуации, и представляет (если это возможно) данный аспект как КС, т. е. рассматривает общую ситуацию под углом зрения определенного функционально-семантического поля.

Высказывание, выражающее определенную сигнификативную ситуацию, включает в себя возможности выделения нескольких КС. В зависимости от того, взаимодействуют или не взаимодействуют семантически КС, представленные в высказывании, можно различать сопряженные и несопряженные КС.

Рассмотрим высказывание: *Много встречается людей, которые с первого взгляда покажутся ограниченными, а они только специальные* (И. Гончаров. Фрегат «Паллада»). Здесь сопряжены аспектуальная, темпоральная и модальная ситуация в составе комплексной узуально-потенциальной ситуации. К указанному комплексу примыкают элементы качественности, а также неопределенности. Что же касается персональной и залоговой ситуаций, то они не сопряжены непосредственно с указанными КС.

В общей сигнификативной ситуации заключенные в ней КС занимают различное положение. Одна из них (или целый комплекс КС) может играть доминирующую роль в общей сигнификативной ситуации, тогда как другие КС могут отступать на задний план, представляя собой своего рода фон по отношению к доминирующим КС. Например: *Вот хоть бы Акулька-ключница — чем ей не житье! Сбежала на погреб, в кладовую, что следует — выдала, что следует — приняла... Потом опять сбежала* (М. Салтыков-Щедрин). Здесь в составе доминирующего комплекса выступают следующие сопряженные КС: 1) аспектуальная (аспектуально-темпоральная) ситуация временной нелокализованности — узуальная ситуация, включающая наглядно-примерный способ представления узуальности; 2) темпоральная ситуация абстрактного настоящего, охватывающая и узуальные ситуации в прошлом, при возможной перспективе аналогичных узуальных действий в будущем; 3) таксисная ситуация последовательности (кратно-цепной тип); 4) модальная ситуация легко реализуемой

потенциальной возможности; 5) качественная ситуация (какое именно житье у Акульки-ключницы). «Фон» представляют залоговые, персональные семантические признаки, а также признак определенности субъекта.

По-видимому, в форме АС целесообразно представлять лишь те аспекты общей сигнификативной ситуации, которые относятся к ее доминанте. То же, что составляет «фон», может рассматриваться как семантические признаки, элементы и т. п. Их ситуативная интерпретация, вероятно, не исключена, но в ней нет особой необходимости (при данном типе анализа).

Приведем еще один пример: *Стоит длинный полированный стол для заседаний, темный, старинный, но не на середине, а ближе к стене, к дверям, а вокруг двадцать два темных жестких полукресла. Стол министра не примыкает к этому столу, а находится в стороне, ближе к окну, особнячком* (М. Рощин. Шура и Просвирняк). Доминанту данной сигнификативной ситуации составляет комплекс следующих КС; 1) ситуация бытийности (экзистенциальная); 2) сопряженная с ней локативная ситуация; 3) сопряженная с указанными выше аспектуальная реляционная ситуация (при реляционной функции НСВ); данная ситуация подчинена бытийности и локативности, она представляет собой их аспектуальную реализацию. Остальные аспекты сигнификативной ситуации (модальный, темпоральный, залоговый и т. д.) представляют «фон» (с точки зрения специфики данной ситуации, ее содержательного центра; разумеется, при определенных целях анализа в центре внимания исследователя может оказаться именно залоговая или персональная ситуация).

Заметим, что анализ взаимодействия отдельных КС в пределах общей ситуации в некоторых отношениях созвучен с суждениями В. Г. Адмони о многомерности речевой цепи — речь идет о ряде «налегающих друг на друга линий, многообразно взаимодействующих друг с другом», об «общей нагрузке» грамматических значений, о «колонне нагрузок», или «аккорде» речевой цепи, о многомерности как общем принципе строения грамматических явлений [см. Адмони 1964, с. 35—47].

Поясним нашу интерпретацию понятия сигнификативной ситуации (далее СС). Имеется в виду отражение денотативной ситуации в содержании данного высказывания. Подобные конкретные СС представляют собой варианты типовых СС — определенных классов конкретных СС; типовые СС отражают не единичные и конкретные денотативные ситуации, а классы таких ситуаций. В общем понимании СС и их отношения к денотативным ситуациям мы не расходимся с рядом существующих толкований понятия ситуации [ср. Храковский 1970, с. 27, 41; Успенский 1977, с. 67—70; ср. также Якушин, Ярославцева 1980; с. 549; Ярославцева 1981, с. 6—9]. Как уже было сказано выше, СС (как общне, так и категориальные) включают в себя предикацию либо

так или иначе связаны с предикацией. По-видимому, это свойство СС коренится в отражаемых денотативных ситуациях. В. Г. Гак пишет: «Ситуация есть отрезок, часть отражаемой в языке действительности, т. е. движущейся материи. В объективной реальности человеческое сознание выделяет прежде всего устойчивые элементы — материальные объекты — субстанции. Но взятый в отдельности материальный объект не образует еще ситуации: о нем нельзя сказать, что он существует. Ситуация образуется в результате координации объектов и их состояний» [Гак 1973, с. 359]. «Когда говорящий желает что-либо сообщить другому, — пишет Б. А. Серебренников, — он вычленяет какую-то часть ситуации, так как единичный речевой акт не в состоянии описать всей ситуации в целом, и строит элементарную языковую модель избранной им естественной микроситуации. Он обязан прежде всего указать на составляющие ее элементы... и выразить средствами языка связи между этими предметами» [Общее языкознание 1970, с. 57]. И далее: «В суждении отражается объективная связь между предметом и его свойствами» [там же, с. 60].

Особенностью нашего понимания СС (как общих, так и связанных с определенным функционально-семантическим полем, т. е. категориальных) является отнесение их к области языкового содержания, их подчеркнута языковая интерпретация. Хотя термин *сигнификативная ситуация* связан с термином *сигнификат*, обычно трактуемым как понятие, мы вкладываем в термин *сигнификативная ситуация* не только понятийное (мыслительное) содержание, но и его конкретно-языковую семантическую интерпретацию, языковой способ содержательного представления понятийного содержания. В основе СС лежит отражаемая ею денотативная ситуация, но СС представляет собой не отвлеченно-понятийное и не универсально-понятийное содержание (хотя эти аспекты и можно выделить в СС), а понятийное содержание, воплощенное в содержании средств данного языка, т. е. заключающее в себе связанный со строем данного языка способ представления передаваемого понятийного (мыслительного, смыслового) содержания, его языковую семантическую интерпретацию. Приведем примеры.

— *Что такое? Мы обиделись?* (И. Бунин. Смарагд). Здесь представлена персональная ситуация с элементами «действие — собеседник (2-е лицо) как производитель действия — говорящий как источник и центр персональной координации — говорящий как образный соучастник действия». Данная ситуация включает не только отражение соответствующих компонентов реальной денотативной ситуации, но и элемент языковой семантической интерпретации данной денотативной ситуации, а именно, элемент образного (переносного) представления говорящего как соучастника действия, т. е. для выражения «участливой совокупности»:

действие собеседника представлено так, как будто в нем участвует говорящий (с этим и связано употребление формы не 2-го, а 1-го лица местоимения и глагола).

Рассмотрим высказывания типа: — *Так он тебе и сказал, Феклиста... как же* (Д. Манин-Сибиряк. Летные); *Ха-ха-ха! Так он и принес сдачу* (М. Гиляровский. Москва и москвичи); *Анисья (про себя). Как же, и пошла я* (Л. Толстой. Власть тьмы). В таких случаях представлена модально-темпоральная ситуация, включающая следующие элементы: а) отнесенность обозначаемых фактов к денотативному плану будущего; б) уверенность говорящего в том, что действие не осуществится; в) экспрессивное представление отрицания через ироническое утверждение; г) экспрессивное и образное представление отрицаемого факта в будущем как уже осуществившегося (как готового результата); д) специальное указание на недопущение говорящим реальности данного факта, на негативное отношение к нему (что связано с особой иронической интонацией и сочетаниями как же; так и). Все указанные образные и экспрессивные элементы содержания высказывания не могут быть устранены из содержания и структуры данной СС. Все эти элементы языкового содержания представляют собой неотъемлемые признаки передаваемой ситуации.

Возможна (при соответствующих целях исследования) дальнейшая дифференциация аспектов понятия СС (общей и категориальной). Можно разграничить понятия, связанные а/с понятийным (смысловым) аспектом сигнификативной ситуации (аспектом универсальным, существенным, в частности, в типологических исследованиях) и б) с аспектом собственно языкового содержания, включающего не только общесмысловую основу содержания, но и всю конкретно-языковую семантическую интерпретацию. Ср. проводимое нами разграничение таких понятий, как понятийная категория и языковая семантическая функция, смысл и грамматическое значение, речевой смысл и план содержания текста [см. Бондарко 1978]. Однако, если нет особой необходимости, требующей данной дифференциации, можно ограничиться (в данном случае мы так и делаем) общим понятием СС, включающим передаваемое в высказывании понятийное (смысловое) содержание в его языковой семантической интерпретации.

Понятие денотативной ситуации должно играть важную роль при анализе КС: как отражается денотативная ситуация в сигнификативной и в ее отдельных аспектах, т. е. категориальных ситуациях, какие элементы реальной действительности отбираются говорящим, как они интерпретируются в высказывании, каково соотношение денотативно-отражательных и интерпретационных элементов в СС, передаваемой высказыванием, — таковы вопросы, возникающие при анализе рассматриваемого типа. Так, анализируя процессные аспектуальные ситуации (в случаях типа — *Вон бежит собака*), мы обращаемся к реальной ситуации

протекающего процесса и его наблюдения; в развивающемся процессе выделяется фиксируемый период, в течение которого прослеживается динамика переходов от более раннего момента в течении действия к более позднему. Выделяемые нами признаки процессных ситуаций — не что иное как отражаемые в содержании высказывания и в значениях языковых средств свойства реальных ситуаций наблюдения протекающих процессов, включая самый процесс, фиксируемый период, время и место наблюдения [см. Бондарко 1980].

КС разнородны и разноаспектны. Одной из важных задач в данном круге проблем является типология КС. Разработка систем типов КС, выделяемых по разным признакам в разных плоскостях, — дело будущего. Пока мы ограничимся предварительными замечаниями.

Можно выделить КС следующих типов: 1) синтагматически сильные; 2) синтагматически слабые.

Синтагматически сильные КС характеризуются явной выраженностью синтагматических отношений между семантическими элементами КС. К данному типу относятся следующие КС: таксисные, залоговые, субъективно-объективные, качественные, компаративные, посессивные, ситуации причины, цели, условия, уступки, следствия, сравнения, локативные. Синтагматически слабые КС отличаются, соответственно, слабой (неопределенной, непоследовательной, непостоянной) выраженностью синтагматических отношений между семантическими элементами КС или отсутствием синтагматических отношений. Ко 2-му типу относятся следующие КС: аспектуальные, темпоральные, модальные, бытийные (экзистенциальные), ситуации состояния, персональные, квантитативные, ситуации определенности/неопределенности.

В случаях типа *Она умнее его* структура КС имеет не только парадигматическое, но и ярко выраженное синтагматическое измерение (таково соотношение элементов «субстанция А», «субстанция Б», «отношение сравнения»). Аналогичный характер имеют посессивные ситуации типа *У него есть коньки*.

В качестве примера синтагматически слабых КС можно привести индикативную (модальную) и футуральную (темпоральную) ситуации в высказываниях типа *Я это сделаю*. В подобных случаях целесообразность применения понятия «ситуация» оказывается проблематичной. Здесь, как и во многих других случаях, мы сталкиваемся с серьезными трудностями и противоречиями. С одной стороны, большое значение имеет единство общего принципа анализа, единство подхода к языковым фактам, системность этого подхода. Так, если в одних случаях понятия модальной, темпоральной, аспектуальной ситуации дают некоторые положительные результаты при анализе языкового материала, то принцип единства в подходе к языковым фактам

требует применения указанных понятий и к другим случаям, к самым разнообразным высказываниям. Однако, с другой стороны, при отсутствии синтагматической выраженности семантических элементов, при невозможности говорить о конфигурации, о семантической структуре, понятие ситуации становится неработающим, избыточным. По-видимому, область категориальных ситуаций имеет центр, где сосредоточены специфические признаки данного явления, и периферию, где наблюдается разреженность признаков. На периферии данной области понятие КС пересекается с понятиями семантического признака, элемента и т. п. Различия между этими понятиями становятся слабыми или совсем стираются.

Различные типы КС могут быть выделены и в других плоскостях, по другим признакам. Один из различительных признаков соответствует шифтерам и не-шифтерам в трактовке Р. О. Якобсона [см. Якобсон 1972, с. 95—113]. Одни ситуации (например, залоговые, таксисные, каузальные, кондициональные, посессивные, компаративные) — «не-шифтеры» — представляют собой такие содержательные структуры, которые определяются безотносительно к ситуации речи, другие же — «ситуаци-шифтеры» — заключают в себе определенное отношение к ситуации речи (включая говорящего); таковы темпоральные ситуации, ситуации локализованности/нелокализованности во времени, модальные и персональные ситуации.

Характеристика КС по признаку «не-шифтер/шифтер» пересекается с характеристикой объективных и субъективно-объективных категорий, по А. М. Пешковскому, непредикативных и предикативных категорий, по В. В. Виноградову, логико-грамматических и коммуникативно-грамматических категорий, по В. Г. Адмони, неактуализационных и актуализационных категорий, по В. Грабе (см. обсуждение этой проблематики, с указанием литературы вопроса, в [Бондарко 1976, с. 50—64]). Все эти характеристики (во многом сходные, но все же и частично различающиеся по исходным теоретическим позициям и по вычленяемым аспектам семантики) приложимы не только к грамматическим категориям, но и к категориальным ситуациям.

С указанным членением связано различие между обязательными и необязательными КС. Обязательные КС, т. е. КС, заключенные в любой общей сигнификативной ситуации, заключают в себе связанные с предикативностью актуализационные семантические признаки, присущие любому высказыванию. Что же касается необязательных КС, то они представлены лишь в тех высказываниях, которые направлены на выражение именно данного категориального смысла или заключают его в числе своих семантических элементов. Например, посессивная ситуация представлена в высказываниях типа *У меня есть эта книга*, но, разумеется, далеко не в каждом высказывании. Ср.

также таксисные ситуации, ситуации состояния, качественные, компаративные, ситуации причины, цели, условия и т. п. Некоторые КС занимают промежуточное положение между указанными типами: они не являются абсолютно обязательными, но вместе с тем фактически представлены в подавляющем большинстве высказываний. Таковы, в частности, залоговые ситуации.

В системе понятий и терминов функциональной грамматики [см. Бондарко 1981] понятие КС соотносится с понятием функционально-семантического поля (далее ФСП). Это два основных понятия, на которых строится рассматриваемый тип функциональной грамматики. Из двух указанных понятий первичным, базовым является понятие ФСП. Понятие КС производно от него, представляя собой проекцию ФСП на речь, высказывание. Аспектуальные, темпоральные, персональные, локативные и другие подобные ситуации — это аспектуальность, темпоральность, персональность, локативность высказывания, представляющая собой определенный аспект передаваемой высказыванием сигникативной ситуации и рассматриваемая как определенная содержательная структура, как конфигурация семантических элементов, выраженных взаимодействующими средствами высказывания.

Исследование ФСП не может быть сведено к «полевому структурированию» на уровне системы языка. Конечно, можно установить, каковы компоненты того или иного поля в данном языке, какова структура изучаемого поля (соотношение центра и периферии, иерархия компонентов, пересечения с другими полями), однако анализ не может этим ограничиться. Необходимо исследовать реализации ФСП в речи, в высказывании, в тексте. Эта проекция поля на высказывание и представлена в излагаемом истолковании КС. Полевой анализ, выступая в единстве с анализом ситуативным, приобретает необходимый выход в грамматику высказывания, т. е. грамматику не только языка, но и речи.

Предлагаемое истолкование понятия КС является результатом такого обобщения языковых фактов и их более частных интерпретаций, которое, конечно, строится (в отношении к грамматической теории) не на пустом месте. Выше уже были упомянуты «ситуационные типы» Э. Кошмидера, имеющие важное значение для определения понятий аспектуальной и таксисной ситуации. Понятие ситуации используется в теории диатезы и залога. При этом выделяются не все возможные участники (компоненты) рассматриваемых ситуаций, а именно те, которые связаны с изучаемой категорией [см. Холодович 1970, Храковский 1970, Успенский 1977].

Таким образом, можно сказать, что в научной литературе разных направлений уже имеются случаи использования понятия «ситуация» при ориентации на семантику, связанную с той или иной грамматической категорией. Отсюда можно сделать вывод

о том, что понятие КС не находится в противоречии с предшествующим опытом анализа грамматических категорий, а включает, интегрирует те элементы этого опыта, которые в том или ином отношении сближаются с рассматриваемым понятием.

Один из наиболее перспективных аспектов изучения КС — сопоставительный. В каждой КС заключено семантическое основание для сравнения на уровне высказывания.

Необходимость подчеркнуть, что понятие КС имеет поисковый характер. Оно не претендует на универсальность. Необходимо тщательная проверка применимости данного понятия к различным типам ФСП. Важно установить оптимальные условия и границы его применения.

В проблематике КС остается еще немало неясного. В частности, возникает вопрос: все ли поля могут быть интерпретированы как КС? Так, нет оснований говорить о ситуациях одушевленности/неодушевленности. О количественных ситуациях целесообразно говорить лишь по отношению к количественной характеристике действий: лишь в этом случае налицо связь с предикативной, необходимая для применения рассматриваемого понятия. Возникает и следующий вопрос: всегда ли использование понятия КС дает не просто замену терминов, а какие-то ощутимые результаты и преимущества при анализе языкового материала. Возможные сомнения касаются, в частности, ситуаций состояния (в связи с полем состояния), экзистенциальных ситуаций, модальных, персональных, количественных. Во всех случаях, когда невозможно или затруднено структурирование семантики, ее представление в виде конфигурации элементов, выражаемых различными средствами высказывания, возникают сомнения в эвристической силе понятия КС. Лишь проверка данного понятия на значительном и разнообразном языковом материале, проверка исследовательской практикой может внести ясность в эти вопросы. И все же думается, что такие факторы, как возможность обращения к элементам отражаемых денотативных ситуаций, возможность учета всех средств высказывания, часто (хотя и не всегда) реализуемая возможность развертывания изучаемой семантики в виде семантических структур, конфигураций, проецируемых на высказывание в целом, все эти факторы создают общую благоприятную перспективу дальнейших исследований в области функциональной грамматики при использовании понятия типовых сигнификативных ситуаций, связанных с семантическими категориями, с функционально-семантическими полями в грамматике.

Самый термин «категориальная ситуация» необычен. Может вызвать возражение, что ситуацией названо как общее отражение определенного фрагмента действительности в содержании высказывания, так и тот или иной аспект общей сигнификативной ситуации. Следует подчеркнуть, что это повторение элемента

«ситуация» в обозначении более общего и более частного понятия неслучайно: категориальная ситуация — это и есть сигнификативная ситуация, но рассматриваемая не во всей полноте ее элементов, а под определенным углом зрения — с точки зрения определенной семантической категории (лежащей в основе соответствующего функционально-семантического поля). Сохранение названия «ситуация» за рассматриваемым понятием важно потому, что тем самым не только общее, но и частное, специализированное понятие связывается со всем тем, о чем шла речь выше, — с выходом в денотативную ситуацию, с развернутой структурой семантических элементов, с учетом всего содержания высказывания и всех представленных в нем средств выражения анализируемой семантики.

Обращение к понятию КС в системе понятий и терминов определенного варианта функциональной грамматики [см. Бондарко 1981] отнюдь не исключает использования известных терминов «частное значение» и «функция» применительно к грамматической форме (ср. частные видовые значения, функции форм НСВ т. п.). Каждый из этих терминов уместен в определенном типе анализа.

Подход к соотношению грамматической формы и контекста, связанный с понятием «частичное значение грамматической формы», предполагает описание в направлении от формы к семантике. Этот подход концентрирует внимание на варьировании категориального значения грамматической формы. В этом смысле данный подход является «формо-центрическим». Рассматриваемый способ анализа уже принес существенные конкретные результаты в грамматических описаниях [см., например, Маслов 1959; Рассудова 1968; Шелякин 1975]. Его использование представляется и в дальнейшем вполне оправданным в тех исследованиях, которые направлены на изучение категориальных значений грамматических форм в различных условиях их употребления.

Обращение к термину «функция грамматической формы» целесообразно в тех случаях, когда речь идет о цели, назначении формы — для чего она употребляется, причем имеется в виду не только выражение определенного языкового значения, но и цель, выходящая за пределы внутреннего содержания формы. Ср., например, функции форм настоящего времени, заключающиеся в передаче действий в сценических ремарках, в описании и изображении процессов в художественных произведениях и т. п. Далеко не все то, для чего служит данная форма при ее употреблении совместно с другими языковыми средствами, есть ее значение. Отсутствие жесткой связи понятия «функция грамматической формы» с системно-языковой значимостью, с содержанием формы как языкового знака расширяет возможности употребления данного термина (по сравнению с «частным значением»). Термин «функция» позволяет провести более четкую грань между кате-

гориальным значением формы (ее знаковым содержанием) и той целью, которая, во-первых, выходит за рамки этого знакового содержания, а во-вторых, достигается при участии не только формы, но и других средств высказывания (говоря о частных значениях грамматических форм, мы также условно связываем с данной формой то, что выражается не только ею; это оправдано ориентацией на грамматический строй языка, но требует тщательного анализа и вычленения собственного значения формы, в отличие от тех семантических элементов, которые связаны с контекстом).

Если же требуется изучить определенное семантическое содержание в его отношении к высказыванию, то оказывается необходимым понятие, специально ориентированное не на одну лишь грамматическую форму, а на высказывание в целом, на его содержание, отражающее определенный фрагмент воспринимаемой человеком действительности, на самые разнообразные средства выражения, заключенные в высказывании. Становится необходимым понятие, связанное с основным направлением анализа от семантики к средствам ее выражения. Таким понятием, на наш взгляд, и является «категориальная ситуация».

ЛИТЕРАТУРА

1. Адмони В. Г. Основы теории грамматики. М.-Л., 1964.
2. Акимова Т. Г. Сложноподчиненное предложение с придаточным времени во французском и английском языках. АҚД. Л., 1979.
3. Бондарко А. В., Буланин Л. Л. Русский глагол. Л., 1967.
4. Бондарко А. В. Вид и время русского глагола. М., 1971.
5. Бондарко А. В. Теория морфологических категорий. Л., 1976.
6. Бондарко А. В. Грамматическое значение и смысл. Л., 1978.
7. Бондарко А. В. Об уровнях описания грамматических единиц (на примере анализа функций глагольного вида в русском языке). — В кн.: Функциональный анализ грамматических единиц. Л., 1980.
8. Бондарко А. В. Основы построения функциональной грамматики (на материале русского языка). — Изв. АН СССР. Сер. лит. и языка, 1981, т. 40, № 6.
9. Бондарко А. В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. Л., 1983 (в печати).
10. Гак В. Г. Высказывание и ситуация. — В кн.: Проблемы структурной лингвистики 1972. М., 1973.
11. Кошмидер Э. Очерк науки о видах польского глагола. Опыт синтеза. — В кн.: Вопросы глагольного вида. М., 1962.
12. Мяслов Ю. С. Глагольный вид в современном болгарском литературном языке (Значение и употребление). — В кн.: Вопросы грамматики болгарского литературного языка. М., 1959.
13. Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка. М., 1970.
14. Рассудова О. П. Употребление видов глагола в русском языке. М., 1968.
15. Успенский В. А. К понятию диатезы. — В кн.: Проблемы лингвистической типологии и структуры языка. Л., 1977.
16. Холодович А. А. Залог (Определение. Исчисление). — В кн.: Категория залога (материалы конференции). Л., 1970.
17. Храковский В. С. Конструкции пассивного залога (определение и исчисление). — В кн.: Категория залога (материалы конференции). Л., 1970.

18. Шелякин М. А. Основные проблемы современной русской аспектологии. — В кн.: Вопросы русской аспектологии. Воронеж, 1975.
19. Якушин Б. В., Ярославцева Е. И. Критерий близости текстов по содержанию (ситуативный критерий). Изв. АН СССР. Сер. лит. и языка, 1980, т. 39, № 6.
20. Ярославцева Е. И. Исследование смысловой близости текстов. АКД. М., 1981.

ОБ АСПЕКТУАЛЬНОМ ПОНИМАНИИ СПОСОБА, ХАРАКТЕРА И ТИПА ГЛАГОЛЬНОГО ДЕЙСТВИЯ

М. А. Шелякин

В современной аспектологии стало уже общепризнанным выделять лексико-семантическую категорию предельности/непредельности действия в качестве одной из разновидностей общего функционально-семантического поля аспектуальности. Однако, как показывают факты, лексико-семантическая аспектуальность не ограничивается только данной категорией: внутри нее наблюдаются еще разные разряды глаголов, отличающиеся друг от друга отдельными аспектуальными свойствами. Лингвисты уже давно занимаются поисками таких разрядов глаголов в целях нахождения семантических контактов с грамматической аспектуальностью (категорией вида) как в рамках категории предельности/непредельности, так и вне ее. Чаще всего их называют глаголами действия и состояния, деятельности и событий, активных и пассивных действий, динамических и статических действий, развития и состояния и т. д. Одновременно глагольную лексику еще классифицируют по значениям способов действия (начинательные, ограничительные, результативные и др.) и другим основаниям (ср. деление глаголов на каузативные, фактитивные, инхоативные и т. д.).

В связи с такой семантической пестротой в определении аспектуально значимых разрядов глаголов напрашивается естественный вопрос: действительно ли обычно выделяемые частные группировки глаголов имеют аспектуальный статус и существует ли какая-нибудь системность в лексико-семантической аспектуальности? Так, например, Н. С. Авилова считает, что «не способы действия, а лексическое значение глагола оказывает влияние на способность их к видовой оппозиции» [1, 58], т. е. она сомневается в аспектуальной квалификации способов действия. Напротив, Ю. С. Маслов утверждает, что способы действия «важны не сами по себе, а своим взаимодействием с категорией вида» [5, 12]. В этих противоположных суждениях обнаруживается разное понимание способов действия — неаспектуальное и аспек-

туальное. В свою очередь, мы сомневаемся в аспектуальной релевантности тех 4-х семантических типов глагола, которые вместо способов действия предложила Н. С. Авилова, а именно: а) неактивные статические и динамические глаголы, действия которых «не стремятся к каким-либо изменениям», б) неактивные динамические глаголы со значением «становления или изменения состояния субъекта», в) активные «процессуальные» глаголы, действия которых замкнуты в сфере субъекта и г) активно «событийные» глаголы, действия которых направлены на объект [1, 17]. Во-первых, во всех перечисленных группах не являются аспектуально значимыми признаки активности/неактивности и динамичности, так как они встречаются одновременно в разных типах глаголов и поэтому избыточны. Во-вторых, неясно отличие признака «процессуальности» в третьем типе от признака «динамичности» в первом и втором типах глаголов, так как процессуальным может быть динамический признак и наоборот. То же самое касается и отличия признака «событийности» от признака «становления или изменения состояния субъекта». В третьих, 4-й тип глаголов просто повторяет характеристику переходных глаголов, аспектуальность которых неоднозначна (они могут быть предельными и непредельными). Главное же наше возражение против данной классификации глаголов состоит в том, что она не отражает специфики семантической зоны аспектуальности и заимствована, по свидетельству самой же Н. С. Авиловой, из работ, посвященных влиянию глагольных значений на семантику предложений, т. е. имеет синтаксическое, а не аспектуальное обоснование. Действительно, какое отношение к аспектуальности имеют признаки активности/неактивности, динамичности/статичности, переходности и др.? Н. С. Авилова полагает, что эти признаки влияют на формирование и особенности формального образования видовых пар, с чем, конечно, нельзя согласиться: второй и четвертый типы глаголов имеют видовые пары и в этом отношении не отличаются друг от друга, а третий тип образует их частично, выбор же формальных способов образования видовых пар зависит от особенностей морфологической структуры глагола, а не его семантики. Кроме того, аспектуальные свойства лексических значений глаголов проявляются не только в их способности/неспособности образовать видовые пары. Существует и другая сторона проявления связи семантики глагола с категорией вида — разрешимость/неразрешимость лексическим значением отдельных функций видовых форм, что не учитывается Н. С. Авиловой при решении проблемы вида и семантики глагольного слова.

Таким образом, вопрос об аспектуально-семантической классификации глагольной лексики в сфере предельных/непредельных глаголов пока остается открытым и нуждается в дальнейшем изучении. Ниже мы выскажем ряд соображений по это-

му поводу, исходя из следующих положений: а) лексико-семантическая аспектуальность представляет собой иерархическое строение, «верхним этажом» которого является категория предельности/непредельности, а «нижними этажами» — способы действия, характер действия и тип действия, б) последние группировки глаголов должны выделяться и определяться обязательно с учетом их вхождения в общую аспектуальную зону, пониматься и толковаться в аспектуальном плане.

I

Как уже отмечалось, по поводу способов действия среди аспектологов существуют разные мнения. Не касаясь здесь истории вопроса, отметим лишь, что истолкование и определение способов действия полностью зависит от общего понимания функционально-семантической категории аспектуальности. Если ее интерпретировать как отражение адвербиальных различий в типах протекания и распределения глагольного действия во времени, без дальнейшей конкретизации, то способы действия должны определяться как особенности лексического значения глаголов, относящихся к протеканию и распределению во времени глагольного действия. Подобное определение способов действия, естественно, наводит на мысль, что к ним относятся только формально выраженные модификации исходного глагола (типа: петь — попеть, пропеть час, распеться, запеть, попевать, запеться), ибо такие глаголы, как стоять, любить, висеть, писать и др., не имеющие модифицирующих приставок или суффиксов, не отвечают на вопрос, как протекает действие, какой способ его осуществления. Так возникла точка зрения на способы действия как лишь морфемно характеризованные значения или словообразовательные значения в синхронной системе отношений между производными и производящими глаголами. В последнее время эту точку зрения настойчиво проводит Н. С. Авилова (1, 259 и далее), ее поддерживает В. С. Храковский [8], она принята Русской грамматикой — 80 (6, автор раздела — Н. С. Авилова), Русской грамматикой Института иностранных языков ЧСАН (7, автор раздела — З. Скоумалова) и др.

Если функционально-семантическую категорию аспектуальности понимать несколько уже, с учетом центрального положения в ней грамматической категории вида и лексико-семантической категории предельности/непредельности, а также взаимосвязи и взаимодействия всех аспектуальных значений между собой, то к способам действия следует относить такие особенности лексических значений всех глаголов, которые так или иначе коррелируют с общей зоной аспектуальности и не обязательно выражаются модифицирующими морфемами. Таким образом,

согласно этой точке зрения способы действия, во-первых, свойственны всей глагольной лексике, независимо от формального выражения, во-вторых, не обязательно являются модифицирующими и, в-третьих, получают оправдание своего изучения в грамматике, а не в словообразовании. Подобный взгляд на способы действия был впервые обоснован в советском языкознании Ю. С. Масловым, правда, без узкого понимания зоны аспектуальности. Определение способов действия дано им следующим образом: «... под способами действия следует понимать некоторые общие (часто, но не обязательно выраженные словообразовательными средствами) особенности лексического значения тех или иных глаголов, относящихся к протеканию действия этих глаголов во времени и проявляющиеся в общих особенностях их функционирования в языке, а именно по линии словообразовательной активности, вида и синтаксического употребления» (4, 191). Поэтому Ю. С. Маслов предложил говорить о морфемно выраженных (или характеризованных) и морфемно невыраженных (или нехарактеризованных) способах действия с выделением промежуточной группы (непоследовательно характеризованных) способов действия, что затем легло в основу описания способов действия русского языка в книге А. В. Бондарко и Л. Л. Буланина «Русский глагол» (2, автор описания — А. В. Бондарко).

Так появилась другая точка зрения на способы действия. Она была поддержана и развита А. В. Бондарко, автором настоящих строк и нек. др. А. М. Ломов, рассмотрев две концепции способов действия, назвал первый подход интергративным, а второй дифференцирующим и подчеркнул, что они обе имеют право «на научное существование» (3, 32). Какая же из двух теорий способов действия более приемлема для аспектологии? Для решения этого вопроса обратимся к анализу аргументов первой и второй концепции.

Первая концепция, по сути дела, не аргументирует свои положения, а постулирует их в качестве аксиом. Так, Н. С. Авилова исходит из следующего:

1) «Следуя за традиционной русской грамматикой (!); мы... считаем, что те группировки глаголов, которые принято теперь называть «способами глагольного действия», именно тем и характерны, что они имеют формально выраженную модификацию действия, названного простым глаголом. Нам не кажется (!), что точка зрения Ю. С. Маслова и А. В. Бондарко на способы действия как именно на семантические разряды глаголов..., выделяемые на основе сходства в типах протекания и распределения во времени глагольного действия и охватывающие всю глагольную лексику, способствует уяснению существа самого явления «способа действия». Гораздо более плодотворной (?) и соответствующей реальной языковой действительности (?) нам кажется (!)

точка зрения, по которой «способы действия» обязательно выражаются внешними формальными признаками, которые модифицируют значение простого глагола» (1, 263—264). Отмеченные нами знаками внимания (!) и вопроса (?) места в цитате, конечно, нельзя считать аргументами, а сама цитата свидетельствует о том, что Н. С. Авилова рассматривает способы действия в чисто семантико-словообразовательном плане, хотя и оговаривает связь способов действия с видовой проблематикой (там же, 265—266). В этом нас убеждает еще одно положение автора книги:

2) «Нам представляется, что семантическое свойство глаголов, обуславливающее их способность к вступлению в видовую оппозицию, лексическая база видовых отношений, является абстракцией иного порядка, чем абстракция способов глагольного действия. Характер абстракции семантики глагольного действия служит как бы основой для формирования видовых пар глагола: с одной стороны, и способов глагольного действия, с другой. Так, предельный глагол **делать** способен в большинстве своих значений сформировать видовую пару (сов. сделать). Непредельный **лежать** не способен к образованию видовой пары, он формирует ограничительный способ действия (полежать, пролежать столько-то времени). Эти разные абстракции не находят своего разграничения в теории Ю. С. Маслова. Тем самым преувеличивается влияние способов действия на вид как грамматическую категорию, так как не способы действия, а лексическое значение глагола оказывает влияние на способность их к видовой оппозиции» (там же, 58). Здесь Н. С. Авилова неправомерно переносит свое понимание способов действия на понимание их Ю. С. Масловым, так как последний не отделяет значение способов действия от лексического значения, и выводит способы действия из сферы аспектуальности, что противоречит ее же утверждению о связи способов действия с видовой проблематикой.

Основной недостаток первой концепции способов действия заключается в том, что при противопоставленном разграничении модифицирующих способов действия и постоянных аспектуально-лексических значений становится неясным особое описание модифицирующих способов действия в грамматике (морфологии), как это сделано в Русской грамматике — 80. Это описание полностью повторяет соответствующие разделы приставочного и суффиксального образования глаголов в разделе «Словообразование» с одной только разницей — в морфологии они даны в определенной классификации с учетом общности значений и указанием на видовые особенности (видовую соотносительность), а в словообразовании — среди значений каждой приставки или суффикса, представленных в алфавитном порядке. В то же время в упомянутой грамматике отдельно рассматриваются соотноси-

тельные и несоотнесительные по виду глаголы, среди которых опять фигурируют модифицирующие способы действия. Таким образом, особый грамматический статус модифицирующих способов действия в данной грамматике не определен, что является следствием узкого и неаспектологического толкования способов действия в теории.

В. С. Храковский, как мы уже отмечали, поддерживает первую точку зрения на способы действия. Он полагает, что второй подход переводит способы действия из грамматической среды в лексическую, в отличие от первого подхода, при котором они рассматриваются как промежуточное явление между словообразованием и видообразованием (8, 6); далее, второй подход ему не кажется продуктивным с типологической точки зрения (там же, 9) и, как будто, приводит к признанию в одном глаголе одновременно двух разных способов действия: ср. поспать, погрузить — ограничительный способ действия, выраженный приставкой, и стательный, представленный производящими глаголами (там же, 11). Первый аргумент можно считать недоразумением, так как второй подход исходит из понимания способов действия как лексически промежуточных явлений, релевантных для видообразования и других аспектуальных свойств глагола. Второй аргумент пока трудно обсуждать, ибо он высказан в общей форме, хотя думается, что теория Ю. С. Маслова в большей мере обеспечивает типологические сравнения в связи с универсальностью многих именно немодифицирующих способов действия. По поводу третьего аргумента следует сказать следующее: как показывают наблюдения, ни один немодифицирующий способ действия не совпадает с границами модифицирующего способа действия, они — «разновелики», поэтому в модифицированных глаголах нельзя усмотреть несколько способов действия. Это и понятно, если учесть, что глаголы с модифицирующими способами действия, как и глаголы без них, представляют собой отдельные лексемы, отражающие отдельные действия, «отдельные кусочки глагольной действительности». Что касается семантической неоднородности тех и других способов действия, то все зависит от того, как понимать эту неоднородность. В чисто семантическом отношении они действительно неоднородны, но в аспектологическом — однородны в том смысле, что те и другие способы действия выделяются по наличию в них аспектуально характеризующих признаков.

В Русской грамматике — ЧСАН (7) способы действия понимаются в плане общего определения аспектуальных категорий глагола как «формально-структурных приемов, которыми характеризуется протекание глагольного действия, т. е. известный его аспект. Следовательно, сюда входит как категория глагольного вида, так и категория способов глагольного действия» (7, 215). Как видно из этого определения, аспектуальность здесь трак-

туется широко и связывается только с формально-структурными приемами, т. е. не учитывается лексико-семантическая категория предельности/непредельности, не имеющая однозначных формальных показателей. Поэтому к способам действия грамматика относит лишь модификационные глаголы. Какие-либо другие обоснования, кроме формально-структурного критерия, объединяющего, по мнению авторов грамматики, категорию вида и способы действия, не приводятся. Однако следует отметить, что формально-структурные приемы не могут служить критерием объединения категории вида способов действия, так как в русском языке нет однозначных видовых формантов, особенно для глаголов совершенного вида. В то же время обращает на себя внимание не столь категоричное отграничение модифицирующих способов действия от немодифицирующих. Приводим полностью цитату из этой грамматики, которая отражает взгляд чешских языковедов на способы действия: «В широком смысле слова можно почти у каждого глагола определить какой-нибудь способ протекания выражаемого им действия (состояния), так как этот способ действия заключается в самой семантике глагольной основы. Значение глагольной основы с ее аспектуальной и интенционной (лексико-синтаксической) характеристикой определяет поведение глагола как в отношении его грамматических категорий..., так и в отношении синтаксической конструкции. Несмотря на это, характер т. наз. способа действия целесообразно признавать не за всеми лексико-семантическими значениями основ, а лишь за теми из значений, которые можно установить на семантическом фоне других, однокоренных глагольных основ. В формальном же отношении способы глагольного действия определены обязательным присутствием аффикса, выражающего отличие характеризованного члена пары соотнесенных однокоренных глагольных основ (ср. говорить — заговорить, петь — припевать, плясать — доплясаться)» (там же, 242).

Мы придерживаемся иного взгляда на способы действия, близкого к теории Ю. С. Маслова, исходя как из упомянутого узкого понимания зоны аспектуальности, так и из реальных фактов. А факты эти следующие. В русском языке, как впрочем и в других языках, не существует однотипных формальных средств выражения категории предельности/непредельности, поэтому она не является ни грамматической, ни словообразовательной категорией. Категория предельности/непредельности обнаруживает себя косвенным образом в различных фактах глагольной системы. Одним из показателей этой категории являются префиксы и суффиксы. Префиксы, например, обычно сужают семантический объем исходного глагола и указывают на ту или иную предельность в развитии действия, ср. предельный суффикс -ну- в одноактном и инхоативном значениях: крикнуть, сохнуть. Напротив, есть суффиксы, например, итеративные (-ива-/ыва-), которые

выражают только неопределенный характер действия (покашливать, расхаживать). Таким образом, каждый префикс и суффикс указывает на различный характер предельности/неопределенности и в то же время имеет общие признаки с точки зрения значений этой категории. Подобные общие признаки имеют и морфемно нехарактеризованные элементы глагольного значения (ср. неопределенность **сидеть** и **покашливать**, предельность **строить дом** и **входить в дом**). Более того, морфемно выраженные разновидности предельности/неопределенности могут полностью соответствовать морфемно невыраженным признакам глагола: ср. **кинуть** — **кидать** и **бросить** — **бросать**. Поэтому категория предельности/неопределенности является обобщением всех глаголов, независимо от характера выражения и специфики ее отдельных семантических разновидностей.

Вот эти общие особенности (морфемно характеризованные и нехарактеризованные) лексических значений отдельных групп глаголов, выражающие типы протекания предельных/неопределенных действий, мы и называем аспектуальными способами глагольного действия. Способы действия формируют категорию предельности/неопределенности, являясь ее конкретными, детализированными значениями. Они различаются между собой и по специфике выражения, и по указанию на тот конкретный характер предельности/неопределенности действия, который определяет тип его протекания (результативность/нерезультативность, временной предел, предел интенсивности, неограниченная повторяемость и т. д.).

Так как категория предельности/неопределенности распределяет всю глагольную лексику на две группы, то и способы действия свойственны всей глагольной лексике, независимо от особенностей своего выражения. Они, можно сказать, еще ближе стоят к категории вида, чем предельность/неопределенность, определяя аспектуальные свойства более мелких, частных групп глаголов. Для аспектолога способы действия важны не сами по себе, а как такие семантические признаки глаголов, которые обладают объяснительной силой при изучении видовых свойств отдельных групп глаголов. Этим и оправдывается их место в грамматике, как оправдывается изучение в грамматике значений абстрактности/конкретности, вещественности существительных, относительности/качественности прилагательных и др., влияющих на грамматические особенности отдельных групп существительных и прилагательных. Факт признания того, что способы действия свойственны всем глаголам, независимо от формального выражения, больше способствует нахождению непосредственных связей между грамматической категорией вида и глагольной семантикой, чем отнесение способов действия к ограниченной группе глаголов. Чтобы видеть и обнаруживать связи категории вида со своей лексикологической базой, необходимо учитывать семанти-

ческую одноплановость, однотипность и глобальность одних и тех же компонентов этой связи.

II

Категорией предельности/непредельности и ее разновидностями — способами действия не исчерпывается лексико-семантическая аспектуальность русского глагола. Кроме них, существуют, можно сказать, самые нижние слои аспектуальности, непосредственно связанные с обозначением самого глагольного действия и определяющие, в свою очередь, особенности аспектуальности способов глагольного действия. Назовем их уровнями характера и типов действия. Характер действия представляют те особенности лексических значений глаголов, которые показывают формы проявления способов действия, а типы действия — лексические группировки глаголов по общим понятийным признакам. Характер действия так же, как и способы действия, является характеризующим значением, типы действия — номинативными значениями, формирующими способы действия и образующими их глагольно-понятийные области. Поясним сказанное примерами.

Среди предельных способов действия выделяется немодифицирующий общерезультативный способ действия, выражающий направленность действия на достижение одновероятного результата, соответствующего природе данного действия: ср. строить дом, писать письмо, красить стену, ржаветь и под. Следовательно, значение результативности является разновидностью значения предельности: после достижения результата само действие прекращается. Оно допускает образование двух форм вида — совершенного и несовершенного. Этот способ действия представлен такими группами глаголов со значением типов действия, как конструктивными (строить дом, писать письмо), трансформативными (красить стену), инхоативными (ржаветь) и др. Все они содержат в своей семантике признак результативной направленности действия, и многие из них обладают еще одним объединяющим признаком, но уже по характеру действия — обозначением постепенного накопления того или иного результата по мере осуществления действия (ср. варить суп, писать письмо, строить дом и др.). Этот элемент значения показывает форму достижения конечного результата. Однако среди общерезультативного способа действия встречаются глаголы с иным характером действия, а именно с признаком постепенного приближения к результату, элементы которого еще не содержатся в самом осуществлении действия и который является как бы внешней целью действия, ср. ловить (чтобы поймать), брать (чтобы иметь), будить, вспоминать, покупать и др. Наблюдаются также глаголы, которые обозначают действия с признаком достижения «моментального»

результата, ср. включить рубильник, терять, находить, приезжать и др.

От характера действия зависят аспектуальные особенности глаголов в пределах одного способа действия. Так, предпоследняя группа приведенных глаголов в форме несовершенного вида может выражать попытку, стремление достичь результата (ср. мы ловили его, но не поймали, я давал ему денег, но он не взял), а последняя группа приведенных глаголов в форме несовершенного вида обычно выражает либо повторяющиеся действия, либо «двусторонние» действия, либо другие аспектуальные функции (ср. он каждый день что-нибудь теряет, к нам приезжали гости), но не действие в самом процессе осуществления, в отличие от глаголов первой группы (ср. он писал письмо, когда я к нему вошел).

Характер действия свойствен не только немодифицирующим способам действия, но и модифицирующим. Так, начинательный способ действия русского глагола обладает признаком одноактности (запеть), дистрибутивно-суммарный способ действия — признаком постепенности, пантивности (переломать все деревья) и т. д. Способы действия и характер действия создают общую акционально-аспектуальную характеристику действия, в которой они выступают вместе друг с другом. Поэтому целесообразно при определении способов действия и поисках соответствующей терминологии давать комплексную характеристику акционально-аспектуальных признаков глаголов. Например, результативно-непроцессные глаголы (очутиться, оказаться), процессно-результативные глаголы (ловить, добиваться), результативно-отитивные глаголы (случиться, включить), чрезмерно-длительный способ действия (замечаться) и т. д. (хотя приходится считаться с уже установившейся терминологией способов действия).

В современной аспектологии характер действия часто называют также способами действия. Нам представляется, что для отражения иерархии аспектуальных значений в рамках более специализированного понимания категории аспектуальности необходимо и соответствующее терминологическое разграничение: способы действия — это разновидности предельности/непредельности, характер действия — форма проявления способов действия.

В меньшей мере влияют на видовую соотносительность и видовые функции глаголы разных типов действия, но они участвуют в лексическом наполнении способов действия и тем самым косвенно обладают аспектуальными свойствами. К типам действия относятся, например, конструктивные и деструктивные глаголы, трансформативные глаголы, инхоативные и др.

ЛИТЕРАТУРА

1. Азимова Н. С. Вид глагола и семантика глагольного слова. М.: Наука, 1976.
2. Бондарко А. В. и Буланин Л. Л. Русский глагол. Л.: Просвещение, 1967.
3. Ломов А. М. Очерки по русской аспектологии. Воронеж: изд. Воронежского у-та, 1977.
4. Маслов Ю. С. Вопросы глагольного вида в современном зарубежном языкознании. — В кн.: Вопросы глагольного вида. М.: ИИЛ, 1962.
5. Маслов Ю. С. Глагольный вид в современном болгарском литературном языке. — В кн.: Вопросы грамматики болгарского литературного языка. М.: АН СССР, 1959.
6. Русская грамматика, т. I. М.: Наука, 1980.
7. Русская грамматика, I. Academia, Praha, 1979.
8. Храковский В. С. Некоторые проблемы универсально-типологической характеристики аспектуальных значений. — В кн.: Аспектуальность и средства ее выражения. — Вопросы русской аспектологии, V. Тарту: изд. ТГУ, 1980.

О МОДЕЛИРОВАНИИ ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ АСПЕКТУАЛЬНОСТИ РУССКОГО ЯЗЫКА

(тезисы) ¹

М. А. Шелякин

1. В современной аспектологии семантическая зона глагольной аспектуальности обычно определяется как зона характера протекания и распределения (или представления протекания и распределения) глагольного действия во времени. Тем самым аспектуальность отличается от темпоральности, залоговости и др. функционально-семантических категорий своей дескриптивной природой и относится к характеризующему типу семантики. Согласно такому пониманию глагольной аспектуальности в ней выделяются категория вида, лексико-семантическая категория предельности/непредельности и характеризованные способы действия; все они изучаются с точки зрения выражения ими особенностей протекания действия во времени без обязательного учета их взаимосвязи и взаимодействия. Родовым понятием для всех этих характеризующих значений могло бы быть понятие «акциональность», а наука, изучающая акциональность, могла бы быть названа «акциологией». Такая специальная область изучения глагольной лексики и соответствующих неглагольных средств имеет право на существование, и ее место — не столько в морфологии, сколько в общей функциональной грамматике, которая опиралась бы на описание широко понимаемых функционально-семантических полей.

2. Однако аспектуальность можно понимать несколько уже, как одну из акциональных категорий, охватывающую специаль-

¹ Публикуются тезисы доклада, прочитанного автором в феврале 1982 г. в секторе теории грамматики и типологических исследований ЛО Института языкознания АН СССР. Изложенная в тезисах концепция функционально-семантической категории аспектуальности легла в основу подготовленной к печати монографии «Категория вида и способы действия (теоретические основы)».

ную зону выражения временной перспективности/неперспективности в проявлении действия или зону распределения действия во времени с точки зрения ограниченного/неограниченного его проявления. В таком случае все отдельные ее разновидности представляют собой взаимосвязанные и взаимозависимые явления, среди которых категория вида выступает как центральная категория. Таким образом, аспектуальность в узком понимании является одной из областей «явной» и «скрытой» грамматики, и ее место — в функциональной морфологии, связанной с синтаксисом и лексикой. В дальнейшем речь пойдет о моделировании глагольной аспектуальности в узком ее понимании.

3. Аспектуальность представлена в русском языке а) на грамматическом уровне — категорией вида, б) на лексико-семантическом уровне — категорией предельности/непредельности, способами действия как разновидностями категории предельности/непредельности и формирующими ее, значениями характера действия как формами проявления способов действия и типами действий — номинативными значениями глаголов, в) на синтаксическом уровне — особыми синтаксическими и текстовыми функциями категории вида (не исключено и выделение и других уровней, например, модального проявления аспектуальности).

3.1. Категория вида представлена общими (инвариантными) значениями, их частными реализациями (частными значениями) и отдельными функциями, не мотивированными общей структурно-семантической базой категории вида. Следовательно, мы различаем функциональную модель видовых форм и структурно-семантическую модель вида как часть общей функциональной модели видовых форм. Функциональный диапазон грамматических форм включает в себя пучок значений и созначений, мотивированных структурно-семантической базой грамматической категории; и функции грамматических форм, непосредственно не сводимые к значениям грамматической категории. К последним относится системно-нейтральная функция формы несовершенного вида — обозначения факта действия без аспектуальной характеристики. Она функционально значима и противопоставляется мотивированным функциям видов, выступая в обобщенно-фактическом варианте, не допускающем синонимии видовых форм, и в частно-фактическом варианте, допускающем синонимию видовых форм. Наличие системно-нейтральной функции формы несовершенного вида объясняется историческими причинами: язык стремится сохранить не только свои единицы, но и бывшие функции единиц (ср. также первоначальные значения современных суффиксов имперфективации).

Общими значениями видов являются значения целостности/нецелостности обозначенного данной глагольной основой действия. Они формируются следующими противопоставленными признаками: процессность/непроцессность; неограниченная крат-

ность или длительность/ограниченная кратность и длительность; недостижение этого или иного предела/достижение того или иного предела; неисчерпанность (неполнота) осуществления действия/исчерпанность (полнота) осуществления действия.

Указанные дифференциальные признаки общих значений видов лежат в основе их частных значений, которые не возникают контекстами, а проявляются в контекстах, в том числе и в лексических значениях глаголов («внутренний» контекст). Частными значениями несовершенного вида являются: конкретно-процессное; конативное; незавершенности (ср. здесь что-то строили); неограниченно-продолжительное с вариантами — неограниченно-непрерывное и неограниченно-кратное; потенциально-постоянное. Частными значениями совершенного вида являются: конкретно-фактическое; суммарно-интергративное (типа: он написал много книг) и налично-результативное как промежуточное между конкретно-фактическим и суммарно-интергративным значением (типа: мы победим, все пришли).

Кроме отмеченных частных значений видов и фактической функции формы несовершенного вида, в функциональный диапазон видовых форм входят: отвлеченно-потенциальная функция формы несовершенного вида, допускающая синонимию с наглядно-примерной функцией конкретно-фактического значения совершенного вида, а также функция абсолютного отрицания действия формы несовершенного вида и функция модального (относительного) отрицания действия формы совершенного вида.

3.2. Лексико-семантическая категория предельности/непредельности представлена непредельными глаголами и двумя разновидностями предельных глаголов — предельно-результативными и предельно-количественными (последние образованы от непредельных глаголов). Следовательно, мы различаем значения предельности/непредельности как значения, входящие в семантическую структуру глаголов, обозначающих отдельные действия (сидеть — непредельный глагол, посидеть — предельный глагол, обозначающий отдельное действие). Предельно-количественные глаголы нередко приобретают результативные признаки, свойственные предельно-результативным глаголам (ср. как хорошо я поспал!).

3.3. Ограничение понятия способов действия лишь характеризованными с/д и рассмотрение их вне категории предельности/непредельности не позволяет определить их грамматический статус (ср. Русскую грамматику — 80) и установить ту общую лексико-семантическую зону, которая служит основой для непосредственной связи между категорией вида и глагольной лексикой. Если придавать понятию способов действия аспектуальное содержание, то их следует считать семантическими разновидностями категории предельности/непредельности, независимо от характера выражения, и сама терминология названий способов дей-

ствия должна отражать их аспектуальную сущность. Таким образом, способы действия формируют категорию предельности/непредельности, охватывая всю глагольную лексику русского языка.

С изложенной точки зрения способы действия целесообразно классифицировать с учетом их предельных/непредельных значений и систематизировать по двум группам — способы действия предельных глаголов и способы действия непредельных глаголов.

В целях отражения иерархии аспектуальных значений в рамках общей категории аспектуальности предлагается впервые выделять, кроме способов действия, значения характера и типа действия (термины условны). Характер действия — это форма проявления аспектуального способа действия или акциональные признаки глаголов, сопровождающие их аспектуальные признаки; они выступают всегда вместе друг с другом, определяя акционально-аспектуальную характеристику действия: ср. одноактность начинательного способа действия, «постепенность» дистрибутивно-суммарного способа действия (переломать), пассивность достижения результативного способа действия (варить суп, строить дом) и тотивность достижения результата у других глаголов результативного с/д (включить, встретить на улице и др.). Акционально-аспектуальная характеристика действия влияет на образование видовых пар и видовые функции форм совершенного и несовершенного вида.

Тип действия — выделяется по общности структуры действия или общности понятийных признаков. Под структурой действия понимается процессное соотношение предметов во времени, создающее то, что мы называем глагольным действием: например, действие «лежать» предполагает горизонтальное и неподвижное положение одного предмета на другом, а «стоять» — вертикальное и неподвижное положение одного предмета на другом и т. д. Типы действия формируют способы действия, образуют его глагольно-понятийные зоны: ср. конструктивные, инхоативные, трансформативные и др. типы действий, входящие в общерезультативный способ действия.

На формальном уровне способы действия, характер и типы действия разграничиваются по специфическим валентным свойствам глагола.

Предлагается следующая схема описания способов действия русского глагола с указанием их характера и типов действий, валентных свойств, а также видовых особенностей:

1. Способы действия предельных глаголов русского языка.

1.1. Результативные способы действия.

1.1.1. Общерезультативный способ действия (бесприставочные и приставочные глаголы):

а) Результативно-непроцессные глаголы (типа: очутиться, окататься, скончаться, усыновить и др.);

- б) Репродуктивный способ действия (переиздать);
- в) Проспективный способ действия (заготовить, предпринять, подготовить).

1.2. Терминативно-временные способы действия:

1) Фазово-временные способы действия:

- а) Начинательный способ действия (закричать, побежать, взрывать);
- б) Финитивный способ действия (отшуметь, отзаниматься).

2) Детерминативно-временные способы действия:

- а) Пердуративный способ действия (просидеть два часа, отдохнуть сутки, переночевать);
- б) Результативно-тотивные глаголы (типа: включить/включать, случиться/случаться, прийти/приходить и др.);
- в) Процессно-результативные глаголы (типа: ловить/поймать, будить/разбудить, добиваться/добиться и др.);
- г) Результативно-пантивные глаголы (типа: вянуть/завянуть, строить/построить, красить/покрасить, бриться/побриться и др.);
- д) Терминативно-локальные глаголы (типа: добежать до дома, ложить до весны);
- е) Результативно-аннулирующие глаголы (типа: полюбить-разлюбить, заминировать-разминировать).

1.1.2. Специально-результативные способы действия:

1) Количественно-объемные способы действия:

- а) Кумулятивный способ действия (настроить домов);
- б) Дистрибутивно-суммарный способ действия (перемыть всю посуду, раздарить, опросить);
- в) Комплетивно-партитивный способ действия (подрезать, долить, надвязать, прикачать воды);
- г) Финально-комплетивный способ действия (дочитать);
- д) Отделительно-партитивный способ действия (отлить воды).

2) Количественно-интенсивные способы действия:

- а) Аттенуативный (смягчительный) способ действия (надломить, подкрасить, примять, напеть, запилить);
- б) Недостаточно-нормативный способ действия (недокормить);
- в) Тотальный способ действия (изранить, вытоптать);
- г) Интенсивно-качественный способ действия (накалить печь);
- д) Интенсивно-усилительный способ действия (растолстеть, украсить);
- е) Длительно-усилительный способ действия (добудиться);

- ж) Интенсивно-процессный способ действия (выпросить);
- з) Чрезмерно-продолжительный способ действия (запороть);
- и) Чрезмерно-нормативный способ действия (перекормить).

3) Качественно-результативные способы действия:

- а) Качественно-оценочный (выбрить, отточить, просушить);
- б) Осложненно-характеризующий способ действия (выписывать буквы).

4) Результативно-обстоятельственные способы действия:

- а) Реформативно-повторительный способ действия (переписать);
- б) Делимитивный способ действия (полежать, пробежаться, всплакнуть);
- в) Протяженно-одноактный способ действия (провить, прогрозить).

1.3. Терминативно-продолжительные и терминативно-интенсивные способы действия:

- а) Сативный способ действия (нагуляться, выпаться);
- б) Чрезмерно-кратный способ действия (изголодаться);
- в) Чрезмерно-интенсивный способ действия (убегаться);
- г) Финально-отрицательный способ действия (догуляться до болезни);
- д) Чрезмерно-длительный способ действия (замечаться, засидеться);
- е) Усилительно-интенсивный способ действия (раскричаться);
- ж) Сверхнормативно-длительный способ действия (переспать).

1.4. Одноактный способ действия (кольнуть, ужалить, бросить).

2. Способы действия неопределенных глаголов русского языка.

- 2.1. Постоянно-наличный способ действия (находиться, весить, значить, называться, помещаться, корова бодается, ценить, отрицать, отсутствовать);
- 2.2. Статальный способ действия (любить, хотеть, блестеть, дымить);
- 2.3. Эволютивный способ действия (караулить, танцевать, беседовать, ходить, идти по улице);
- 2.4. Многоактный способ действия (гавкать, шипеть, дрожать, вилять, болтать ногами);
- 2.5. Постоянно-узусальный (постоянно-повторительный) способ действия (работать, учительствовать, командовать, бродяжничать, бедствовать);
- 2.6. Интеративные (кратные) способы действия:
 - а) Прерывисто-смягчительный способ действия (попевать);

- б) Процессно-смягчительный способ действия (напевать);
- в) Процессно-комитативный способ действия (припевать, подпевать);
- г) Процессно-длительный способ действия (размахивать, расхаживать);
- д) Осложненно-интенсивный способ действия (вызвякивать);
- е) Длительно-взаимный способ действия (переглядываться).

4. Синтаксические функции видовых форм совмещают, с одной стороны, аспектуальные характеристики действия, и, с другой стороны, характеристики его осуществления по отношению к другим (другому) действию в пределах какого-нибудь одного события. Под событием понимается в широком смысле слова все то, что происходит в определенном месте и времени. Оно может быть представлено цельным, нерасчлененным обозначением одним глаголом или как нечто системное, состоящее из взаимосвязанных действий. В соответствии с данной дифференциацией событий различается изолированное и соотносительное употребление глаголов. Это различие оказывает влияние на закономерности функционирования видов в разных формах речевой деятельности. Изолированное употребление свойственно широкой сфере непосредственной коммуникации в ее вопросно-ответной форме. Соотносительное употребление — только плану информации о событиях в устной или письменной формах.

4.1. Синтаксическими функциями формы совершенного вида является выражение последовательности разовых действий с разными отношениями между действиями (выделяется 10 типов отношений последовательных действий). Синтаксическими функциями формы несовершенного вида является выражение одновременности (полной или частичной) действия между собой.

Выражение кратности соотносительных действий в целом является нерелеватной позицией употребления видовых форм, допускающей их синонимию.

4.2. Текстовые функции видовых форм опираются на их синтаксические функции. Конструктивная роль в организации текста всегда принадлежит форме совершенного вида, она несет на себе основную коммуникативно-текстовую нагрузку. Форма несовершенного вида создает фон или тему текстовой организации, которая служит исходным моментом для развертывания и законченности текста при помощи формы совершенного вида.

Соотношение форм совершенного и несовершенного вида может создавать также коммуникативное оформление отдельных информаций о каких-то событиях, в котором совершенный вид занимает место предиктирующего члена, несущего основную коммуникативную информативность. Текст сообщения может состоять из одних глаголов несовершенного вида. В таком случае он раскрывает, детализирует тему сообщения, но не передает информацию о событии. При наличии в тексте только глаголов

совершенного вида он получает характер связанных между собой отдельных событий, причем первое событие обычно оформляется глаголом в перфективной функции.

5. Категория вида обнаруживает одни и те же частные значения и функции во всех грамматических формах глагола. Однако не во всех формах глагола встречается полный «набор» значений и функций видовых форм. В этом отношении играет роль взаимозависимость аспектуальных и неаспектуальных значений глагольных форм. Исчерпывающий «набор» видовых функций выявляется прежде всего в индикативе и в инфинитиве — наиболее емких функционально-семантических формах. Другие глагольные формы — императив, сослагательное наклонение, пассив, причастие и деепричастие — либо несколько сужают круг аспектуальных функций видов, либо специализируют их в соответствии с особенностями своей грамматической семантики.

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ПОСТОЯННОГО ОТНОШЕНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Ф. М. Ибрагимова

Проблема «отношение» является одной из основных в современном научном знании. В последние годы особенно возрос интерес к ней, о чем свидетельствует появление большого числа работ, рассматривающих отношение с логико-философских позиций (Свидерский, Зобов, 1980; Овчинников, 1965; Рыбалко, 1974). Еще Аристотель указывал на объективность существования отношения, присущего самому бытию, и на то, что именно в отношении вскрываются связь и взаимозависимость всего сущего (Аристотель, 1956).

В языке как отражении внешнего мира получают языковую интерпретацию и отношения, существующие в этом мире. Многогранность самого явления отношения предполагает и его многоаспектную языковую характеристику. Так, на уровне лексической системы языка рассматривает отношение Р. М. Гайсина. Она выделяет обширное лексико-семантическое поле отношения и анализирует семную структуру значения глаголов отношения (Гайсина, 1980). Отражение логико-семантических отношений в словарных дефинициях в целях изучения соотношения семантики и синтаксиса с позиций лингвистического конструирования исследует Ю. Н. Караулов (Караулов, 1981).

Выражение отношения является одним из интересных и мало разработанных вопросов, входящих и в круг аспектологических проблем. Мы рассматриваем отношение как семантическую категорию поля аспектуальности. Она характеризуется широкой семантической вариативностью, связанной со сложной разнородной системой средств формального выражения.

Целью настоящей статьи является характеристика разных аспектов языкового выражения отношения, разработка типологии реляционных ситуаций с элементами их аспектуально-темпоральной характеристики.

При определении статуса отношения мы исходим из широкого понимания глагольного действия. В конкретных речевых актах

действие (в широком смысле) интерпретируется либо как собственно действие, которым занят субъект, либо как его состояние, либо как отношение, в которое он включается. Вследствие этого глаголы отношения наряду с глаголами, выражающими собственно действие или состояние, обладают присущими глаголу акциональными характеристиками.

В аспектологической литературе уже выделены семантические группы глаголов на основании общности типа протекания действия [Маслов, 1959; Бондарко, 1967; Шелякин, 1972]. В ряду морфемно нехарактеризованных способов действия, связанных с аспектуальностью, стоит и реляционный способ действия, составляющий лексико-грамматическое ядро реляционной функции [Бондарко, 1980]. В отличие от других функций, реализующихся при участии несовершенного вида (конкретно-процессной, неограниченно-кратной, обобщенно-фактической), в целом менее обусловленных конкретным лексическим наполнением глаголов, реляционная функция отличается избирательностью по отношению к глагольной лексике.

Глаголы реляционного способа действия («иметь», «относиться», «зависеть», «содержать» и др.) выражают различного рода отношения между реалиями объективной действительности.

Реляционный способ действия был выделен из всего массива лексико-семантической группы глаголов отношения на основе единой грамматической характеристики — принадлежности к несовершенному виду (видовая несоотнесенность) [Бондарко, 1976, с. 182].

Глаголы реляционного способа действия наиболее специализированно выявляют способность несовершенного вида выражать данный семантический признак «отношение» на лексемном уровне*. Все глаголы рассматриваемой группы имеют в своей семантической структуре объединяющий их в одно целое категориальный семантический компонент «отношение», противопоставляющий глаголы отношения статальным глаголам, эволютивным и др. Этот способ действия представляет отношение как одно из проявлений значения нецелостности, присущего несовершенному виду, как элемент категориальной семантики, который не может быть представлен в целостности (под «целостностью» здесь понимается категориальное значение совершенного вида).

Понятие реляционной функции шире понятия реляционного способа действия. Оно уже связано с уровнем функционирования

* А. В. Бондарко выделяет два уровня реализации категориальных значений: уровень отдельно взятой лексемы и уровень функционирования словоформ (Бондарко, 1980, с. 8—9).

* Высказывания с формами будущего времени имеют сложное отношение к признаку временной отнесенности отношения и в данной статье не рассматриваются.

словоформ. Здесь немаловажная роль в выражении ситуации постоянного отношения принадлежит контексту (включая глагольную лексику со значением отношения). Так, в языковой реализации ситуации постоянного отношения помимо формы несовершенного вида, видовое категориальное значение которой конкретизируется реляционным способом действия, активное участие принимают и элементы контекста, определяющие аспектуально-темпоральную характеристику ситуации. Например, со стороны ее временной отнесенности: Большинство населения Омана сегодня принадлежит к мусульманской секте ибадитов, выделившейся из движения хариджитов в конце VII — начале VIII века (О. Г. Герасимов. На ближневосточных перекрестках); *Прежде* публика таких выставок *состояла* только из нескольких слоев общества и кончалась разве только мещанами и мелкими торговцами (В. В. Стасов. На выставках в Москве); либо с точки зрения включенности/невключенности отношения в течение времени: *Еще долго будут отличаться* заводы друг от друга по своей технической оснащённости (Учебник экономической географии. 9 класс); *До 1348 года* Псков *входил* в число новгородских пригородов (История русского искусства).

На уровне функционирования словоформ выражение постоянного отношения уже не является прерогативой лишь только глаголов реляционного способа действия. Важную роль в языковой реализации ситуации отношения играет контекст. В отношении проявляется определенная взаимосвязь каких-либо двух (или более) объектов («субстанций»). В контексте же эти объекты, между которыми устанавливается отношение, получают эксплицитное выражение. Например: Заряд ядра *определяет* химические свойства атома (отношение обусловленности); Каждой ландшафтной зоне и каждому ландшафту *соответствует* свой тип почвы (отношение соответствия). В некоторых случаях контекст полностью берет на себя функцию выражения отношения. Например, передача посессивного отношения в следующих безглагольных конструкциях: У девочки новое платье; У него отличный слух. Важно, что такие конструкции в принципе могут выразить ситуацию отношения при отсутствии глагольных форм.

В сферу выражения постоянного отношения могут вовлекаться и глаголы, не обозначающие собственно отношение и принадлежащие к другим способам действия. Можно предполагать наличие в значении многих глаголов элементов релятивности. Так, Р. М. Гайсина выделяет собственно глаголы отношения («иметь», «относиться», «обладать»), у которых релятивная сема является единственной доминирующей, и глаголы, в которых сема релятивности выступает в сочетании с другой, менее абстрактной семой. Например, значение глагола «беседовать» организовано двумя семами — семой «речь» и семой «отношение» [Гайсина, 1980, с. 23].

В соответствующих контекстуальных условиях элемент релятивности может активизироваться, «погашая» неактуальные в данной ситуации другие элементы значения, и тогда глагол в одном из своих значений может участвовать в реализации ситуации отношения. Так, глагол «входить», в своем предельном значении включается в общезулытийный способ действия. Например: Петр, тихо приоткрыв дверь, *входит* в комнату (В. Алексеев. Встреча в пути). В предложениях типа Деготь *входит* также в состав мази Вишневого (С. В. Аничков, М. Л. Беленький. Учебник фармакологии) глагол выступает в своем неопределенном значении и является частью комплекса, отражающего в языке ситуацию постоянного отношения (в данном случае ситуацию включения части в целое).

Возможно сближение и пересечение различных способов действия с реляционным на функциональном уровне. Например: Атлантическое побережье Севера *лежит* между берегом океана и Аллеганскими горами (Страны и народы. Америка). Глагол «лежать» в своем прямом значении относится к статальному способу действия. В этом же конкретном случае он участвует в передаче пространственного отношения.

На основании всего вышесказанного можно выделить определенную взаимодействующую совокупность аспектов выражения отношения. Первый аспект — это реализация отношения в отдельно взятых глагольных лексемах. По мере усложнения способов передачи постоянного отношения в сферу его выражения вовлекаются различные элементы контекста. Здесь мы уже имеем дело с функциональным аспектом. Схематически это можно представить так: Реляционный способ действия — реляционная функция — тип ситуации.

Типы ситуаций представляют собой отраженные человеческим сознанием обобщенные модели ситуаций отношения. Типовые ситуации являются обобщением разнообразных отношений, существующих во внеязыковой действительности, а потому они неоднородны и в своей языковой реализации.

Акциональным центром ситуации отношения является глагол, в зависимости от лексического значения которого проводится выделение типов ситуаций отношения. Анализ материала позволяет выделить значительное количество типов ситуаций. Приведем предварительный список типов ситуаций, не претендующий на полноту:

— пассивные отношения: Северная Америка *обладает* крупными полноводными реками, многочисленными озерами. (Страны и народы Америка);

— экзистенциальные отношения: ... ко времени личного знакомства Леонид Андреев уже знал, что *существует* такой Александр Блок, с которым где-то, как-то и для чего-то надо встретиться и он окажется не чужим (А. Блок. Памяти Л. Андреева);

— пространственные отношения: На северо-востоке к Кабульскому району *примыкает* Нуристан — труднодоступная горная область (Страны и народы. Зарубежная Азия);

— отношения сходства, подобия и различия: Кыновские мастеровые как две капли воды *походили* на мастеровых других горных заводов (Д. Н. Мамин-Сибиряк. Бойцы); Песенный якутский язык *отличается* от обиходного так же, как наш славянский от нынешнего разговорного (В. Г. Короленко. Ат-Даван);

— отношения соответствия/несоответствия: Определенному уровню развития производительных сил *соответствуют* определенные производственные отношения людей (Б. Ц. Урланис. Народонаселение);

— отношения равенства/неравенства: Великая любовь неразлучна с глубоким умом: широта ума *равняется* глубине сердца... (А. Гончаров. Обрыв);

— отношения меры, стоимости: Очень возможно, что Ваше одесское имение *стоит* двести тысяч (А. П. Чехов — О. Т. Васильевой);

— отношения типа «часть-целое»: В шестьдесят шестом Тушино еще *входило* в большой район Красной Пресни (А. Медников. Свет московских окон);

— отношения приемлемости/неприемлемости: Вы человек рыхлый, чувствительный, уступчивый..., а все сии качества *не годятся* для строгого, беспристрастного судьи (А. П. Чехов — В. А. Тихонову).

Многообразие типов ситуаций отношения допускает их многоаспектную характеристику.

Анализ материала позволил выделить следующие классификационные признаки отношения:

1) степень конкретности/абстрактности типа отношения, выраженного в ситуации; 2) наличие/отсутствие временной отнесенности отношения; 3) включенность/невключенность отношения в течение времени; 4) наличие/отсутствие способности отношения выступать характеризующим признаком субъекта.

Выделение типов отношения на основе названных признаков позволяет конкретизировать аспектуальные характеристики отношения, т. е. особенности его распространения во времени.

Данные признаки не равноценны по их значимости в системе классификационных признаков отношения. Основным, наиболее значимым является признак степени конкретности/абстрактности типа отношения, выраженного в ситуации. Все другие признаки отношения являются производными от него, охватываются им.

По степени конкретности/абстрактности типа отношения все ситуации распределяются на две большие группы: 1) ситуации большей степени абстрактности (постоянное отношение) и 2) ситуации большей степени конкретности (непостоянное отно-

шение). Так, к ситуациям большей степени конкретности можно отнести ситуации сходства, подобия и различия.

К ситуациям большей степени абстрактности можно отнести ситуации меры и стоимости, приемлемости / неприемлемости и др.

В основе такого подразделения ситуаций лежит степень конкретности / абстрактности семантики глагола как основного носителя типа отношения, выражаемого ситуацией.

В словарных дефинициях, раскрывающих лексическое значение глагола, в общем виде дается указание как на тип отношения, так и на семантику имен, заполняющих объективно-субъективную позицию при глаголе, в плане их конкретности / абстрактности, одушевленности / неодушевленности и т. п. В качестве примеров ниже приводятся словарные статьи глаголов «походить» и «годиться».

«Годиться — несов. Быть на что-л., к чему-л. годным, удовлетворять определенным требованиям. [Крот] Орлу взял смелость доложить, что этот дуб для их жилища не годится. Что весь почти он в корне сгнил. И. Крылов. Орел и Крот [Погуляев :] Займусь журнальной работой; коли гожусь на это дело, так ладно, а то другой работы поищу. А. Островский. Пучина. — Прислали нам десятка два разных пьес, но ни одна не годится. Чехов. Три года . . .» [МАС, т. I, с. 433].

«Походить² — несов., на кого-что. Быть похожим на кого-, что-л. Походить лицом на мать. Комната его походила скорее на кладовую или чулан, нежели на человеческое жилище. Н. Успенский. Междворов. [Облако] походило то на лодку, то на человека, окутанного в одеяло. Чехов. Страхи. Адъютант на длинных ногах старался во всем походить на генерала. Фадеев. Молодая гвардия.» [МАС, т. III, с. 466].

Конкретное отнесение ситуации к тому или иному типу возможно при ее языковой реализации (см. примеры в словарных статьях), когда семантика лексического окружения глагольной формы, различные элементы контекста задают определенную направленность высказыванию (как языковому аналогу внеязыковой ситуации) в плане его аспектуально-темпоральных характеристик. Далее мы будем опираться на понятие аспектуальной ситуации, предложенной А. В. Бондарко*.

По признаку наличия / отсутствия временной отнесенности отношения выделяются две разновидности высказываний, связанных с реляционной функцией: 1) высказывания, характеризующиеся временной отнесенностью отношения и 2) высказывания, не характеризующиеся временной отнесенностью отношения.

* См. статью А. В. Бондарко в настоящем сборнике.

Внутри второго типа высказываний в свою очередь выделяются следующие два варианта: а) высказывание с общей временной отнесенностью отношения к планам прошедшего и настоящего и б) высказывания с конкретной временной отнесенностью отношения к планам прошедшего и настоящего.

Рассмотрим высказывания, характеризующиеся отсутствием временной отнесенности отношения. Такие высказывания выражают постоянную данность отношения [Русская грамматика, 1980, с. 610].

Примеры: Разными тембрами *отличаются* друг от друга голоса людей, звуки отдельных музыкальных инструментов (В. А. Крутецкий. Психология); Пассатам у поверхности земли соответствуют антипассаты противоположного направления в более высоких областях атмосферы (Происхождение и развитие океана).

Уже в самом понятии «отношение» заложено значение устойчивости, стабильности, не предполагающее кратковременности его существования. Подчеркивается именно «данность» отношения вообще, не предполагающая какой-либо временной характеристики. Наблюдается некоторая жанровая «закрепленность» высказываний с этим значением. Такое употребление особенно характерно для научной речи, различного рода учебных пособий. Это определенным образом сказывается на семантике имен, выступающих в роли «объектов», «включенных» в отношение. В основном она носит абстрактный характер, например: Диаметр сверхзвезды в несколько раз *превосходит* диаметр орбиты Земли, а масса *составляет* миллионы масс Солнца (Н. Петрович. Кто ты?); Возможность многостаночной работы *зависит* не только от коэффициента машинного времени, сколько от степени занятости рабочего (В. Пономарев. Высокопроизводительные методы зубофрезерования); При работе и разных видах обязательного труда весь продукт *принадлежит* землевладельцу (Н. Г. Чернышевский. Очерки из политической экономии (по Миллю)).

Для выражения данного значения главным образом используются формы настоящего времени. Возможно использование и форм прошедшего времени для выражения данности отношения в прошлом. Здесь имеется в виду не план прошедшего времени. Речь идет об отношении, которое было постоянным и могло бы таковым оставаться, но оно прекращается с прекращением существования «объектов», находящихся между собой в тех или иных отношениях: Примеры: В состав Ахеменидской державы *входили* также Армения, Азербайджан, Афганистан, южная часть Средней Азии, Белуджистан (Страны и народы. Зарубежная Азия); Укрепления Вавилона *состояли из* двух рядов стен (Всемирная история архитектуры. т. 1). Такое употребление в основном характерно для различного рода исторической литературы.

Отношение, представленное как постоянная данность, имеет

сложное отношение к признаку локализованности/нелокализованности. Обычно под локализованностью/нелокализованностью подразумевается прикрепленность/неприкрепленность действия к конкретному моменту (отрезку) времени.

Действие даже при условии его максимальной нелокализованности существует во времени. Постоянное отношение же не включается в поток времени, не имеет временной протяженности. В отличие от действия оно «не конечно» по своей онтологической сущности. Исходя из всего вышесказанного, мы можем предполагать наличие у постоянного отношения специфической темпоральной характеристики: отсутствие временной характеристики есть своего рода временная характеристика.

Понятие локализованности/нелокализованности в обычном его понимании по отношению к постоянному отношению оказывается смещенным. На наш взгляд, есть основание говорить уже о локализованности/нелокализованности отношения как содержательной разновидности категории локализованности/нелокализованности.

Любая локализация отношения во времени качественно меняет тип отношения. Постоянное отношение «преобразовывается» в непостоянное, существующее во времени (временное отношение). Категория локализованности/нелокализованности здесь выступает в роли «переключателя» типа отношения.

Высказывания, предполагающие временную отнесенность отношения, требуют определенных усилий контекста для выражения данного значения, наличие дополнительных временных конкретизаторов отношения.

В целом все конкретизаторы отношения можно разделить на две группы: аспектуально значимые и аспектуально незначимые. Аспектуально незначимые (несущественные в аспектуальном отношении) конкретизаторы характеризуют отношение с качественной стороны. В их роли выступают слова качественной семантики. Обычно это наречия: «больше», «меньше», «сильно», «очень», «существенно» и др. Пример: взгляды Мамина-Сибиряка *существенно отличаются* от убеждений правоверных народников (А. И. Груздев. Мамин-Сибиряк). В противоположность этому типу конкретизаторов отношения, аспектуально значимые отличаются большим разнообразием средств языкового выражения. Общим для них является наличие в их значении временной семантики, например: Конечно, греки *того времени* мало уже *походили* на своих великих предков... (Н. Добролюбов. Две юношеские статьи); *В шестьдесят шестом* Тушино еще *входило* в большой район Красной Пресни (А. Медников. Свет московских окон).

Высказывания с общей временной отнесенностью отношения к плану прошлого и настоящего характеризуются отсутствием четкой фиксированности временного плана. Для данного значения характерен признак несущественности конкретизации плана

отношения для смысла высказывания. Существенным является лишь принципиальная отнесенность отношения к плану прошлого или настоящего.

При выражении этого значения часто употребляются в высказывании следующие обстоятельства времени: «давно», «когда-то», «в прошлом», «в то время» и т. п. (для прошедшего времени) и «в настоящее время», «в наши дни» и т. п. (для настоящего времени). Они не содержат в своей семантике точного указания на временной план отношения.

Примеры: ... из своих сновидений мы можем знать, какое душевное настроение было у нас преобладающим, когда мы видели какой-нибудь сон: он *соответствовал* нашему душевному настроению *в то время* (Н. Г. Чернышевский — О. С. Чернышевской); Она (Вера) пробралась к развалившейся и полусгнившей беседке в лесу, который *когда-то* составлял часть сада (А. Гончаров. Обрыв); *В настоящее время* центральные улицы Роттердама почти ничем не отличаются от новых улиц других европейских городов (Страны и народы. Зарубежная Европа).

В вышеприведенных примерах четко разграничено наличие отношения в плане прошлого («было») и плане настоящего («есть»). В ряде же примеров наблюдается своего рода «совмещение» темпоральных планов прошлого и настоящего. В таких случаях об отношении можно сказать, что оно «было и есть». Например: И Наде хотелось рассказать ей, что *до сих пор* молодые художники Франции *зависят* от купца ... (Л. Дубенская. Рассказывает Надя Леже); Статистика свидетельствует, что население Великобритании в своем большинстве является городским, а не сельским ... И тем не менее основополагающие черты английской жизни *доныне* *коренятся* не в городе, а на селе (В. Овчинников. Корни дуба). Данный семантический оттенок вносят в высказывание специальные временные показатели («до сих пор», «доныне»).

Обратимся теперь к высказываниям с конкретной временной отнесенностью отношения к планам прошлого и настоящего*.

1. Отношение может охватывать длительный, но вполне определенный временной отрезок. В таких случаях речь идет о некоей «хронологической фиксации» отношения, на которую накладывается элемент длительности, протяженности отношения во времени. Например: *С 1843 по 1870 г.* Абрамцевым *владели* Аксакovy, а с 1870 г. — С. И. Маматов. (... в окрестностях Москвы); ... Орест Сомов *принадлежал* в 1829—1831 годах к отъявленным врагам Полевого ... (Н. Г. Чернышевский. Сочинения А. С. Пушкина).

* Высказывания с формами будущего времени имеют сложное отношение к признаку временной отнесенности отношения и в данной статье не рассматриваются.

Такая конкретизация возможна в основном в плане прошедшего, так как прошедшее время имеет более четкие временные рамки в отличие от настоящего

Данный контекст исключается для ряда ситуаций отношения, потому что существование далеко не всех видов отношений поддается описанию их в конкретных временных рамках. В основном данный контекст характерен для ситуаций обладания и принадлежности.

2. Отношение локализуется в определенной точке (отрезке) времени. Подчеркивается конкретность отношения. Однако конкретность отношения проявляется несколько иначе, чем конкретность действия. Это конкретность иного рода в силу специфичности самого понятия отношения, отсутствия возможности его реального проявления.

Действие же, фиксируемое в определенный момент времени, не теряет способности реально проявляться, имеет внутреннюю динамическую структуру протекания во времени [Бондарко, 1980, с. 10—11]. В отличие от действия, фиксируемая фаза протекания которого является срединной, отношение нельзя расчленить на какие-либо фазы. Оно не протекает, а длится во времени. И скорее надо говорить не о фиксации, а о констатации существования отношения в конкретный момент (отрезок) времени.

Конкретность отношения выступает в двух своих вариантах. В первом варианте конкретное отношение «наличествует» в различных видах описания (описание внешности, окружающей местности и т. п.). Во втором варианте конкретное отношение «наслаивается» на действие, выступающее в роли «фона» отношения.

Необходимым условием выявления конкретности отношения первого типа является наличие в высказывании элемента перцептивности [Бондарко, 1980, с. 14—16]. Любое описание конкретного фрагмента действительности (предмета, местности и т. п.) предполагает его наблюдаемость. В полной мере это распространяется и на отношение, выступающее компонентом различных видов описания. Отношение проявляется, оказывая воздействие на органы зрения. Наличие субъекта восприятия свидетельствует о конкретности наблюдаемого отрезка действительности (ситуации). Например: Потом разжал кулак, *посмотрел* на камешек и, хотя он ничем *не отличался* от других чертовых пальцев, в обилии рассыпанных на полях, — спрятал его в карман (К. Федин. Трансвааль); Александра Павловна *посмотрела* вслед Михайлу Михайловичу. «Какой мешок!» — подумала она. Сгорбленный, запыленный . . . , он, действительно, *походил* на большой мучной мешок» (И. С. Тургенев. Рудин). В этих высказываниях субъект восприятия получает эксплицитное выражение. В ряде случаев субъект восприятия эксплицитно не выражен. Но само детальное описание окружающей обстановки, внешности человека и т. п.

говорит о конкретности ситуации в целом, о возможности ее наблюдения. Примеры: В просторной комнате с полированной стенкой, сервантом, мягким диваном... красовался накрытый стол. Консервы и другие покупные закуски *соседействовали* с вареной олениной, домашней кровяной колбасой (С. Успенский. К востоку от Берингова пролива); На нем был новый, тонкий армяк из серого сукна с плисовым воротником, от которого резко *отделялся* край алой рубахи, плотно застегнутой вокруг горла (И. С. Тургенев. Певцы).

Показателями конкретности наблюдаемой ситуации также могут быть и пространственные ориентиры, указывающие на конкретность места наблюдения: *Недалеко* от нас, на путях, паровоз серии «Н» с пробитым осколком сухопарником стоял, тупо наклонясь над воронкой: он *походил* на большое искалеченное животное (В. Шефнер. Сестра печали).

Необходимо отметить, что в этом варианте преимущественно реализуются ситуации большей степени конкретности (ситуации сходства, подобия и отличия, ситуации пространственных отношений).

Если в первом варианте конкретное отношение обнаруживается непосредственно через его восприятие, то во втором варианте отношение выступает как некое «мысленное» восприятие, оценка конкретных действий. Например: Они шли через сосняк, по кустам, не разбирая дороги, деловито и целеустремленно, не глядя друг на друга, и каждый был в одиночестве, но их *связывало* что-то ужасное и простое. Они были как бы один человек, который мелькал среди сосен, уходя от нас (Ю. Трифонов. Игры в сумерках); Максим с мальчиком уселись на сени, а Иохим прилег на свою лавку (эта поза наиболее *соответствовала* его артистическому настроению) и, подумав с минуту, запел (В. Короленко. Слепой музыкант); И хотя все слова различимо произносились им, но *походило* на то, что Илья молчал, не произносил ни звука, отчего стало жутко (Ю. Бондарев. Выбор). В роли «фона» отношения выступают действия, отнесенные к конкретной ситуации. Конкретность же ситуации предполагает и конкретность отношения. Сравнивая эти два варианта, можно заметить, что конкретное отношение в них рассматривается с различных точек зрения. В первом варианте конкретное отношение представлено как бы извне, со стороны. Во втором варианте конкретное отношение представлено изнутри. В его характеристике отсутствует элемент чувственного восприятия.

Итак, для постоянного отношения характерна широкая семантическая вариативность, которая связана с разнородной и сложной системой средств формального выражения. Типы ситуаций как наиболее обобщенное выражение отношений, существующих в действительности, имеют многоаспектную языковую характеристику, позволяющую конкретизировать аспектуальные призна-

ки отношения, т. е. особенности его распространения во времени. А систематизация конкретных речевых проявлений отношения, в свою очередь, создаёт предпосылки для описания разновидностей и вариантов реляционной функции в языке.

ЛИТЕРАТУРА

- Аристотель. Категории. — М., 1956.
- Бондарко А. В., Буланин Л. П. Русский глагол. — Л., 1967.
- Бондарко А. В. Теория морфологических категорий. — Л.: Наука, 1967.
- Бондарко А. В. Об уровнях описания грамматических единиц (на примере анализа функций глагольного вида в русском языке). — В кн.: Функциональный анализ грамматических единиц. — Л., 1980.
- Гайсина Р. М. Значение и синтагматика глаголов на материале глаголов отношения. — Уфа: Изд-во БГУ, 1980.
- Караулов Ю. Н. Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка. — М.: Наука, 1981.
- Мальков И. Е., Пузанов А. П. Место категории «отношение» в марксистско-ленинской философии. — Кишинёв: Штиинца, 1976.
- Маслоз Ю. С. Глагольный вид в современном болгарском литературном языке (значение и употребление). — В кн.: Вопросы грамматики болгарского литературного языка. — М.: Изд-во АН СССР, 1959.
- Овчинников Н. Принципы сохранения. — М., 1965. Русская грамматика. Т. I. — М.: Наука, 1980.
- Рыбалко В. К. Становление диалектико-материалистического понимания категорий «вещь» и «отношение». — Канд. дисс. — Алма-Ата, 1974.
- Свидерский В. И., Зобов Р. А. Отношение как категория материалистической диалектики. — Вопросы философии, 1980, № 1.
- Шелякина М. А. Приставочные способы глагольного действия и категория вида в современном русском языке. — Докт. дисс. — Л., 1972.

ДЕЛИМИТАТИВНАЯ СИТУАЦИЯ И СОДЕРЖАТЕЛЬНОЕ ВАРЬИРОВАНИЕ ОГРАНИЧИТЕЛЬНОГО ЗНАЧЕНИЯ ГЛАГОЛОВ С ПРИСТАВКОЙ ПО-

Д. К. Калашник

Несоотносительные глаголы совершенного вида, связанные значением охвата некоторой длительности действия (типа *постоять, погореть, погрузить, почитать*), составляют лексико-грамматический разряд, характеризующийся определенным морфемным показателем — приставкой *по-*. В современном языкознании вопрос о данном (делимитативном) способе действия рассматривался в двух аспектах. Первый подход сводится к словообразовательному анализу значений приставки *по-* (Ковалев, 1940), Земская, 1955, Галнайтите, 1959 — в терминах лексического значения приставки; Кухтенкова, 1967; Авилова, 1976 — в терминах способа глагольного действия). Ограничительное значение приставочных глаголов при этом понимается как регулярная количественно-временная модификация действия, названного простым глаголом. Не затрагивая вопроса об отношении к семантическим границам способов действия в целом, отметим, что такой подход ведет к формальному классификационному разграничению глаголов, имеющих общность акционального содержания. Например, делимитативы *побубнить, поговорить, погулять, посушиться*, рассматриваются как глаголы смягчительного способа действия, наряду с глаголами *поутихнуть, попить* (Авилова, 1976, с. 290—291.)

Второй подход, собственно аспектуальный, делает объектом исследования то семантическое целое, на основе которого группируются глаголы данного способа действия (Маслов, 1959, 1973; Бондарко, 1967; Шелякин, 1969; Ломов, 1974). Данный подход не ограничивается выяснением направления словообразовательной активности акционального форманта. Анализируется способ представления делимитативным глаголом ограниченной длительности действия в отношении его количественно-временного предела и связанное с этим положение делимитативных образований как одного из средств выражения детерминативно-

временного значения. Разработанный М. А. Шелякиным метод учета разрешенных/неразрешенных сочетаемостей глагола с определенными диагностирующими показателями (Шелякин, 1972) расширяет рамки исследования с уровня отдельно взятой лексемы в сторону уровня высказывания. Соответственно усиливается функциональный момент проблематики способов глагольного действия. Рассмотрение делимитативных глаголов только в слово- и формообразовательном плане позволяет лишь зафиксировать связь значения приставки по- с категориальной семантикой совершенного вида (в ее парадигматическом аспекте). Иное дело, если исследование оперирует выделением набора сочленяемых с делимитативом и запрещенных обстоятельств длительности, устанавливает границы возможности и характер вариантов замен делимитатива соответствующим пердуративным или базисным имперфективным глаголом. Подобный анализ отношений между совершенностью и длительностью позволяет затронуть семантику совершенного вида в ее синтагматическом аспекте — на уровне функционирования видового значения. В этой связи уместно напомнить неоднократно подчеркивающийся Ю. С. Масловым, А. В. Бондарко, М. А. Шелякиным тезис о том, что выделение способов действия важно для аспектологии не само по себе, а призвано объяснить видовые свойства глаголов.

Целью представленной работы является рассмотрение содержательной вариативности делимитативного способа действия. Проблема субкатегоризации значения способа действия связана с анализом функционирования глагола на уровне высказывания, что является дальнейшим развитием «валентностного» подхода в изучении аспектуального характера глагольной лексики. Мы имеем в виду выражение делимитативного значения не только глагольной формой, но и всеми элементами высказывания, релевантными для реализации данного значения. При этом мы пользуемся понятием делимитативной ситуации, т. е. представленной в содержании высказывания типовой сигнификативной ситуации, в выражении которой принимает участие делимитативный глагол. Говоря о делимитативной ситуации, мы опираемся на понятие аспектуальной ситуации, предложенное А. В. Бондарко в данном сборнике. Делимитативная ситуация принадлежит к разновидностям аспектуальных ситуаций, которые представляют на уровне высказывания семантику способов глагольного действия. Элементы структуры делимитативной ситуации проявляются в содержании высказывания и отражаются, помимо глагольной словоформы, в фиксированных показателях длительности и интенсивности действия и в аспектуальном контексте. Существенное влияние на реализацию типа делимитативной ситуации, а с ней и на реализацию глаголом содержательного варианта делимитативности, оказывает лексическое значение производящей основы делимитатива.

А. В. Бондарко, подчеркивая отношение аспектуальной ситуации к области языкового содержания и тем самым лингвистический характер данного понятия, отмечает, что первоисточник аспектуальной ситуации заключен во внеязыковой действительности. Акциональная сторона содержания высказываний, связанная с выражением ограниченной длительности действия, зависит от степени абстрагированности «языковой» длительности от реально временной. Примером индифферентного отношения к фактической длительности действия (в широком смысле) служат делимитативы, обозначающие проявление постоянных статических свойств предмета (*монеты поскверкали на солнце*); квалифицирующие поведение или внутреннее состояние субъекта (типа *поделикатничать, похрабриться, посочувствовать*); называющие те или иные взаимные отношения субъектов (*есть у кого поучиться; решили посоревноваться в мастерстве; надо повеселить дочь*); делимитативы, лексически «наполняющие» наглядно-примерное значение совершенного вида, близкое к неограниченно-кратному значению несовершенного вида (*на этом диване хорошо и полежать, и посидеть; она любительница поплакать*). Делимитативные ситуации данного типа характеризуются отсутствием актуализации охватываемого действия периода времени. Недифференцируемость временного промежутка находит отражение в невозможности подстановки количественных обстоятельств длительности, в т. ч. наиболее приближительных типа *недолго, некоторое время*.

С другой стороны, выделяются делимитативные ситуации, в которых выражение длительности так или иначе соотносится с характером временного промежутка передаваемого фрагмента реальной действительности. Для функционирования делимитативов, обозначающих действие с учетом конкретности его положения во времени, является существенным, насколько в денотативной ситуации определены предпосылки прекращения данного действия. Например, количественно-временная детерминация действий, которые относятся к положению в пространстве, пребыванию, препровождению времени или занятости субъекта (*постоять, погостить, походить, поговорить, поработать*), при функционировании делимитатива ориентирована только на тот временной промежуток, который определяется содержанием каждого конкретного высказывания. Если приспособить к делимитативным ситуациям положение о том, что «временная локализация действия всегда предполагает какую-то его продолжительность во времени и наоборот — продолжительность действия во времени всегда предполагает его временную локализацию» (Шелякин, 1972, с. 10), то границы локализации временного промежутка подобных действий можно назвать относительно произвольными. Однако в ряде делимитативных ситуаций границы локализации действия связаны с ограничениями, накладываемы-

ми особенностями его реального протекания. Так, продолжительность действия *померцать* (о звездах) не может выходить за рамки темного времени суток; длительность действий *погореть, пошверкать* (об уничтожающихся предметах) обусловлена количеством сгорающего материала; продолжительность действий типа *пожариться, постыть, посохнуть* определена временем накопления предметом иных качественных свойств. Локализация подобных действий предполагает, таким образом, обусловленный денотативной отнесенностью глагола максимальный участок временной линии, который может быть заполнен действием при его однородном проявлении. Количество действия, уместяющегося в максимально широких границах его временной локализации, представляет собой «масштаб длительности» данного действия. Функционируя в речи, делимитативы могут реализовывать масштаб длительности частично, либо полностью (иногда только полностью), но обозначаемая ими продолжительность единичного действия не может выходить за рамки временной локализации.

Рассмотрим некоторые типы делимитативных ситуаций на материале лексико-семантических групп глаголов, связанных с обозначением статических и динамических состояний неодушевленного субъекта.

1. Делимитативные ситуации, связанные с выражением актуализированной меры длительности ограниченного во времени действия. Величина промежутка длительности поддается количественной дифференциации, в том числе с помощью количественно-временных обстоятельств. По способу представления делимитативного значения выделяются две частично перекрещивающиеся разновидности ситуаций. В первой разновидности действие рассматривается относительно его количественно-временного предела, во второй — в плане его временного соотношения с другими действиями. Первая разновидность представлена в следующих ситуациях.

Ситуация 'длительность — завершающее ее наступление предела длительности'. Делимитатив, принимающий участие в выражении данной ситуации, реализует значение малой меры длительности, часто предполагающее ограниченную интенсивность действия. Выделяются варианты данной ситуации, обусловленные принадлежностью делимитативов к той или иной лексико-семантической группе. Например, варианты, в которых наполнение временной меры действия связаны с результативными изменениями в субъекте:

1) Обозначается действие, которое не достигает полного развития. Например: *Самовар побурлил и заглох* (БАС); *Огонь погорел и опять потух. До бензиновых баков он не добрался* (М. Кольцов. Испанский дневник); *Но джунгли Вьетнама невозможно выжечь даже напалмом: насыщенный влагой лес, почва див, гаснет* (Ковалев. Сердца, отданные людям). 2) Обозна-

чается действие, длительность которого представляет собой завершающую стадию процессуального состояния, в котором находитсЯ предмет. Например: *Бумага догорела, и последний красный язычок, по д р а з н и в немного, угас на полу* (Булгаков. Белая гвардия); [*Огонек*] *еще по р я б и л, как солнечный блик на воде, и тут же растерянно содрогнулся и загас* (Астафьев. Где-то гремит война). Данные варианты ситуаций представлены глаголами со значением физических процессов, основанных на внутренних свойствах и качествах предметов (*погореть, подымить, побулькать, пошипеть* и др.). В обоих вариантах протекание действия занимает некоторый участок (начальный или конечный) потенциального времени, соответствующего масштабу длительности того или иного процессуального состояния. Выражение незначительной меры длительности связывается, таким образом, с имплицитным сопоставлением передаваемой порции действия с тем, ограниченным временем, в котором в целом продлился или мог бы продлиться данный физический процесс. Непродолжительность обозначаемой порции действия сочетается с ограниченностью его интенсивности. В первом варианте условия осуществления действия не позволяют ему достигнуть полного масштаба интенсивности. Во втором варианте действие ослабевает до полного прекращения в связи с исчерпанием соответствующих количественных или качественных свойств субъекта. Малая мера длительности и интенсивности действия подтверждается использованием детерминатива *немного*, иногда *недолго*.

3) Делимитативы, обозначающие движение предмета, могут функционировать в ситуации, в которой отражается постепенная утрата предметом энергии движения (без ее возобновления). Например: *Вода в банке поболталась и успокоилась* (БАС); *Малиновка свистнула и вспорхнула выше. Ветка, которую она зацепила своими крыльями, покачалась несколько времени и замерла* (Л. Толстой. Три смерти). Затухающее движение предмета, не подкрепляемое сообщением ему новой энергии, представляет собой действие, которое полностью реализует свой масштаб длительности. Выражение незначительной меры длительности действия связывается с сопоставлением данного эпизодического движения с широкой перспективой покоя, которую открывает факт, знаменующий прекращение длительности (вода успокоилась, ветка замерла). Характерно уточнение промежутка длительности наречиями *немного, недолго* (детерминатив *несколько времени* в данном случае также имеет количественно суженное значение).

4) Вариант ситуации 'длительность — завершающее ее наступление предела длительности', в котором отражается полный масштаб длительности действия, связанного с процессом изменения внутренних физических свойств предмета. Например: *По г о р и т и перестанет — вот все, что я могу по совести сказать, глядя*

на великолепное зрелище лесного пожара, и затем «пройти мимо» (Г. Успенский. Бог грехам терпит). Представленное делимитативом действие должно достигнуть естественного прекращения, т. е. реализоваться полностью. Однако выражение с помощью аспектуального контекста незначительной меры длительности действия интерпретирует его продолжительность как нечто случайное, временное для той среды, в которой оно происходит. *В той части небосколона, где розовело зарево, вспыхивали яркие точки; одни, по свержка в недолго, гасли, другие повисали в небе на одном месте* (Ю. Гончаров. В сорок первом) — продолжительность действия делимитатива оценивается говорящим как незначительная на основании количественного сопоставления идентичных процессуальных состояний нескольких предметов.

Использование в данном ситуационном варианте глаголов *постоять, полежать, повисеть* показывает незначительность временного промежутка, в течение которого предмет утрачивает прежнее свойство, в т. ч. переходит в новое качество. Например: — *Выброси, например, огурец соленый — чем он будет пахнуть, коли он маленький? Полежит день — и нет его, сгнил* (М. Горький. Дело с застезками). Следует отметить, что если наступление гибели, уничтожение предмета существенно ограничивают свойственные ему реально долгие сроки существования (масштаб длительности не реализуется), то отражаемый в высказывании временной промежуток передается, как правило, с акцентом на его итоговом количестве ('всего, лишь недолго'). Подчеркивание преждевременности наступления предела существования предмета делает предпочтительным пердуративный глагол. Например: *Березы росли медленно и, простояв лет пять на зыбкой, гнилой, гнилой почве, падали и гнили* (М. Горький. Мать). (Ср. замечание М. А. Шелякина: «С пердуративным глаголом сочетания «всего (только) четыре дня», «недолго» приобретают контрастное значение «недостаточно долго». — 1969, с. 66).

Варианты делимитативной ситуации 'длительность — завершающее ее наступление предела длительности', в которых наполнение временной меры и предусматривает накопления результативных изменений в субъекте.

1) Обозначается ограниченная длительность действия, которое, в представлении говорящего, может занимать значительно больший временной промежуток, чем тот, который отражается в высказывании. Данный вариант ситуации представлен глаголами, которые передают явления и процессы, происходящие в среде обитания. Например: *Дождик стал срываться. Пошуршал, покапал немного и перестал* (Ляшко. Доменная печь); *Океан, покалебавшись, опять стал неподвижным* (Новиков-Прибой. Соленая купель). В данных высказываниях делимитатив выражает малую меру длительности и интенсивности действия.

Признак малой меры действия может отсутствовать, если отражается кратковременный интенсивный процесс. Например: *Крупный дождь похлестал в окно минут десять и сразу оборвался, как проглоченный тьмой* (М. Горький. Жизнь Климса Самгина). В таких случаях делимитатив легче сочетается с конкретными показателями длительности и, напротив, употребление детерминатива *немного*, который имеет как терминативно-временную, так и количественно-интенсивную отнесенность, не всегда стилистически оправдано (тем более употребление наречий *немножко, слегка, чуть, чуток*).

2) Если протекание действия в реальной действительности допускает различную степень интенсивности проявления, то обозначающий его делимитатив может представлять ситуацию 'действии, не достигающее полного развития'. Выражается малая мера длительности и интенсивности действия. При этом аспектуальный контекст 'длительность — завершающее ее наступление факта' дополняется обстоятельствами *сначала, сперва, только*. Делимитатив сопровождается фиксированными показателями ограниченной интенсивности действия типа *немного, несколько, слабо, лениво*. Употребление данных наречий не обязательно, если делимитатив имеет синонимическую пару, противопоставленную по признаку большей меры проявления действия (ср. *поморосить, покрпать, посеять* и *похлестать, полить* — о дожде). Например: *Начал накрапывать дождь. Сперва он немного только поморосил и перестал* (Арсеньев. По Уссурийской тайге); *Гусев включил мотор, но винт, лениво покрутившись, остановился* (А. Н. Толстой. Аэлита).

3) Обозначается завершающий промежуток длительности действия, которым может являться динамическое или статическое состояние среды, движение предмета, имеющее постоянный источник энергии. Передаваемая порция длительности вычленяется с помощью наречия *еще*, либо в высказывании обозначен временной ориентир, от которого отмеряется данная ограниченная длительность. Например: *Ветер побушевал еще и утих* (БАС); *Еще покрасуются немного эти воздушные сочетания легко дышащего розово-зеленого камня и исчезнут* (Н. Тихонов. Серый Хануман); *Пароход действительно вздрогнул и стал. Грузные колеса побарахтались немного, потом раздалась команда: «Стоп!»* (Боборыкин. Василий Теркин). Выражение непродолжительности действия дополняется признаком ограниченной интенсивности, если делимитатив вычленяет завершающую стадию действия, характеризующуюся постепенным ослаблением его протекания: *{Дождь становился} реже и мельче, и посеяв ситом, к обеду затих* (В. Смирнов. Сыновья).

4) Обозначаются временные особенности функционирования или существования предмета, с прекращением которых предмет сохраняет свои прежние качества. Выражается малая мера дли-

тельности и интенсивности действия, например: *Первым перебоем в моторе Матвей не придавал значения, думал: похандрит — перестанет* (Колыханов. Золотоносная жила); *Потолки и полы так легки и эластичны, что покоряются движению почвы и, пошатавшись немного, остаются на своем месте* (Гончаров. Фрегат «Паллада»).

5) Обозначается действие, которое не реализует полностью масштаб длительности. Данный вариант ситуации представлен делимитативами со значением движения (функционирования) предмета (*походить, поработать, подействовать* и др.), явлений, наблюдаемых в среде обитания (*посветить, померцать* и др.). Например: *Игрушка подействовала немного и сломалась* (БАС) — количественно-временным пределом действия является случайная порча предмета. *Тучи кое-где разошлись и в черноте над головой то тут, то там зажигалась звезда. Поблестев в лужах, она гасла* (Паустовский. Дождливый рассвет); *Посветила в зените и снова закуталась луна, только ее и видели* (Шулейкин. В океане) — масштаб длительности обозначаемых природных явлений ограничен темным временем суток, однако в передаваемых ситуациях количественно-временная детерминация делимитативов соотносится с тем непродолжительным временным промежутком, в рамках которого данные явления доступны наблюдению в конкретных условиях.

Если масштаб длительности обозначаемого природного явления реализован полностью, то выражение его непродолжительности с помощью аспектуального контекста 'длительность — завершающее ее наступление факта' предусматривает момент сопоставления. — *И в других землях также есть солнце, да оно покажется, осветит и спрячется, как у нас зимой* (Одоевский. Саламандра).

6) В рамках локализованного в высказывании времени выделяется промежуток длительности, в течение которого в сфере восприятия удерживаются внешние признаки предмета. Данный вариант представлен делимитативами со значением визуального проявления предмета (*помаячить, посветиться, подымить* и др.), со значением звучания (*погудеть, позвенеть, погреметь* и др.). Например: *По мелькало огонек и погас* (Даль); *Далеко-далеко с железнодорожного пути потянулся однообразный, долгий и унылый звук; он подержался в морозном воздухе и замер* (Серафимович. Стрелочник); *На берегу... мелькнуло светлое платье Жанны, померцало на желтом фоне песка и пропало за поворотом* (Грибачев. Жанна). Количественно-временным пределом действия может являться прекращение соответствующей активности субъекта, исчезновение его из пределов видимости в связи с перемещением или изменением условий восприятия. Хотя внешнее проявление признака может быть связано с динамическим состоянием и с активным действием субъекта,

передаваемая в данном варианте ситуации ограниченная длительность всегда статична. Количественно-временная детерминация действия делимитатива не предполагает другой обусловленности, кроме той, что проявление признака занимало отдельный участок длительности на фоне более широкого наблюдаемого времени. В выражении данной непродолжительной длительности принимают участие, помимо аспектуального контекста, наречия *недолго, немного*, а также более точные временные спецификаторы: *Вынеслась лодка из бухты, по маячила минут пять... и сейчас же нельзя было разобрать, что там вдали белеет* (Куприн. Листригоны).

Делимитативная ситуация 'изолированное действие, продлившееся некоторое время'. Варианты ситуации, в которых наполнение временной меры действия связано с результативными изменениями в субъекте: 1) Обозначается действие, временная ограниченность которого обусловлена приобретением предметов новых свойств (глаголы *покипятились, пожариться, посушиться, погнить* и др.). Например: *Мясо потушилось час* (БАС); *Белье посохло на чердаке день* (Ушаков); *Щи попрели, к обеду поспели* (Поговорка). В приведенных употреблениях делимитативов внешний (количественно-временной) предел действия соответствует внутреннему (качественному) пределу. Завершение процесса накопления результативных изменений в предмете может быть передано соответствующим результативным глаголом: *Белье посохло на чердаке день* / высохло за день; *Квас достал побродил* / хорошо перебродил. Действие полностью реализует масштаб длительности; выражается нейтральная мера длительности действия.

Если в связи с вмешательством постороннего деятеля действие не успевает реализовать свой масштаб длительности, то выражается малая мера длительности и интенсивности действия. В таких случаях обязательно присутствие в высказывании наречий *немного, недолго*. Например: [*При выгонке спирта*] *затору дают побродить немного и затем лопатами насыпают в котел* (Арсеньев. По Уссурийской тайге). Исключением являются делимитативы *постыть, погреться*, значение которых не связано с достижением той крайней точки результативных изменений в предмете, к которой направлено инхоативное значение их исходных основ. Высказывание *Пусть чай постынет* (БАС) трансформируется в *Пусть чай станет холоднее* (но не холодным). Использование наречий *немного, недолго* с данными глаголами является факультативным.

Малая мера длительности и интенсивности действия реализуется также в том случае, если предмет рассматривается внешним деятелем как еще не достигший необходимого состояния. При этом дополнительная порция действия представляет собой конечный участок временного отрезка определяемого масшта-

бом длительности данного действия. Например: *Пусть куча листьев погниет еще* (Ушаков); *Пусть мясо еще немного по-жарится* (МАС).

3) Обозначается действие, которое достигает одновремого количественно-временного предела (масштаб длительности полностью реализуется). Данный вариант представлен делимитативами, обозначающими физические процессы в уничтожающихся, либо меняющихся релевантные свойства предметах, движение предметов, растрчивающих ограниченный ресурс энергии движения. Употребляемые глаголы выражают преимущественно нейтральную меру длительности, которая опирается на детерминативы типа *некоторое время* (присутствующие или предполагаемые в высказывании). Например: *Я... показала ему лучший образец [известняковой породы] и дала кислоте покипеть на нем, чтобы доставить Ставровскому удовольствие* (Емельянова. Мелкие происшествия). Выражение «средней» продолжительности действия подтверждается также сообщением ситуации, параллельной данной длительности: *По мерцала ракета, и опять все по-ночному стало тихо. Пока ракета мерцала, разыгрался еще один эпизод морской войны, жестокий и необыкновенно скоротечный* (Вишневский. Морские «охотники»).

Выражение малой меры длительности действия (часто связанной с ограниченной интенсивностью) предполагает использование наречий немного, недолго, либо обстоятельств со значением краткосрочных временных единиц: *Маятник пошатался несколько секунд* (БАС); *Без этого сочленения маятник... поколебался бы очень недолго: под действием трения о воздух и трения в подвесе быстро израсходовалась бы... потенциальная энергия* (Шулейкин. Дни прожитые). В некоторых случаях денотативная отнесенность ситуации заставляет рассматривать длительность как непродолжительную и без соответствующих средств выражения, например: *Поднятые прошедшим катером волны поплескались о берег*.

3) Вариант ситуации 'действие предполагающее более интенсивную стадию, но не реализующее ее' представлен делимитативами со значением физических процессов и функционирования предметов. Почти исключительно выражается нейтральная мера длительности действия, осложненная признаком ограниченной интенсивности. Например: *Дрова подымились, но так и не разгорелись: Побулькала вода в кране, но не пошла* (БАС); с оттенком многоактности: *Из открытого крана по капала вода*.

Варианты ситуации 'изолированное действие, продлившееся некоторое время', в которых делимитативность представлена без результативных изменений в предмете: 1) Обозначается временной промежуток, в течение которого предмет находится, остается где-либо (глаголы *постоять, лежать, повисеть*). Само понятие существования предмета не содержит временных ограничений.

Делимитативы передают промежуток статической длительности, временной предел которой связан с вмешательством постороннего деятеля. Употребление делимитатива, таким образом, связывается с ситуацией 'длительность — наступление события как предел длительности', однако выражение ее второй части в высказывании, как правило, отсутствует. Например: — *Нам-то сейчас наш клад укрыть негде. Пусть пока у вас по лежит* (Саянов, Лена); *Он поставил на край полки фанерный чемодан... — ничего, если постоит?* (Э. Грин. В стране Ивана); — *Подавать [телятину]. А заяц и повисеть может* (Салтыков-Щедрин. Пошехонская старина). В данных высказываниях делимитатив выражает нейтральную меру длительности. Реализация незначительной либо значительной меры длительности обеспечивается употреблением соответствующих детерминативов: *Яблоки недолго по лежали на столе; Изобретение довольно долго по лежало под сукном*. В таких случаях данные делимитативы акцентируют итоговое значение ограниченной длительности и пересекаются со сферой употребления пердуративных глаголов (ср. *Яблоки недолго пролежали на столе, Изобретение довольно долго пролежало под сукном*).

Следует заметить, что в ряде случаев пребывание предмета в состоянии покоя связано с накоплением внутренних изменений, определенная мера которых детерминирует охватываемую делимитативом длительность. Например: *Когда приедешь, привези яблоч наших, они очень вкусны, особенно когда по лежат* (М. Чехова. Письмо А. П. Чехову); *Для приготовления настоящего кваса солод и муку замешивают с водой в тесто и дают по стоять около суток* (Куденцов. Товароведение...).

2) Обозначается действие, которое достигает естественного завершения. Данный вариант представлен делимитативами, передающими явления и процессы, происходящие в среде обитания, значительно реже делимитативами, передающими удерживание, сохранение в сфере восприятия внешних признаков предмета. Например: *Ночью перепал дождь. Погремело вдали* (Шукшин. Земляки); *Листодер прошелся по лесам и перелескам, по бушевал в садах* (Рыленков. Осенняя радуга); *На горизонте подымил корабль*. Делимитативы выражают нейтральную меру длительности. При этом действия, максимальная продолжительность которых детерминирована объективными временными пределами, полностью реализуют свой конкретный масштаб длительности: — *Закат вон как погорел. К ветру* (Шолохов. Тихий Дон); *Показалось солнце, постояло над горизонтом, снега сразу густо покраснели, окна домов засияли* (Лидин. Багульник).

С помощью детерминативов может быть выражена значительная мера ограниченной длительности действия. Например: *Снег этой весной по лежал довольно долго*. Наречия *недолго, немного* указывают на непродолжительность действия, однако их

использование не всегда возможно с глаголами типа *поморозить, попать, поштормить* (как и употребление данных глаголов для выражения ситуации 'длительность — завершающее ее наступление предела длительности'). Малая мера длительности может выражаться в том случае, если обозначаемое процессуальное состояние передано на фоне широкой перспективы покоя. При этом важно, чтобы действие делимитатива не достигало объективно детерминированного предела, а напротив, оценивалось бы говорящим как непродолжительное по сравнению со своими возможными проявлениями. Например: *В степи летом жара; изредка вихрь поднимет коричневые столбы пыли на дороге, погнет тополя... и снова тишина* (Коновалов. Плотник) — делимитатив входит в сложную кратно-соотносительную группу, где второй член кратно-парной конструкции — наступление статической неограниченной длительности.

Использование делимитативов, обозначающих статические и динамические состояния неодушевленного субъекта, для выражения ситуаций, в которых ограниченное во времени действие вступает в отношении 'предшествование — следование' с другими действиями, не столь характерно (как, скажем, для функционирования делимитативов, обозначающих занятость, время препровождения, пребывание человека). Приведем примеры таких ситуаций.

1) Ситуация 'длительность — завершающее ее наступление событие'. Может быть представлена делимитативами, обозначающими физические процессы (при смене стадий одного однородного процесса), делимитативами, передающими ограниченное пребывание предмета. Выражается незначительная мера длительности, по преимуществу с признаком ограниченной интенсивности действия. Например: *Лампа немного покоптела и стала гореть ровно; Солнце ушло за гальники, побрызгав по земле предзакатными цветными пятнами* (Липатов. Мистер-Твистер); *Погорев золотыми каймами, Разлетелись, как дым, облака* (Фет. Вечер); *Повисят слова и уплывут, как дым* (Маяковский. В. И. Ленин).

2) Ситуация 'длительность — сменяющее ее наступление события'. Передается аспектуальным контекстом, использующим (или предполагающим) временные союзы *потом, затем*. Представлена делимитативами, обозначающими некоторые физические процессы, а также временные особенности движения = перемещения. Выражается нейтральная мера длительности действия. Например: *Печь подымил а, а потом разгорелась* (Ушаков); *Дерево прибило течением к песчаной косе западного берега. Потыкавшись об эту косу, оно потом снова ушло на середину реки* (Казакевич. Весна на Одере). Незначительная мера длительности сообщается соответствующим фиксированным показателем: *Бросьте с моста в воду окуроч... Сначала он немного*

п о к р у ж и т с я о к о л о с в а и , п о т о м п л а в н о д в и н е т с я в п у т ь (А. Васильев. Понедельник — день тяжелый).

II. Делимитативные ситуации, связанные с выражением неактуализированной меры длительности ограниченного во времени действия.

1) Обозначается проявление предметом характеризующего его свойства. Например: *Н о в е н ь к и е м о н е т ы п о с в е р к а л и н а с о л н ц е ; К л у б и т с я о б л а к о м п а р . . , и , п о к л у б и в ш и с ь п о х а р ч е в н е , в ы р ы в а е т с я н а у л и ц у* (Гончаров. Фрегат «Паллада»). Смысл данных высказываний может быть передан употреблением соответствующих глаголов несовершенного вида, ср.: *В с е м о н е т ы , к а к н а п о д б о р , б ы л и н о в е н ь к и е и с в е р к а л и н а с о л н ц е* (Чехов. В овраге); *П а р , к л у б я с ь , в ы р ы в а е т с я н а у л и ц у*.

2) Акциональная длительность действия делимитатива представлена как фоновая. Например: — *Я л ю б л ю э д а к , з н а е т е , ч т о б ы с а м о в а р ч и к п е р е д о м н о й п о ш и п е л с е б е м а л ь н ь к о* (Крестовский. Две силы). Используемые с делимитативом показатели малой меры действия вносят в высказывание оттенок уменьшительности, но не содержат терминативно-временной отнесенности.

3) Называется действие, которое в принципе может ожидаться от предмета. Например: *О н х о т е л п о с м о т р е т ь , к а к п о к и п и т к и с л о т а , е с л и в н е е б р о с и т ь щ е л о ч ь ; С е р г е ю в г л у б и н е д у ш и о ч е н ь х о т е л о с ь п о г л я д е т ь , к а к э т о т а к м о ж н о « г о р е т ь » б е з о г н я . . . О н п о п р о с и л В е р у с к о р е е « п о г о р е т ь »* (Павленко. Степное солнце).

4) По проявлению действия судится о наличии или отсутствии предмета. Например: *Т а м з н а к о м я з в е з д а М н е п р и в е т н о н е п о с в е т и т* (Вяземский. К***).

5) Обозначается ограниченная длительность каузивированного движения, промежуток времени которого регламентирован длительностью понуждающего действия. Например: *Т р а в а п о ш е в е л и л а с ь о т л е г к о г о д у н о в е н и я в е т е р к а ; Л и с т ь я п о к р у т и л и с ь в в о з д у х е ; П о в е р х н о с т ь в о д ы п о р я б и л а о т п о р ы в а в е т р а ; Л о д к а п о к а ч а л а с ь и ч у т ь н е з а ч е р п н у л а в о д ы ; Л е с п о ш у м е л к р о н а м и д е р е в .* Возможное употребление наречия *немного* имеет только количественно-интенсивную отнесенность: *М о с т и к н е м н о г о п о ш а т а л с я п о д е г о н о г а м и* (ср. *н е в о з м о ж н о с т ь * М о с т и к н е д о л г о п о ш а т а л с я п о д е г о н о г а м и*).

6) Обозначение ограниченной длительности каузативного движения предмета. Выражается, как правило, неактуализированная длительность отдельного проявления действия. Например: [Волна] *п р и ш л а , п о к а н т о в а л а н а с , н о в р о д е н а м е с т е . Л ь д о м , с т а л о б ы т ь , к р е п к о п р и д а в и л о . П о т о м т р е т ь я , ч е т в е р т а я* (Сельская жизнь, 15 июня 1971); *Н а л е т е л в е т е р о к , п о р я б и л в о д у*. (Ср. использование форм несовершенного вида в конкретно-процессной функции для обозначения более продолжительного, в т. ч. состоящего из взаимно связанных отдельных проявлений, дей-

ствия: *Ветерок от нечего делать весело рябит речку и шуршит травкой*. Чехов. Дачница). Следует, однако, отметить, что если делимитатив допускает возможность использования в ситуациях, в которых специально отмечен количественный предел действия, то длительность актуализируется. Например: *В кабинет ворвался свежий ветер, пробежал по бумагам, лежавшим на столе, поднял их, покрутил и снова опустил на место* (Семенов. Майор «Вихрь»).

Возможно выделение ситуаций, в которых функционирование делимитатива занимает промежуточное положение между выражением актуализированной и неактуализированной длительности. Мера длительности подразумевается, но не подчеркивается, например, в случае, если высказывается вероятное предположение, что предмет сохранит свои свойства и в дальнейшем. Например: — [*Дом*] *старый, а еще постоит, потому лес здоровенный и стройка хорошая* (А. Островский. Светит, да не греет); *В самом деле, как быть если потухнет лампа?.. — Она погорит еще, бог даст [сказал старик]* (Нилин. Модистка из Красноярска). В данных употреблениях делимитативов присутствует оттенок повышенной меры длительности и интенсивности действия.

Таким образом, мы можем констатировать следующую зависимость. Лексическое значение ограничительного глагола связывает его функционирование с выражением тех или иных типов и вариантов делимитативных ситуаций. В свою очередь тип делимитативной ситуации, в выражении которой принимает участие ограничительный глагол, влияет на содержательное варьирование делимитативного значения. Ситуации 'длительность — завершающее ее наступление предела длительности', 'длительность — завершающее ее наступление события' связывается с выражением незначительной меры длительности действия, часто в сочетании с признаком ограниченной интенсивности. Использование при их передаче детерминативов типа *немного, недолго* является факкультативным. Ситуации 'изолированное действие, продлившееся некоторое время', 'длительность — сменяющее ее наступление события', 'длительность — наступление события как предел длительности' связываются с выражением нейтральной меры длительности действия, которое подтверждается использованием детерминативов типа *некоторое время*. Выражение при передаче данных ситуаций незначительной или повышенной меры длительности действия требует, как правило, обязательного использования соответствующих фиксированных спецификаторов (*немного, довольно долго, еще и др.*). В ряде случаев делимитатив выражает неактуализированную меру длительности, которая не поддается количественной оценке, либо не предполагает ее. Одним из факторов, влияющих на выражение делимитативом меры длительности и интенсивности действия, является соотношение его конкретной количественно-временной детерминации с масштабом

длительности данного действия. Частичная реализация действием масштаба длительности дает значение незначительности меры длительности (часто и интенсивности) действия, полная реализация — значение нейтральной меры. Выражение делимитативом незначительной меры длительности действия, полностью реализующего свой масштаб, предполагает сопоставление с продолжительностью идентичных действий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авилова Н. С. Вид глагола и семантика глагольного слова. — М., 1976.
2. Бондарко А. В., Буланин Л. Л. Русский глагол. — Л., 1967.
3. Галнайтите Э. А. Лексические значения глагольной приставки по- в соответствии с приставкой ра- литовского языка — В кн.: Славянское языкознание. М., 1959.
4. Земская Е. А. Типы одновидовых приставочных глаголов в современном русском языке. — В кн.: Исследования по грамматике русского языка, т. 4. — М., 1957.
5. Ковалев П. К. Функции глагольных префиксов в русском литературном языке. (Статья пятая). — Русский язык в школе, 1940, № 5.
6. Кухтенкова Г. Г. Взаимодействие лексических и грамматических функций в глаголах с количественно-временными приставками. — В кн. Вопросы современного русского литературного языка. Вып. II. — Челябинск, 1967.
7. Ломов А. М. Вид и длительность. — В кн.: Материалы по русско-славянскому языкознанию. — Воронеж, 1974.
8. Маслов Ю. С. Глагольный вид в современном болгарском литературном языке (значение и употребление). — В кн.: Вопросы грамматики болгарского литературного языка. — М., 1959.
9. Маслов Ю. С. Универсальные семантические компоненты в содержании грамматической категории совершенного/несовершенного вида. — Советское славяноведение, 1973, № 4.
10. Шелякин М. А. Приставочные способы глагольного действия и категория вида в современном русском языке (К теории функционально-семантической категории аспектуальности). — Автореф. докт. дис. Л., 1972.
11. Шелякин М. А. Функции и словообразовательные связи детерминативно-временных приставок в русском языке. — Филол. науки, 1969, № 1.
12. В работе использованы материалы Большой картотеки Словарного сектора ЛО Института Языкознания АН СССР.

АСПЕКТУАЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА БЕЗГЛАГОЛЬНЫХ ПОБУДИТЕЛЬНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В. И. Козырев

В исследованиях по функциональной грамматике аспектуальность рассматривается как функционально-семантическое поле, конституируемое, наряду с морфологической категорией вида, системой других средств, относящихся к разным сторонам и уровням языка [Бондарко, 1971, с. 49—55]. Учет всех возможных способов выражения аспектуальных значений при рассмотрении аспектуальной характеристики высказывания предполагает исследование аспектуальных ситуаций [Бондарко, 1980, с. 10—20]. Изучение элементов аспектуальных ситуаций позволяет в свою очередь более адекватно подойти к характеристике аспектуальной семантики высказывания.

Анализ аспектуальных значений высказывания с опорой на типы аспектуальных ситуаций важен сам по себе, поскольку он значительно расширяет возможности семантических исследований. Особое значение данный подход приобретает при исследовании такого весьма своеобразного языкового материала, как безглагольные побудительные высказывания. Специфика данных структур состоит в том, что аспектуальная семантика безглагольных побудительных высказываний представлена имплицитно, поскольку в них, в отличие от глагольных высказываний, отсутствует словоформа, специально предназначенная для эксплицитного выражения характера протекания действия.

В русской грамматической традиции безглагольные побудительные высказывания как особая группа рассматривались А. А. Шахматовым, который писал о том, что «кроме глаголов, повелительное наклонение выражается еще другими частями речи...: 1) наречием (Живо!); 2) именем существительным в косвенных падежах (Чаю!); 3) междометием (Брысь!)» [Шахматов, 1941, с. 483].

Безглагольные побудительные высказывания (напр., *Быстрой!*; *Громче!*; *Сюда!*; *Вперед!*; *Назад!*; *Воды!*; *Руку!* и т. п.) широко

распространены в речи. Они функционируют в качестве полноправных единиц наряду с аналогичными глагольными высказываниями. Анализ безглагольных высказываний в сопоставлении с глагольными позволяет выявить специфику аспектуальной семантики безглагольных конструкций. Анализ аспектуальной семантики безглагольных побудительных высказываний, насколько нам известно, до сих пор не проводился.

Рассмотрение типов аспектуальных ситуаций и анализ их отражения в семантике безглагольных побудительных высказываний представляет собой весьма обширную задачу. В настоящей статье мы ограничиваемся лишь ситуациями единичного (неповторяющегося) действия.

Исследуя побудительные высказывания глагольного типа, М. А. Шелякин [1969, с. 376] выделяет два типа ситуаций на том основании, что в момент волеизъявления действие либо осуществляется, либо не осуществляется. Подобное разграничение, на наш взгляд, можно провести и при анализе безглагольных побудительных высказываний. В первом случае речь идет о развертывающемся действии, являющемся своего рода фоном, на котором перед собеседником ставится та или иная коммуникативная задача. В соответствии с этим выделяются ситуации первого типа (1), представленные следующими разновидностями:

- 1.1. Побуждение к продолжению прерванного действия.
- 1.2. Побуждение к полному проявлению действия, представляющего собой лишь попытку или намерение.
- 1.3. Побуждение к качественному изменению характера протекания действия.

1.1. Лишев. ... В это время бой был в разгаре. Три «мессера» пикировали на катер, и на первом же заходе осколками снаряда, разбившего аппаратуру, был тяжело ранен радист. Харитонов. Так. Дальше! Лишев. В горячке боя лодка неожиданно всплыла... (Б. Лавренев. За тех, кто в море); Галчиха. ... Ручонки-то вытягивает да говорит: «Мама, мама!» Кручинина. О боже мой! О боже мой! Мама, мама! Ну, дальше, дальше! Галчиха. Думаю, куда его деть?... (А. Островский. Без вины виноватые).

В данных ситуациях один из собеседников прерывает действие (чаще всего рассказ о каких-то событиях), а второй побуждает первого к продолжению действия с целью получения дальнейшей информации. Для побуждающего лица важен сам процесс действия, так как его интересует прежде всего получение от собеседника определенных сведений. В рассматриваемых ситуациях безглагольные высказывания передают значение побуждения к продолжению «говорения». Средства выражения этой семантики не отличаются разнообразием. Они представлены, как правило, одной и той же стандартизированной лексемой *дальше*. Лишь в отдельных случаях используется лексема *далее*. Например: Ка-

рандышев. Мы считаем их образцом глупости и невежества. Паратов. Ну, далее, господин Карандышев. Карандышев. Все, более ничего. Паратов. Нет, не все, главного недостает: вам нужно просить извинения (А. Островский. Бесприданница).

Значение побуждения к процессу «говорения», как было показано выше, довольно часто имплицитно передается посредством специализированных безглагольных высказываний. Нередки также случаи, когда аналогичная семантика выражается эксплицитно, т. е. с помощью глагольной словоформы несовершенного вида. Ср.: Что же вы замолчали? Говорите!

1.2. Гетманов (*увидел входящего Газанфара*). Что тебе, Газанфар? Быстро! (А. Крон. Глубокая разведка); Васса. Имейте в виду — денег мне не жалко... на такой случай! Удастся — векселя ваши возвращаю вам. Могу добавить еще тысячи полтора. Будет пять. Довольно? Мельников. Да, но... все-таки, я.. Васса. А вы — смелее! (М. Горький. Васса Железнова).

В рассматриваемых ситуациях действие, на фоне которого адресуется побуждение, представлено как намерение. Побуждение при этом направлено на то, чтобы данное действие осуществилось во всей полноте своего проявления.

Семантика побуждения к полному проявлению действия, так же как и в первой разновидности, представлена практически однотипно. Речь идет о побуждении к «говорению». К числу средств выражения данного значения относится весьма ограниченный круг лексем, например, *смелее*, *быстро* и т. д.

В данной разновидности ситуаций действие представлено как процесс. В аналогичных глагольных побудительных высказываниях действие передается эксплицитно, посредством глагола в форме несовершенного вида, например: (*Входят Виктор и Ирина. Ирина в военной форме, с походной сумкой, в фуражке. Она нерешительно останавливается.*) Виктор. Входи, Ирина, входи смелее (Б. Ромашов. Великая сила).

1.3. Аннушка. ... Значит, все улаживается, да? Что же вы не веселитесь... ну? (*Она насильно кружит ее по комнате.*) Быстрее! Быстрее! Ой, даже голова закружилась. О чем вы задумались, счастливая? (Л. Леонов. Обыкновенный человек).

В этой ситуации действие, на фоне которого говорящий адресует побуждение слушающему, находится в процессе развития, о чем свидетельствует ремарка «Она насильно кружит ее по комнате». Целью побуждения является изменение характера протекания действия (в данном случае речь идет об усилении темпа осуществления действия).

Специфика ситуаций данной разновидности заключается в том, что говорящий побуждает собеседника не к совершению того или иного действия, поскольку оно уже осуществляется, а к его изменению, модификации. Протекающее действие, таким обра-

зом, становится тем фоном, на котором осуществляется побуждение к качественному изменению действия. Рассмотрим еще один пример: Краузе. Все в камеру! Глоба (*обняв Валю за плечи*). Пойдем! (*Глоба и Валя проходят в камеру.*) Краузе. Быстрой! (К. Симонов. Русские люди). Данное высказывание содержит побуждение к изменению характера протекания осуществляющегося действия. Аспектуальное значение, содержащееся в данном высказывании, можно охарактеризовать как процессное. Волеизъявление, передаваемое анализируемым высказыванием, содержит в себе два компонента: собственно побудительный и информативный. Собственно побудительный компонент выражается интонационно и находит поддержку со стороны ситуации. Информативный компонент получает свое выражение в форме сравнительной степени качественного наречия. Являясь косвенным формальным показателем значения действия, данное наречие содержит указание на аспектуальную характеристику действия, на его процессное протекание в более быстром темпе. Данные лексемы являются «актуализаторами процессности», о которых А. В. Бондарко пишет следующее: «Для характеристики функционирования словоформ существенны обстоятельственные аспектуальные признаки процессных ситуаций. Такие признаки являются дополнительными актуализаторами процессности: указание на темп, степень интенсивности, длительность действия и т. д. сосредоточивают внимание на самом ходе его осуществления и тем самым подчеркивают процессность» [Бондарко, 1980, с. 16—17].

Безглагольные побудительные высказывания характеризуются тем, что их синтаксический центр представлен таким компонентом, в котором реализуется та или иная аспектуальная характеристика действия. В качестве синтаксических центров безглагольных побудительных высказываний рассматриваемой разновидности чаще всего выступают лексемы, которые содержат указание на изменение темпа протекания действия, находящегося в процессе осуществления. Например: (*Два контролера вошли в вагон. Один из них очень пожилой, другой лет тридцати. Сима и Вова в растерянности начинают искать место, куда можно бы укрыться; в тамбуре заглядывают даже в ящик для угля и переходят из вагона в вагон. Торопятся, страх гонит их.*) Сима. Скорей, скорей! (В. Розов. В дороге).

В подавляющем большинстве случаев безглагольные высказывания содержат побуждение к ускорению темпа осуществления действия. В качестве средств выражения данного значения выступают такие наречия, как *быстрее, скорее, живее* и т. п.

В меньшей мере в безглагольных побудительных высказываниях представлены лексемы, указывающие на интенсивность действия. Например: *К а р а н д ы ш е в (громко)*. Подайте шампанского! *О г у д а л о в а (тихо)*. Потихе! Что вы кричите? (А. Ост-

ровский. Бесприданница); Порываев. Жив, значит... Ура!.. Мухина. Тише ты, оглашенный! (Б. Ромашов. Огненный мост).

Побуждения, реализованные в данных безглагольных высказываниях, направлены на уменьшение интенсивности действия. В целом ряде высказываний, напротив, содержится побуждение к усилению интенсивности действия. Например: Линеvский. ... (Дрожащими пальцами сует монету в автомат.) Это я. Это я! Ну что? Он звонил? Ты ему сказала? Громче! Не слышу! Громче! (В. Панова. Сколько лет, сколько зим!).

Исследуемый материал показывает, что среди высказываний, относящихся к данной разновидности, значительное место занимают структуры, содержащие побуждение к модификации громкости речи адресата. В одних случаях побуждение направлено на уменьшение ее громкости, в других — на увеличение. Высказывания такого рода как бы обеспечивают сам процесс устной коммуникации.

Средства выражения рассматриваемой побудительной семантики ограничены фактически двумя лексемами — *тише* и *громче*.

Помимо высказываний, содержащих побуждение к изменению громкости речи адресата, встречаются и другие высказывания, в которых передается побуждение к усилению интенсивности осуществляющегося действия. Например: (Татары стегают Грязного.) Хан (татарам, которые стегают). Покрепче... Посильнее... Побольнее... (А. Толстой. Иван Грозный); Режиссер... (Артистка снова робко двигается по сцене. Режиссер хлопает, командует. Толпа вновь бросается к ней.) Срывайте с нее вуаль, плащ... Так... Грубей! Грызните ее, грызните! А вы сзади напирайте... Не так сильно... Фогт, действуйте... Сильней, сильней. (В. Билль-Белоцерковский. Лево руля); (Все на четвереньках начинают ползать.) Туманчиков. Эльвира, энергичней, энергичней! (М. Ворфоломеев. Святой и грешный).

Во всех рассмотренных высказываниях синтаксический центр выражен наречиями в форме сравнительной степени.

Выше были рассмотрены аспектуальные ситуации, которые вслед за А. В. Бондарко [1980, с. 13—14] можно квалифицировать как процессные, или, учитывая их ориентацию на побуждение, императивно-процессные. Специфика данных ситуаций, как отмечалось, состоит в том, что побуждение осуществляется на фоне развертывающегося действия. Данный тип представлен тремя разновидностями. Безглагольные высказывания, являющиеся средством обозначения указанных ситуаций, содержат в себе значение побуждения к реализации нецелостных действий. Как фоновые действия, так и требуемые представляют собой определенные процессы. В первой и третьей разновидностях данного типа ситуаций момент побуждения совпадает со срединной фазой фонового действия, во второй — побуждение адресуется собеседнику в начальной фазе фонового действия, т. е. в тот мо-

мент, когда оно едва начинает проявляться или пока еще содержится в интенции субъекта действия.

Ситуации второго типа (2) отличаются от ситуаций первого типа тем, что в момент побуждения действие отсутствует. Говорящий обращается к адресату с целью побуждения к выполнению определенного действия, которое до момента волеизъявления не осуществлялось. Ситуации этого типа представлены следующими разновидностями:

2.1. Ситуации, передаваемые безглагольными побудительными высказываниями, содержащими семантику однонаправленного движения. Например: К о с о в. ... (*Выбегает, кричит за сценой.*) Товарищ старшина! Товарищ старшина! Эге-ге-ге, ребята! Сюда, сюда! (А. Крон. Винтовка № 492116).

2.2. Ситуации, передаваемые безглагольными побудительными высказываниями, содержащими семантику направленности действия на объект, необходимый говорящему. Например: Д р о н о в. Вязьмин... Надо пойти за ним!... (*Встает и вдруг начинает валиться на сторону, взявшись одной рукой за голову, а другой лоя спинку стула.*) Моргунов. Феденька, что с тобой? (*Все подбегают к нему и усаживают в кресло.*) Ася Давыдовна. Воды! (С. Алешин. Все остается людям).

Ситуации первой разновидности представлены несколькими вариантами:

2.1.1. Ситуации побуждения адресата к движению в направлении говорящего. Горелов. ... (*Официанту.*) Эй, эй! Сюда! (М. Роцин. Спешите делать добро).

2.1.2. Ситуации побуждения адресата к следованию за говорящим. Например: Т у м а н ч и к о в а. Мы пошли! Боря, за мной! (М. Ворфоломеев. Святой и грешный).

2.1.3. Ситуации побуждения адресата к перемещению в направлении, указанном говорящим. Например: К а л е р и я. Теперь идите мойтесь. Туда! (В. Панова. Еще не вечер); — К «крылечку», — вполголоса приказал полковник шоферу (А. Чаковский. Блокада); Л и с т р а т. Отбиваться буду... Уходите! Все уходите, живым не дамся... Ф е д о т. Я кому сказал — в омет, дурак! Не ко времени храбришься. Слушай старика! (Н. Вирта. Земля).

Ситуации первого варианта передаются как глагольными, так и безглагольными побудительными высказываниями. Глагольные высказывания чаще всего содержат в своей структуре глагол *идти*, относящийся к группе глаголов однонаправленного движения. Например: Н и к и т и н (*подавая стул*). Садитесь. Сейчас позову. (*Приоткрыв дверь*) Галя, иди сюда! (В. Билль-Белоцерковский. Жизнь зовет). Глаголы однонаправленного движения относятся к числу одновидовых глаголов несовершенного вида. С точки зрения предельности/непредельности, это глаголы предельной семантики, так как они называют такое движение, которое направлено на достижение (в прямых значениях) того или иного

пространственного предела. Передки также случаи, когда побудительные высказывания содержат глаголы однонаправленного движения совершенного вида с начинательным значением *пойти* и глагол совершенного вида *подойти*. Например: Пухов. Только одно помни. О своей чести. Не урони ее. Ни при каких обстоятельствах. Постарайся. И еще: Мы с тобой только двое: ты и я... я и ты... Пойди-ка сюда. (*Тимофей подходит.*) (В. Розов. (Традиционный сбор).

Как видно из примеров, в глагольных высказываниях, передающих побуждение к движению адресата в направлении говорящего, могут употребляться глаголы как в форме совершенного, так и несовершенного вида. Однако, кроме этих структур, в разговорной речи очень часто встречаются безглагольные побудительные высказывания аналогичной семантики. Например: Те й мур. Здесь! Маэстро, Клава, сюда! Хорошо, что я тебя застал (А. Крон. Глубокая разведка); Шебалин. Отто, сюда! (А. Крон. Трус); Голос Сокола за сценой: «Сюда... Сюда!» (Ю. Чепурин. Сталинградцы) и т. п.

Аспектуальная семантика глагольных высказываний вполне однозначна, так как при ее анализе исследователь опирается на ту или иную видовую форму глагола. В безглагольных побудительных высказываниях глагольная словоформа отсутствует, вследствие чего только исследование самой аспектуальной ситуации позволяет подойти к анализу аспектуальной семантики данных конструкций. В подобных высказываниях, на наш взгляд, содержится недискретно представленное значение процесса/факта, процессность и фактичность здесь как бы слиты воедино, так как разграничение наличия/отсутствия динамики протекания действия во времени становится несущественным. В такой весьма специфической сфере речевого общения, как побуждение, недискретность аспектуальной семантики обусловлена, вероятно, тем, что говорящий, адресуя собеседнику побуждение к определенному действию, стремится, по словам А. В. Бельского, «создать, вызвать к жизни новую действительность, преобразовать то, что имеется» [1953, с. 87—88].

Для говорящего важна сама реализация действия, а не «средства» ее реализации.

Ситуации рассматриваемого варианта передаются с помощью высказываний, синтаксический центр которых представлен либо наречием *сюда*, либо предложно-падежной формой *ко мне*. Наречие *сюда* уже в своей собственной семантике содержит значение движения в направлении говорящего. Для оформления высказывания, содержащего указанный компонент, необходима также и побудительная интонация.

Второй вариант ситуации представлен следующими высказываниями: За сценой голос Каменецкого: «За мной, товарищи! Быстро!» (Б. Лавренев. Песнь о черноморцах); — За мной! —

скомандовал Суровцев, хватая Савельева за рукав ватника (А. Чаковский. Блокада).

Ситуации данного варианта передаются, как правило, безглагольными побудительными высказываниями, но вместе с тем имеются немногочисленные случаи, когда употребляются и глагольные побудительные высказывания. Например: Со фья Петровна. Идите за мной, Артем Михайлович, я вас провожу в ванную. Там щетка есть. (Б. Лавренев. Разлом); Комиссар. Я комиссар. Офицер. ... Следовать за мной (Вс. Вишневский. Оптимистическая трагедия).

В первом высказывании содержится глагол однонаправленного движения *идти*, во втором — глагол со значением перемещения *следовать*. По своей семантике данный глагол примыкает к группе глаголов однонаправленного движения. Оба глагола относятся к группе несоотносительных глаголов несовершенного вида, следовательно, в глагольных высказываниях побуждение к процессной реализации действия, представлено вполне однозначно. В безглагольных высказываниях это значение выражено не так ярко, как в глагольных. Видимо, и в высказываниях данного варианта аспектуальная семантика представлена недискретно, но, в отличие от высказываний первого варианта, в них превалирует и выдвигается на первый план побуждение к процессной реализации действия.

Безглагольное высказывание «За мной!» по существу является единственным средством побуждения к следованию за говорящим.

Специфика третьего варианта ситуаций данной ранговидности заключается в том, что собеседнику адресуется побуждение к движению в направлении, указанном говорящим. В отличие от первого и второго вариантов, третий вариант ситуаций представлен наибольшим числом безглагольных побудительных высказываний. Данное обстоятельство объясняется тем, что количество ориентаций адресата в пространстве довольно многочисленно.

Очень часто ситуации рассматриваемого варианта передаются безглагольными побудительными высказываниями, содержащими наречие *сюда*. Например: Перфильев. ... Я другой ход знаю: сюда, в окно! (Пугачев делает движение к окну.) (К. Тренев. Пугачевщина).

В данном высказывании побуждение к пространственной ориентации действия выражено дважды: с помощью наречия «сюда» и предложно-падежной формы «в окно», уточняющей направление движения адресата. В других высказываниях уточнителем пространственной ориентации является ситуация. Например: Егорушкин (снимает лопату с маленькой двери направо, ведущей в разрушенную часть дома). Сюда, здесь ближе, здесь самый короткий путь в Англию (И. Шток. Туман над заливом). Сами действия, движения говорящего, описанные в ремар-

ке, помогают адресату понять требуемое от него направление движения. Ориентиром движения в разных ситуациях могут быть различные предметы или явления, например: Игнатов (*обрадованно*). Татьяна Алексеевна — вот хорошо-то! Ну входите, входите... Пожалуйста, сюда, к печке (А. Арбузов. Тая); (*Бронепоезд подошел. Открывается бортовая дверца бронепоездной площадки, и виден силуэт офицера.*) Офицер. Кто тут от штаба дивизии? Командир. Пожалуйста, сюда, сюда, сюда. Офицер (*идет на свет фонарика и говорит*). Сейчас же нужно принять боезапас... С кем имею честь? (Вс. Вишнеvский. Первая конная).

Во всех рассмотренных безглагольных высказываниях аспектуальная семантика представлена недискретно, без разграничения значений побуждения к процессному или целостному действию. В глагольных высказываниях синкретизм аспектуальной семантики отсутствует. Одни из них передают побуждение к процессной, другие — к целостной реализации действия. Например: Белковский. Элла, идите сюда. (*Отошли.*) (Н. Погодин. Мой друг); Марина... (*Сквозь слезы.*) Мне очень худо, Сашка. Майоров. Что ты, Маринка? (*Подошел, гладит ее волосы.*) Ну, поди сюда. Расскажи! Пожалуйста (А. Крон. Глубокая разведка).

Сравнение функционирования безглагольных и глагольных побудительных высказываний позволяет, видимо, говорить о том, что первые характеризуются недискретностью семантики побуждения к реализации процессного/целостного действия, в то время как в последних имеет место конкуренция видов.

С наречием *сюда* парными отношениями направленности связано наречие *туда*. Если побудительные высказывания, содержащие наречие *сюда*, ориентируют адресата к движению в направлении говорящего или в каком-либо другом направлении, близком к местоположению говорящего, то высказывания с наречием *туда* указывают на удаление относительно говорящего.

Наречие *туда* может функционировать в целом ряде как глагольных, так и безглагольных высказываний. В глагольных побудительных высказываниях оно употребляется с глаголами обоих видов. Например: Рабочий седой... В лабораторию... Смерть надо... И тебя, Евдоким, смерть надо. Идите туда. Идите же! (Н. Погодин. Поэма о топоре); Когда все было выяснено, Суровцев приказал: А теперь подойдите на минутку туда. — он кивнул на пролом в противоположной стене, — и посмотрите, что будете защищать (А. Чаковский. Блокада).

Высказывания, содержащие наречие *туда*, побуждают адресата к перемещению в направлении, указанном говорящим ранее (см. первое из вышеприведенных высказываний) или в направлении, указанным жестом (см. второе высказывание).

Безглагольные побудительные высказывания с наречием *туда* также функционируют в описываемых ситуациях. Например:

Калерия. ... Теперь идите мойтесь. Туда! (В. Панова. Еще не вечер). Для них, как и для высказываний с наречием *сюда*, характерна недискретная представленность значений процесса/факта.

Рассмотрев аспектуальную характеристику побудительных высказываний, содержащих в качестве синтаксических центров наречия *сюда* и *туда*, попутно отметим, что высказывания с компонентом *сюда* в меньшей мере, чем высказывания, содержащие наречие *туда*, зависят от ситуации, а также всякого рода дейктических и кинетических средств, сопровождающих речевое общение. Высказывания с компонентом *сюда* содержат побуждение к движению адресата в направлении говорящего или к месту около говорящего. Высказывания, содержащие наречие *туда*, способны передавать побуждения к большему числу ориентированных перемещений в пространстве, чем высказывания с наречием *сюда*. В силу этого обстоятельства побудительные высказывания с наречием *туда* в большей степени нуждаются в поддержке таких экстралингвистических средств, сопровождающих речевую коммуникацию, как мимика и жест. Заметим также, что компоненты *сюда* и *туда*, наряду со словами *здесь* и *там*, относятся к системе координат речевого акта. Отметим далее, что динамика, характерная для семантической структуры наречий *сюда* и *туда* (в отличие от статики в значениях слов *здесь* и *там*) естественным образом согласуется с семантикой императива, направленной на каузацию действия-движения. В свою очередь это обстоятельство благоприятствует и тому, что наречия *сюда* и *туда*, получив соответствующее интонационное оформление, могут без посредства глагольной словоформы передавать побуждение к движению в определенном направлении.

Глагольные побудительные высказывания с наречием *вперед* функционируют в устной речи гораздо реже, чем безглагольные побудительные высказывания с тем же наречным компонентом. Например: Сафонов. Цыц! (*Стучит в дверь солдатского зала. Оттуда появляются Василий и несколько солдат с винтовками.*) Иди вперед! (*Подталкивает Романчука к двери офицерского зала.*) Стучи! (А. Крон. Трус), но ср.: — Вперед, я говорю! — крикнул он водителю (А. Чаковский. Блокада); Штубе. ... Тсс ... Обалдел, идиот? Орешь как на базаре ... За дело! Марш вперед! ... Если что — свисти (Б. Лавренев. Разлом). Данные высказывания передают побуждение к движению адресата в том же направлении, что и глагольные, отличаясь от последних синкретизмом аспектуальной семантики.

Безглагольные высказывания с наречным компонентом *назад* в качестве синтаксического центра передают побуждения к движению в направлении, обратном первоначальному движению. Например: (*Тоня бросает маузер, хватает револьвер Герцога и выбегает за ним. Инес бросается за ней.*) Голос Тони. Инес! Назад! (А. Крон. Наше оружие); Ленка (*вбегая*). Рельса

разобрана. Командир. Полный ход назад! (И. Прут. Князь Мстислав Удалой).

Из данных высказываний ясно, что до момента побуждения адресатом совершалось движение в определенном направлении. В безглагольных высказываниях содержится побуждение к изменению этого направления на противоположное. Следовательно, здесь речь идет о побуждении к процессной реализации действия-движения. В других безглагольных высказываниях с тем же наречным компонентом ярче проявляется семантика побуждения адресата к реализации целостного действия, а значение процесса как бы отступает на второй план: Например: (*«Гренадер» вскакивает, хватая гранату, солдат к нему.*) Офицер. Назад! Берегись! (*Все жмутся. Офицер, держа высоко гранату, плечом открывает дверь, прыгивает и ускользает.*) (Вс. Вишневский. Первая конная).

Таким образом, аспектуальная семантика процесса/факта в рассмотренных безглагольных высказываниях представлена недискретно. В зависимости от контекста и ситуации на первый план выдвигается как значение побуждения к реализации процессного, так и целостного действия. В некоторых же случаях разграничение значений процесса/факта с точки зрения коммуникативных задач волеизъявления становится несущественным.

Реализация процессной функции зависит от перцептивности, являющейся важнейшим признаком процессных ситуаций [Бондарко, 1980, с. 14—16]. Элемент перцептивности может быть по-разному представлен в той или иной ситуации. В процессных ситуациях, или ситуациях, близких к процессным, этот элемент выдвигается на передний план. Например: Круглик. ... (*поднимается по лестнице.*) Нила. Вниз! (А. Салынский. Барабанщица). Говорящий в данной ситуации непосредственно воспринимает динамику процесса (движение вверх по лестнице), фиксируя срединную фазу протекания действия, совершаемого адресатом. В силу каких-то причин дальнейшее протекание действия для говорящего представляется нежелательным, поэтому он побуждает лицо, совершающее действие, изменить направление данного действия (движения) на противоположное. Данное коммуникативное намерение говорящий реализует посредством высказывания «Вниз!». Можно предположить, что и на этапе развертывания действия (движения) в противоположном направлении динамика его протекания остается в поле зрения говорящего. Поэтому можно говорить о семантике побуждения адресата к процессной реализации действия. Однако следует иметь в виду, что безглагольные побудительные высказывания способны передавать побуждения и в таких случаях, когда перцептивность становится менее важным элементом ситуации, вследствие чего аспектуальная семантика высказываний, обозначающих такие ситуации, характеризуется недискретностью, менее четким раз-

граничением аспектуальных характеристик. Например: — Что же, граждане, особого приглашения, что ли, ждете? — громко спросил кто-то сзади. ... А вы, товарищ командир, чего стоите? — обратилась она непосредственно к Суровцеву. — Вам пример населению положено показывать, а вы нарушаете! Вниз давайте, все вниз! (А. Чаковский. Блокада). Аналогичное аспектуальное значение передается и в следующем высказывании, содержащем наречие *наверх*: Морозов. Нет-нет... Мне лучше уйти! Вас из-за меня... могут ... Нет, я пойду. Косогоров (*сердито*). Перестаньте молоть чушь! Наверх ко мне быстро! И не рас-суждать (Братья Тур. Побег из ночи).

Как было показано, в качестве синтаксических центров безглагольных побудительных высказываний часто выступают наречия со значением пространственной ориентации. Данные средства, естественно, не могут передать всего многообразия побуждений к движению, поэтому в языке широко используются разного рода предложно-именные сочетания. Рассмотрим высказывания, содержащие некоторые типы таких сочетаний.

А. Предлог «к» + дательный падеж имени существительного

Побудительные высказывания с данным предложно-именным сочетанием могут быть как глагольными, так и безглагольными. И те и другие служат для выражения пространственных отношений и употребляются при обозначении лица или места, в сторону которого должно быть направлено требуемое действие. Например: Степан. ... Время! Иди к печи (Н. Погодин. Поэма о топоре); Прохор. ... К заводу, мужики! (Ю. Чспурин. Сталинградцы).

В приведенных глагольных высказываниях передается побуждение к процессной реализации действия, в безглагольных — аспектуальная семантика характеризуется в целом недискретностью, несмотря на то, что превалирует все-таки значение процессности. В целом ряде стандартизированных высказываний проявляется побуждение к большей степени к целостной реализации действия. Например: Ильин. Капитан, к аппарату (К. Симонов. Русские люди); Лейтенант (*в дверях*). Товарищ капитан, к телефону (К. Симонов. Русские люди).

Б. Предлог «в» + винительный падеж имени существительного

Безглагольные побудительные высказывания с данным предложно-именным сочетанием передают побуждение к перемещению в направлении, указанном говорящим. Среди данных высказываний выделяются две следующие группы.

1. Высказывания, содержащие побуждение к движению внутрь какого-либо предмета или пространства. Например: Эйно (*притворно строго*). Что такое, товарищи? В чем дело? Тихо! А то — никаких винтовок! (*Ребята стихли.*) Марш в палатку. Будет нужно — позовем (А. Крон. Винтовка 492116); Карпинская я. Ой!.. Товарищ Ковалев, я с вами... Здесь. Ковалев. В погреб. Тут вас пуля заденет (В. Билль-Белоцерковский. Луна слева).

2. Высказывания, содержащие побуждение к движению в сторону предмета, места, являющегося конечным пунктом движения. Например: Трофим. Ты, Сонюшка, развернись. Иришка — в магазин за подкреплением!.. (В. Лаврентьев. Чти отца своего).

В приведенных высказываниях содержится побуждение к совершению действия без специального акцента на характере его протекания — процессном или непроцессном.

В глагольных побудительных высказываниях видовая форма глагола указывает на тот или иной характер протекания действия. Например: Захаров (*Амалии*). Пройдите в кабинет (А. Афиногенов. Страх); Ольга. Идите в угол, зовите других. Я пойду туда сейчас (Л. Леонов. Нашествие).

В. Предлог «на» + винительный падеж имени существительного

Безглагольные побудительные высказывания, содержащие указанное предложно-именное сочетание, представлены рядом групп.

1. Высказывания, передающие побуждение к действию-движению, направленному на поверхность предмета, обозначенного указанным именем. Например: Анна... (*Детям.*) А вы на печку! Степа. Бабушка, мы знаем... Анна. На печку! (Н. Погодин. Кремлевские куранты); Вихрастый... Партизанский выход. Давай все на сцену! (А. Арбузов. Таня).

2. Высказывания, содержащие побуждение к движению, направленному в сторону предмета, места, являющегося конечным пунктом движения. Например: Парень. Скорее на пристань!.. (А. Арбузов. Город на заре); Голоса... Извозчик, на вокзал! (К. Тренев. Любовь Яровая).

3. Высказывания, содержащие побуждение к движению в определенном направлении (с оттенком целевого назначения). Например: Давид. Товарищ заведующий, пожалуйста, срочно на фракцию завкома (Н. Погодин. Поэма о топоре).

4. Высказывания, содержащие побуждение к движению (только с указанием направления). Например: Муравьев... Поздравляю вас, товарищи. Великий перелом наступил! Сегодня на рассвете прорван фронт на южном и центральном. Мы — только

часть великого наступления всего советского фронта! На Запад! (Б. Чирсков. Победители).

Во всех приведенных высказываниях аспектуальная семантика может быть определена как неразграниченно представленное значение процесса/факта с преимущественной реализацией процессного значения. Лишь немногие глагольные побудительные высказывания употребляются при обозначении описываемых ситуаций. Например: Комиссар. ... (Решительно) Иди на свое место (И. Прут. Князь Мстислав Удалой).

Г. Предлог «за» + творительный падеж имени существительного

Безглагольные высказывания с данным предложно-именным сочетанием передают основное значение требуемого направления с дополнительным оттенком цели действия. Например: Глаша. ... Давайте костер разложим — мошкору согнать. Саламату сварим. В е р а. Костер! Обязательно костер! За топливом, девочки! (А. Афиногенов. Далекое); Е л и з а в е т а. Застрелилась. Д о с т и г а е в. Антонина? Не... может быть! Е л и з а в е т а. Еще дышит... Алексей... за доктором... (М. Горький. Достигаев и другие).

В данных высказываниях содержится побуждение к действию без указания на его процессный или целостный характер осуществления. Аспектуальная семантика в данных высказываниях представлена недискретно.

2.2. Ситуации данной разновидности характеризуются тем, что говорящий побуждает адресата повеления к действию, направленному на предмет, необходимый говорящему. Рассматриваемые ситуации передаются как глагольными, так и безглагольными побудительными высказываниями. Например: Т а т ь я н а. ... Мама, не нужно. Не нервничай. Со ф ь я Петровна. Дай воды. Т а т ь я н а (наливает и подает воду). Выпей, мамочка, и успокойся (Б. Лавренев. Разлом); М а р и н а. Сядь. Вот тут, чтобя тебя видела. Дай мне папиросу (А. Крон. Глубокая разведка); Т и х и й. Господа... я... кажется, убит... воды... (К. Тренев. На берегу Невы); К р ы л о в. ... Клашенька, халат (Ю. Болотов. Любимые березы).

Глагольные побудительные высказывания отличаются от безглагольных тем, что в первых действие выражено непосредственно в глагольной словоформе, в то время как в последних действие представлено имплицитно, но сам факт наличия значения действия в безглагольных побудительных высказываниях не вызывает никаких сомнений. Аспектуальная семантика здесь естественным образом вытекает из самой ситуации. Средства передачи указанных значений не относятся к числу стандартных средств, поскольку наличные компоненты безглагольных побудительных высказываний передают значение действия не прямо,

как глагольные, а косвенно. Данные компоненты, называя объекты, на которые направлено действие, сигнализируют о наличии самого действия.

Значения побуждения к действию, направленному на предмет, необходимый говорящему, передается с помощью высказываний, содержащих глаголы как в форме совершенного, так и несовершенного вида. Например: Егорушкин. ... Вот в госпитале — гляжу, два майора папиросы курят, а я капитан, мне табак выделили. А у меня пальцы болят скручивать. Я сейчас: «Начальника! Давай мне папирос!» (И. Шток. Туман над заливом); Агата. ... Дайте мне папиросу (И. Шток. Туман над заливом).

Из примеров следует, что видовые формы, содержащиеся в побудительных высказываниях, выполняют две функции. Во-первых, в высказываниях, содержащих формы совершенного вида, внимание говорящего направлено на результат действия, в то время как в высказываниях с формами несовершенного вида — в большей степени на результат действия, чем на процесс его осуществления. Во-вторых, высказывания, содержащие формы несовершенного вида, передают побуждение более требовательно и категорично, чем те, в которых содержатся формы совершенного вида. Таким образом, категория вида в повелительном наклонении выполняет две функции (см., в частности: [Немешайлова, 1963, с. 258]). Из этих двух функций на первый план выдвигается модальная функция, служащая средством дифференциации оттенков побуждения. Аспектуальные функции, реализуемые в рассматриваемых высказываниях, проявляются слабо, лишь в незначительной мере разграничивая характер протекания действия. Максимальное разграничение модальных оттенков и минимальная дифференциация видовых значений с наибольшей четкостью проявляются в тех случаях, когда два высказывания, содержащие парные глаголы совершенного и несовершенного вида, оказываются в непосредственной контекстной близости. Например: Платонов. Водки давай. Олимпиада. Что ты?! Господь с тобой ... Платонов. Дай водки, Олимпиада. Прошу тебя ... (А. Александровский. День рождения).

Семантика побуждения адресата к действию, направленному на предмет, необходимый говорящему, передается также безглагольными побудительными конструкциями. Например:

а) высказываниями, содержащими побуждение адресата к действию с указанием на требуемое вещество: Тихий. Господа ... я ... кажется убит ... воды ... (К. Тренев. На берегу Невы);

б) высказываниями, содержащими побуждение адресата к действию с указанием на конкретный предмет, необходимый говорящему: Петров. Гончаренко, кожанку! (К. Симонов. Под каштанами Праги);

в) высказываниями, содержащими побуждение адресата к

действию, направленному на абстрактный предмет: Олег Коля, музыку! (Г. Мдивани. Твой дядя Миша); г) высказываниями, содержащими побуждение адресата к действию, направленному на требуемое лицо: Ленин (*по телефону*). Стенографистку (М. Шатров. Шестое июля).

В безглагольных побудительных высказываниях рассматриваемой разновидности семантика характера протекания действия представлена недискретно. Однако следует отметить, что значение побуждения к реализации целостного действия проявляется ярче, поскольку внимание говорящего направлено не на само действие, а на его результат. Говорящего интересует не процесс протекания действия, а предмет, который он получает от адресата в результате выполненного им действия.

В предшествующем изложении мы рассмотрели два типа ситуаций. Специфика ситуаций первого типа заключается в том, что определенное действие находится в процессе осуществления, а побуждение, адресуемое собеседнику, направлено на продолжение, полное проявление или изменение характера протекания действия. Все три разновидности данного типа ситуаций передаются как глагольными, так и безглагольными побудительными высказываниями. Аспектуальная семантика безглагольных высказываний этого типа определяется однозначно как побуждение адресата к реализации процессного действия.

Ситуации второго типа, характеризующиеся отсутствием какого-либо действия до момента побуждения, представлены двумя разновидностями. Ситуации первой разновидности передаются как глагольными, так и безглагольными побудительными высказываниями, содержащими семантику однонаправленного движения. Все безглагольные побудительные конструкции характеризуются недискретностью аспектуальной семантики, причем в одних высказываниях содержится побуждение к реализации действия без четкого разграничения характера его протекания (процессного или непроцессного), в других — требуемое действие представлено как преимущественно процессное. Ситуации второй разновидности обозначаются высказываниями, содержащими побуждение к действию, направленному на предмет, необходимый говорящему. Эти ситуации также передаются как глагольными, так и безглагольными побудительными высказываниями. В глагольных высказываниях на первый план выдвигается модальная функция разграничения оттенков побуждения при слабой дифференциации аспектуальных функций. Аспектуальная семантика в безглагольных высказываниях представлена в целом недискретно, но побуждение, передающееся такими высказываниями, имеет преимущественную направленность на целостную реализацию действия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бельский А. В. Побудительная речь. — Уч. зап. I МГПИИЯ, т. VI. — М., 1953.
2. Бондарко А. В. Грамматическая категория и контекст. — Л.: Наука, 1971.
3. Бондарко А. В. Об уровнях описания грамматических единиц (на примере анализа функций глагольного вида в русском языке). — В кн.: Функциональный анализ грамматических единиц. — Л., 1980.
4. Немешайлова А. В. Использование категории вида глагола в качестве средства выражения характера побуждения и его эмоциональных оттенков. — В кн.: Вопросы синтаксиса и стилистики русского литературного языка. — Куйбышев, 1963.
5. Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. — Л., 1941.
6. Шелякин М. А. Употребление вида в повелительном наклонении русского языка. — Fremdsprachenunterricht, 1969, № 9 (ГДР).

АСПЕКТУАЛЬНО-МОДАЛЬНЫЕ СИТУАЦИИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ С КОМПОНЕНТОМ НЕПРЕМЕННОСТИ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ДЕЙСТВИЯ

В. М. Мякотина

Взаимодействие аспектуальных и модальных элементов при употреблении видовых форм неоднократно рассматривалось в аспектологической литературе [см., например: 9; 2; 1; 10; 7; 13; 5; 8; и др.]. Актуальным в аспектологии является описание и объяснение функционирования и взаимосвязи компонентов аспектуальности и модальности на уровне высказывания*, в рамках аспектуально-модальных ситуаций**.

Целью настоящей статьи является попытка анализа взаимосвязи аспектуальных и модальных элементов в аспектуально-модальных ситуациях с компонентом неперенности осуществления действия, представленного как целостный факт. Нами рассматриваются аспектуально-модальные ситуации, в которых доминирующим является модальный элемент***.

Аспектуально-модальные ситуации с названным компонентом объединяются в типе — «Неперенно осуществится действие, представленное как целостный факт». Этот тип связан с таким употреблением высказываний с формами настоящего-будущего совершенного, которое характеризуется дополнительными модальными значениями, формирующими широкое понятие возможности как обязательности осуществления

* Подобный опыт уже известен в аспектологической литературе. [См., например: 4; 5; 6].

** Некоторые типы ситуаций рассмотрены А. В. Бондарко [см.: 12] 604—613; см. также его статью в настоящем сборнике]. Вслед за А. В. Бондарко мы понимаем аспектуально-модальную ситуацию как ситуацию, отражаемую в содержании данного высказывания, рассматриваемую с точки зрения ее аспектуальных и модальных элементов.

*** В аспектуально-модальных ситуациях соотношение аспектуальных и модальных элементов может быть представлено следующим образом: 1) аспектуальные и модальные элементы тесно связаны друг с другом, образуют комплекс; 2) доминирующим является аспектуальный элемент; 3) доминирующим является модальный элемент.

действия. Непременность осуществления действия выражена эксплицитно или подразумевается. Ситуация неперменного осуществления действия соотносится с объективными предпосылками его реализации, которые могут содержаться как в данном фрагменте текста, так и за его пределами. Кроме названного компонента — констатации неперменности осуществления действия, — компонентами ситуаций указанного типа являются модальные значения уверенности, необходимости, неизбежности, долженствования.

Можно выделить несколько разновидностей в типе ситуации неперменного (обязательного) осуществления действия.

1. Выражается уверенность в осуществлении и действия. При употреблении формы настоящего-будущего совершенного выражается модальное значение уверенности (план настоящего абстрактного характеризуется дополнительным модальным значением уверенности). Уверенность есть не что иное, как форма проявления и существования доминанты семантического содержания потенциальности.

Модальное значение уверенности может носить субъективный или объективный характер. В первом случае уверенность предстает как готовность субъекта осуществить данное действие: Но и там я найду способ дать ей знать о моем существовании (А. Куприн. Гранатовый браслет); Чем вам у кого-нибудь заниматься, я вам с радостью готов служить рублей двести. У меня теперь их нет, а только сто; но я нынче же достану (Л. Толстой. Два гусара); Хлестаков. Я заплачу, заплачу, но у меня теперь нет (Н. Гоголь. Ревизор); Купавина. Я понимаю, куда клонится этот разговор: вам хочется попасть на свою любимую тему — что женщины ничего не знают, ничего не умеют, что они без опеки жить не могут. Ну, так я вам докажу, что я сумею вести свои дела и без посторонней помощи (А. Островский. Волки и овцы).

Субъект уверен в том, что произойдет (не может не произойти) действие. Условием и предпосылкой осуществления данного действия является сам субъект, уверенный в способности достичь необходимого реального результата.

Во втором случае уверенность обусловлена конкретной ситуацией, является следствием тех причин и обстоятельств, которые фиксируются контекстом или констатируются говорящим: Ср.: Нет, нынче не буду. А то б я вас всех вздул. Я как пойду гнуть, так у меня всякий банк за трещит! (Л. Толстой. Два гусара) и Городничий. Да и лучше, если б их (больных. — В. М.) было меньше: тотчас отнесут к дурному смотрению или к неискусству врача (Н. Гоголь. Ревизор). Форма настоящего-будущего за трещит обозначает действие, которое обязательно осуществится, так как субъект уверен в своей способности достичь этого осуществления. Форма отнесут выражает действие, непермен-

ное осуществление которого зависит от обстоятельств, указанных в контексте.

В большинстве случаев значение уверенности проявляется у глаголов общерезультативного способа действия, включенных в определенный контекст. Последний играет большую роль при формировании указанного значения. Его структура и степень влияния различны. Например, в предложении 'Но и там я найду способ...' форма найду придает оттенок уверенности, в частности, и потому, что в контексте имплицитно утверждается мысль о подобных данному обстоятельстве, из которых субъект находил выход. В предложении 'Я заплачу, заплачу деньги...' уверенность в осуществлении действия достигается повтором формы. Субъект в этом случае не подвергает сомнению возможный факт. Уверенность приобретает характер клятвенного заверения.

Оттенок уверенности может быть специально подчеркнут лексическими средствами, выражающими значение неперенности (обязательности), — прямыми усилителями модального значения. К ним относятся наречия типа обязательно, непременно и под. Они указывают на такую возможность осуществления действия, которая исключает всякую (любую) случайность, могущую помешать осуществлению действия: В каждом нашем поселенье всегда были и есть еще одна, а то и две старухи с характером, под защиту которого стягиваются слабые и страдальческие; и обязательно: отживет, отойдет в смерть одна такая старуха, место ее тут же займет другая, подоспевшая к тому времени к старости и утвердившаяся среди других своим строгим и справедливым характером (В. Распутин. Прощание с Матерой); ... лежа в госпитале, он думал ночами о жене и сыне и понимал, что многое было не так, как могло бы быть, что он жил как по рабочему черновику, все время в глубине души надеясь через год, через два переписать свою жизнь набело — после тридцати, после сорока... Теперь он не ставил юбилейных сроков, лишь думал, что уж эта-то война непременно изменит многое (Ю. Бондарев. Горячий снег).

В контакте могут быть прямые сигнализаторы уверенности типа уверен, заверяю (вас, тебя). Концентрируя значение уверенности, эти сигнализаторы не позволяют выйти из собственных семантических рамок сочетающимся с ними формам настоящего-будущего совершенного вида. Следовательно, модальное значение последних проецируется на них данными сигнализаторами, придается им в плане развертывания контекста: — Мы будем здесь до последнего, товарищ генерал! — произнес Дроздовский убежденно. — Я знаю, что здесь танкоопасное направление... Хочу заверить вас, что артиллеристы первой батареи не пожалеют жизни и оправдают оказанное им доверие! (Ю. Бондарев. Горячий снег); Правдин. Я наперед

уверен, что друг мой приобретет вашу благосклонность, если вы узнаете его короче (Д. Фонвизин. Недоросль). Конструктивными особенностями контекста является то, что, во-первых, уверенность носит субъективный характер (уверенность говорящего лица), во-вторых, форма настоящего-будущего совершенного находится в составе изъяснительного придаточного предложения. Следовательно, сигнализаторы уверенности одновременно являются в пределах сложноподчиненного предложения контактными словами полной синсемантичности (полной информативной недостаточности), указывающими на незавершенность (открытость) главного предложения и предполагающими непрременное (обязательное) наличие придаточного предложения (семантико-синтаксического завершения).

Иногда сигнализаторы уверенности выступают в сочетании с лексическими средствами, выражающими значение неперенности (обязательности), что влечет за собой создание комплекса субъективно-объективной мотивированности модального оттенка: Настена словно бы играла в прятки сама с собой: то она была уверена, что все это со временем обязательно кончится хорошо, стоит лишь выждать, потерпеть, то случившееся вдруг открывалось такой проваленной, бездонной ямой, что от страха перехватывало дух (В. Распутин. Живи и помни). Сигнализатор уверенности находится в составе главного предложения, обстоятельство обязательно и форма настоящего-будущего совершенного кончится — в составе придаточного. Сигнализатор уверенности является контактными словом полной синсемантичности, требующим своего раскрытия (объяснения). Выражаемая им общая идея уверенности субъекта через посредство придаточного конкретизируется указанием на определенное действие, осуществление которого обязательно. Посредством этих же сигнализаторов значения модальности уверенность может быть «распространена» говорящим на слушающего: Потом, когда придет решение, он сядет за книги. Тут же будьте уверены, он все прочтет, что надо прочесть (А. Аграновский. Однолюб) (уверенность субъекта в возможности осуществления данного действия самим субъектом навязывается собеседнику. Уверенность носит, так сказать, обобщенный характер, субъект предполагает, что возможность осуществления действия — решенный факт, с которым должны считаться все).

Уверенность актуализируется через наличие в контексте лексических средств, указывающих на время совершения действия (з а в т р а, н ы н е, т о т ч а с, н ы н ч е и п о д.). Субъект не только уверен в совершении действия, но и указывает сроки его осуществления. Тем самым временная локализованность действия способствует наложению на значение уверенности дополнительного оттенка непреложности: Было радостно от того, что з а в т р а я з а й м у с ь, наконец, делом (В. Белов. Утром в субботу); Г-жа

Простакова. Кто помышленее, того свои же братья дворяне тотчас выберут еще в какую-нибудь должность (Д. Фонвизин. Недоросль). Здесь уверенность возникает на основе бесспорного знания субъектом времени места совершения данного действия. Уверенность в возможности совершения действия представляется в качестве постоянной потенциальной величины.

Уверенность субъекта в осуществлении данного действия выражается также сочетанием глагола реляционного способа действия со значением интеллектуального состояния (типа знать), который входит в состав главного предложения и, подобно «обстоятельствам» уверен, заверяю в аналогичной синтаксической ситуации, является элементом, обладающим потенциальной синтаксической валентностью, с формой настоящего-будущего, совершенного, располагающейся в изъяснительном придаточном предложении. Значение уверенности в данном случае опирается на полную информированность субъекта о действии, которое должно осуществиться. Форма настоящего-будущего может сочетаться с лексическими средствами, выражающими значение непеременимости, что в конечном счете придает модальному значению окраску непреложного факта: Он знал непререкаемую значимость своих приказов, знал, что приказ его мгновенно выполнят, и, когда увидел низкорослого, железнокрепкого, с фигурой борца майора Титкова из своей охраны и двух молодых, атлетически сложенных автоматчиков, подошедших к танкисту, поморщась, невольно отвернулся... (Ю. Бондарев. Горячий снег). Формы настоящего-будущего совершенного можно заменить формами настоящего несовершенного, однако если они употреблены в сочетании с лексическими показателями уверенности, то такая замена требует определенных синтаксических преобразований контекста (сказать: приказ его мгновенно выполняют допустимо при условии, что контекст констатирует, что один и тот же приказ выполняется разными людьми или отдельными группами людей. Но: приказы его мгновенно выполняют).

Уверенность может быть результатом особенностей смыслового соотношения компонентов сложного предложения. Суть этого соотношения заключается в том, что в препозитивной части сложного предложения говорится или о совершении действия со стороны говорящего по отношению к объекту, не представляющему той ценности, которую для говорящего имеет объект, о котором говорится в постпозитивном предложении; или об условии, благоприятном для совершения говорящим действия; или о наличии обстоятельств, которые рассматриваются говорящим как факторы, благодаря которым задуманное им (желаемое для него) действие бесспорно осуществится. Модальный оттенок уверенности становится элементом причинно-следственных или условно-результативных отношений частей сложного предложе-

ния: Скотинин. Друг ты мой сердешный! коли у меня теперь, ничего не видя, для каждой свинки клёвок особый, то жене найду светелку (Д. Фонвизин. Недоросль) [оттенки уверенности является следствием логического хода событий: если есть нечто у кого-то малозначительного, то тем более необходимое должно быть осуществлено для лица, которого в силу сущностных качеств нельзя даже сравнить с упоминаемым в предшествующем эпизоде. Формула: «Если есть даже у некоего, то у тебя (вас, них) тем более должно быть»]; Сказал: — Поезжай. Только помни: стариками осколки и пули брезгают. Они таких, как ты, ищут... А надумаешь — пиши, роту тебе найду (Ю. Бондарев. Горячий снег) (говорящий выдвигает условие, выполнение которого непременно приведет к осуществлению действия, в котором заинтересован как субъект речи, так и объект); Г-жа Простакова. Нет, сударыня, это твои вымыслы, чтоб дядюшку своим нас застрашать, чтоб мы дали тебе волю. Дядюшка-де человек умный, он, увидя меня в чужих руках, найдет способ меня выручить (Д. Фонвизин. Недоросль) (субъект действия осуществит действие обязательно в силу присущих ему качеств).

2. Выражается необходимость осуществления действия. Форма настоящего-будущего участвует в выражении модального значения необходимости. Необходимость совершения действия предполагает, что данное действие должно осуществиться, несмотря на могущие возникнуть или реально существующие препятствия. Этим значение необходимости отличается от значения уверенности, указывающего на возможность совершения действия как результата усилий (воли) субъекта речи или субъекта действия.

Следует различать два варианта данной разновидности:

- 1) действие необходимо осуществится как реальный факт;
- 2) действие необходимо осуществится по желанию (решению) субъекта.

1) Значение необходимости связано с различными формами лица и в разной степени обусловлено контекстом. Так, оно связано с формой 3-го лица, выступающей в «конкретно»-личном употреблении, которому контекст сообщает оттенки постоянности и повторяемости, что придает «конкретно»-личному употреблению не четко выраженный характер: необходимость относится к субъекту, мыслимому обобщенно: Жизнь, на то она и жизнь, чтоб продолжаться, она все перенесет и приметя везде, хоть на голом камне и в зыбкой трясине, а понадобится если, то и под водой, но зачем же без нужды испытывать ее таким образом и создавать для людей никому не нужные трудности, зачем, заботясь о маленьких удобствах, создавать большие неудобства? (В. Распутин. Прощание с Матерой); Огудалова. А вот сентябрь настает, так не очень тихо будет; ветер-то загудит в окно. Лариса. Ну что ж такое? Огудалова. Волки завоюют на разные

голоса (А. Островский. Бесприданница) [в этом контексте значение необходимости формами настоящего-будущего совершенного приобретает последовательно: форма *настанет* выражает модальное значение на основе факта, который носит объективно-повторяющийся характер (сентябрь наступает через определенный отрезок времени, это повторение закономерно). Форма *загудит* выражает значение необходимости как производное от самого факта наступления сентября. Форма *завоюет* выражает значение необходимости на основе заложенного в контексте представления о том, что осенью (в сентябре) так бывает всегда].

Значение необходимости может быть связано «с обобщенно-личным значением формы 2-го лица: вынужденная необходимость относится ко всякому, любому лицу. Модальный оттенок может быть подчеркнут обстоятельствами типа *поневоле*» [2/108]. 2-е лицо в обобщенно-личном употреблении в условиях контекста иногда представляет самого говорящего: *Лебедкина. Когда за деньги все на свете можно сделать, поневоле соблазнишься* (А. Островский. Поздняя любовь); *Много их в Петербурге, молоденьких дур, сегодня в атласе да бархате, а завтра, поглядишь, метут улицу вместе с голю кабацкою. Как подумаешь порою, что и Дуня, может быть, тут же пропадает, так поневоле согрешишь да пожелаешь ей могилы* (А. Пушкин. Станционный смотритель). Модально окрашенное употребление глагольной формы «лаконично и экспрессивно выражает нечто подобное тому, что в развернутом пересказе выглядело бы так: «еще бы, обстоятельства таковы, что ничего другого не остается...», или «тут, действительно, можно только...» [2/108—109]. Необходимость развивается из уверенности говорящего о том, что называемое им действие осуществится.

2) Значение необходимости выражается при участии формы инфинитива. У видов в форме инфинитива выражение добавочных модальных оттенков является вторичной функцией. «Можно сказать, что инфинитив — это форма, где суть совершенного вида раскрывается наиболее полно» [11/55]. Контекст позволяет реально или мысленно дополнить значение инфинитива лексическими элементами со значением утвердительной оценки действия: *Городничий. Да и то же над каждой кроватью и а д п и с а т ь (следует надписать) по-латыни или на каком другом языке... это уж по вашей части, Христиан Иванович... (Н. Гоголь. Ревизор); Полкам драться в любых обстоятельствах. До последнего снаряда. До последнего патрона. Главное — с к о в а т ь (нужно это сделать) немцев и уничтожить танки. Всеми средствами (Ю. Бондарев. Горячий снег); Что теперь я буду делать? — рассуждал он. — З а н я т ь у кого-нибудь и у е х а т ь (нужно занять и уехать) (Л. Толстой. Два гусара).*

Необходимость осуществления действия при употреблении

формы инфинитива является вариантным значением, связанным с определенными речевыми условиями. Значение необходимости возникает на основе взаимодействия лексического значения глагола, употребленного в инфинитиве, и контекста (как широкого, так и микроконтекста — сочетающихся с инфинитивом дополнений и наречий). Говорящий прибегает к совершенному виду, если речь идет о потенциально возможном свойстве, проявление которого обусловлено ситуацией. Значение необходимости проявляется у инфинитива чаще всего в сочетании со словами *надо*, *необходимо*, которые или представлены в контексте или же подразумеваются контекстом. В последнем случае эти слова переключают свою функцию на другие, лексическое содержание которых указывает на необходимость совершения действия, требует раскрытия или объяснения посредством инфинитива, соотносительного с этими словами по смыслу: Приходят студенты... И есть задача: всех их выучить, вывести в люди. И это главная задача: подготовить тысячи специалистов (А. Аграновский. Письма из Казанского университета) [подразумевается: *надо* (*необходимо*) выучить, вывести в люди, подготовить, то есть осуществить данные действия непременно. Потенциальная необходимость связана с лексическим значением существительного *задача*. Это слово в контексте требует необходимого информативного раскрытия. Манифестация последнего и осуществляется глаголами в форме инфинитива со значением исчерпанности действия или доведения действия до результата, то есть глаголами, «объясняющими» то, что заключено в слове *задача*].

Оттенок необходимости может быть выражен в форме категорического приказания, если форма инфинитива с соответствующим лексическим значением в речевой ситуации сопровождается особой восклицательной интонацией: Ничего не вижу. Вижу какие-то свиньи рыла вместо лиц, а больше ничего... *Воротить, воротить* (необходимо воротить) его! (Н. Гоголь. Ревизор); *И передайте от меня лично: надеюсь на его терпение. Выстоять, вытерпеть* (следует выстоять, вытерпеть) этот натиск, Деев! *Нельзя думать, что резервы у них неиспечпаемы* (Ю. Бондарев. Горячий снег). Эта интонация «вытесняет» слова, с которыми должен был сочетаться инфинитив. Они оказываются избыточными в речевой ситуации, поскольку за самим инфинитивом в процессе речевой практики закрепился оттенок необходимости; восклицательная интонация способствует резкому подчеркиванию этого значения.

3. *Неизбежно осуществится действие*. При посредстве формы настоящего-будущего совершенного выражается значение неизбежности осуществления действия. Из контекста явствует, что данное действие неизбежно должно осуществиться. Мотивированность неизбежности основана на качественной ха-

рактеристике субъекта действия и обстоятельств, приводящих к непременному осуществлению действия. Неизбежность действия есть результат предшествующего действия или состояния, предполагающего последнее действие как неизбежный факт, то есть предопределенный акт, помешать которому не в силах субъект речи или какие-либо обстоятельства. Другими словами, речь идет о «начертанной» предопределенности, констатируемой контекстом. Модальное значение неизбежности сближается с индикативной модальностью — констатацией действия будущего. Это значение связано с формой 3-го лица: неизбежность относится к любому субъекту: Вернувшись в штаб, Сабуров сел за стол и, достав из планшета, положил перед собой полевую книжку: ему предстояло написать донесение за день, — донесение, которое по йдет в полк к Бабченко, выборка из которого потом по йдет в дивизию к Проценко, из дивизии в армию, из армии во фронт, а оттуда в Москву... (К. Симонов. Дни и ночи) (значение неизбежности возникает на основе раз и навсегда заведенного порядка, в соответствии с которым донесение пересылается по инстанциям каждый раз, как только написано); Сабуров молча посмотрел на правый берег Волги. Вот он — высокий, обрывистый, как и все западные берега русских рек. Вечное счастье, которое на себе испытал Сабуров в эту войну: все западные берега русских и украинских рек были обрывистые, все восточные — отлогие. И города стояли именно на западных берегах рек — Киев, Смоленск, Днепропетровск, Ростов... И все их было трудно защищать, потому что они прижаты к реке, и все их будет трудно брать обратно, потому что они тогда окажутся за рекой (К. Симонов. Дни и ночи) (неизбежность как следствие устройства берегов русских рек, играющее большую роль с точки зрения ведения войны).

Неизбежность совершения действия в будущем проявляется, когда речь идет о событиях неизбежно и регулярно повторяющихся. Показатель повторяемости обстоятельства времени и другие лексические показатели со значением времени, с которыми сочетается форма настоящего-будущего совершенного: Скоро Никишка спать ляжет, и приснятся ему необыкновенные сны. Обступит его деревня, избы с глазами-окошками, лес подойдет, камни и горы, конь явится, пес рыжий, чайки прилетят, кулики сбегутся на тонких ножках, семга из моря выйдет — все к Никишке сойдутся, смотреть на него станут и, бессловесные, будут ждать заветного слова Никишкиного, чтобы разом раскрыть ему все тайны немой души (Ю. Казаков. Никишкины тайны); А спустя год-два на Великом хребте, на далекой северной вершине, снова затрубит дикий олень с клокочущим от страсти сердцем и потребует справедливой борьбы за губительную и всепобеждающую любовь! (В. Астафьев. На далекой северной вершине).

Значение неизбежности может быть подчеркнуто обстоятельствами типа неизбежно, неминуемо: Если сегодня... техник еще справляется с заданием, то завтра он неминуемо отстанет (А. Аграновский. Растрата образования).

4. Должно осуществиться действие. Идея непременно (обязательного) осуществления действия может воплощаться в модальном значении долженствования. Долженствование как вариант потенциальной разновидности тесно связано со значением необходимости и уверенности, указывает на то, что действие должно совершиться в строго указанном направлении. Речь идет о действии, отнесенном к будущему. Действие как должное мыслится возможным осуществленным в будущем субъектом — лицом говорящим, субъектом — собеседником и субъектом, не участвующим в речи. Значение долженствования развивается у глаголов в таких контекстах, когда говорящий уверен в обязательности такого действия, которое всякий раз должно осуществиться потому, что существует определенная ситуация, способствующая этому осуществлению. В целом, при формировании оттенка долженствования большую роль играет контекст (шире — реальная речевая ситуация). Именно в контексте заключена мотивировка возможности осуществления действия как должного факта: Настена боялась, что Михеич знает ее лучше всех и не поверит ее неуклюжим придумкам. Слишком тогда все сойдется и укажет (то есть должно сойтись и должно быть указанным по той простой причине, что Михеич знает Настену лучше всех) на Андрея — этого она позволить не имела права: любой намек, любая неосторожность были ей запрещены (В. Распутин. Живи и помни); Гневывшев. ... у Цылунова блестящая будущность, он скоро займет (должен занять, так как у него блестящая будущность) очень выгодное место в московском обществе (А. Островский. Богатые невесты).

Усилителями оттенка долженствования и одновременно сигналами его возможного осуществления (внешними приметам должного совершиться действия-факта) являются сочетания или отдельные слова с «нацеливающим» содержанием: Теперь раз и навсегда он поймет, что сюда ему хода нет. Он перестрадает наконец страданием, которое он долго оттягивал, но которого так или иначе было не миновать (В. Распутин. Живи и помни); Петруха куда-то ездил, что-то вынюхивал и, воротясь, приказал матери, старухе Катерине, перевозиться; будто не сегодня-завтра нагрянет за избой музей (В. Распутин. Прощание с Матерой); Так ты наверно проиграешь (Л. Толстой. Два гусара).

Модальное значение долженствования является одним из модальных значений, которые развиваются в высказываниях с формами настоящего-будущего совершенного на основе взаимодействия вида и времени. Играющий определяющую роль в форми-

ровании и выражении этого значения контекст предстает в своих вариантах — отношениях говорящего к субъекту действия. Контекст может выражать долженствование как модальный признак такого действия, которое носит объективный характер. Говорящий констатирует обязательность действия с позиции субъекта восприятия: Приходят студенты ... Есть и вторая задача, тоже главная: выделить немногих из них, которые пойдут в науку (А. Аграновский. Письма из Казанского университета) (говорящий констатирует действие, которое должно осуществиться потому, что изходящих студентов каждый раз выделяются лица, которых следует готовить к научной деятельности). Долженствование выражается при употреблении формы настоящего-будущего совершенного в таком контексте, когда говорящий знает, что то, что должно произойти, случится потому, что является следствием его собственных душевных или физических свойств, свойств его организма: Он ненавидел Илюшу, но знал, что это потом пройдет и он опять будет любить его — такой тот был нежный ... (Ю. Казаков. Ночлег) (действие должно совершиться, говорящий уверен в этом, зная свои собственные возможности, проявляющиеся в факте постоянного доброжелательного отношения к объекту его рассуждений). Наконец, это модальное значение возникает в контексте, из которого явствует, что говорящий уверен, что его собеседник должен совершить такие действия, которые представляются говорящему обязательными в ситуации, ему известной: Так и ты уедешь когда-нибудь из отчего дома, и долго будешь в отлучке, и так много увидишь, в таких землях побываешь, станешь совсем другим человеком, много добра и зла узнаешь ... (Ю. Казаков. Свечечка) (говорящий — субъект речи сообщает о действиях, которые должен совершить и совершит, по его мнению, собеседник — потенциальный субъект действия. Обязательность совершения данных действий покоится на личном опыте говорящего).

Способы представления говорящим субъектом обобщаются в двух категориях — неопределенности и обобщенности, которые являются разновидностями категории личности. «Категория неопределенности представляет субъект действия как неопределенное (чаще — неопределенное-множественное) лицо, неизвестное или намеренно устраненное по незначительности его содержания в информации. Категория обобщенности представляет субъект как любое лицо, к которому может быть отнесено называемое в предложении действие, состояние» [3/162]. Этим категориям связаны с глагольными формами 2-го и 3-го лица. Другими словами, значение долженствования передается формами 2-го и 3-го лица в обобщенно-личном значении: «... аспектуально-темпоральное значение временной локализованности создается с участием функционально-семантической категории персональности: в едином семантическом комплексе сочетаются элементы

обобщенности действия и субъекта» [2/69]. Примеры: Но вот настанет время, ты вернешься в старый свой дом, вот поднимешься на крыльцо, и сердце твое забудется, в горле ты почувствуешь комок, и глаза у тебя зашиплет, и услышишь ты трепетные шаги старой уже твоей матери... (Ю. Казаков, Свечечка); Приезжает генерал... Чрез пять минут — колокольчик! — ... и фельдъегерь бросает ему на стол свою подорожную!.. Вникнем во все это хорошенько, и вместо негодования сердце наше исполнится искренним состраданьем (А. Пушкин. Станционный смотритель). Долженствование может быть передано и формой 1-го лица в том случае, когда глагольная форма под влиянием контекста выражает обобщенно представляемый субъект: Проценко облазил с Сабуровым пулеметные точки, потом подошел с ним вместе к каменной стене, за которой открыли себе окопы и расположились минометчики. Он недовольно посмотрел на мелкие, небрежно вырытые щели... Как ты думаешь, Алексей Иванович, кто на войне нас убивает? Ты мне скажешь: немец... А я тебе скажу — не только немец, а еще и лень (К. Симонов. Дни и ночи).

Значение долженствования фиксируется разнообразными средствами и способами. Предшествующее действие предполагает последующие как должное осуществится потому, что форма настоящего-будущего, обозначающая предшествование, одновременно указывает на возможность другой, причем лексическое значение первого глагола соответствует лексическому значению второго по принципу соотношения «причина — следствие (вывод)». Таким образом, тип видового контекста, представленный сочетанием двух форм настоящего-будущего совершенного, сам по себе не формирует значение долженствования, но является способом, благоприятным для возникновения этого модального значения: Дрезина мчится, изредка гнусаво гудя... Скоро они придут, в доме Панковых поднимется переполох, придут соседи, начнутся разговоры, подарки... (Ю. Казаков. Легкая жизнь) (должен подняться переполох, должны придти соседи, должны начаться разговоры, так как это случается, когда приезжают гости). Оттенок долженствования, сопровождающий форму настоящего-будущего совершенного, выражающую последующее действие в видовом контексте «предшествование — следование», подчеркивается наречиями места и времени, входящими во вторую часть кратной-парной конструкции, соотносительностью членов которой фиксируется соединительными и противительными союзами: — Ступай все берегом, все берегом, — говорит мать. — В стороне не сворачивай, будут по пути тебе горы. Проедешь ты эти горы, а там тебе тропа сама покажет (Ю. Казаков. Никишкины тайны).

Значение долженствования становится все более отчетливым при сочетании формы прошедшего совершенного с формой

настоящего-будущего совершенного. Форма прошедшего времени выступает в наглядно-примерном значении: выделяется один акт действия из числа многих обычных, повторяющихся актов и рассматривается как пример, дающий представление о своей совокупности повторений. Сочетающаяся с ней форма настоящего-будущего совершенного может обозначать действие как ответную реакцию на действие, совершенное ранее. В этой специфике действия-заклучения и кроется модальное значение долженствования: На лице его можно было прочесть покойную уверенность в себе и понимание других, выглядывавшие из глаз. — Пожил человек, знает жизнь и людей, — скажет о нем наблюдатель (И. Гончаров. Обрыв).

Значение долженствования эксплицитируется особенностями конструкции, «благоприятными» для этого значения. Так, в сложноподчиненных предложениях с условными придаточными условное значение выступает в качестве предпосылки действия, которое должно совершиться: В конце ночи, если все будет в порядке, разведка вернется (должна вернуться при благоприятных условиях) (Ю. Бондарев. Горячий снег); — Достаточно! Немедленно в танк! — и вперед! Откуда сумели вырваться! А если еще раз подумаете об этом «вырваться» пойдете под суд как трус и паникер (Ю. Бондарев. Горячий снег).

Мотивированность возможности как долженствования может заключаться в главном предложении, констатирующем обстоятельство возможного действия, с которыми согласен говорящий: — Согласен с вами, что главный удар они нанесут на правом фланге (Ю. Бондарев. Горячий снег).

Значение долженствования возникает в том случае, когда форма настоящего-будущего совершенного входит в состав предложения — ответа на вопрос, заключенный в предшествующем предложении. Предложение-ответ указывает на знание говорящим того, что последует всякий раз следует за действием, осуществление которого оказывается невозможным: Входя в бедное его жилище, проезжающий смотрит на него, как на врага; хорошо, если удастся ему скоро избавиться от непрошеного гостя; но если не случится лошадей? ... боже! какие ругательства, какие угрозы посыплются на его голову! (А. Пушкин. Станционный смотритель) (выражается значение долженствования, на которое наложен эмоционально подчеркнутый оттенок удивления по поводу характера самого действия).

Если форма настоящего-будущего совершенного употребляется в составе постпозитивного придаточного, входящего в сложноподчиненное предложение с восклицательной интонацией, то действие, обозначаемое этой формой, может приобрести характер должного осуществиться факта: субъект действия, по мнению говорящего, безразличен к тому, что с ним должно произойти: Какое дело этой белухе, думал я, что дело ее пойдет на

корм песцам на зверофермах, чтобы потом, откормив песцов, убить и их, какое дело белухе, что ее жир нужен для всяких технических масел — а кому нужна ее душа? (Ю. Казаков. Белуха).

Значение должествования развивается у форм настоящего-будущего совершенного в вопросительных предложениях с вопросительными местоименными и наречными словами, обозначающими то, о чем спрашивается. Речь идет о вопросительных предложениях, относящихся в зависимости от характера и объема той информации, которая должна быть получена, к разряду частно-вопросительных, а в зависимости от ожидаемого ответа — к предложениям, требующим в ответе информации, сообщения о том, что спрашивается. Требуемый (желаемый) ответ должен быть ответом на то слово, которое называет предмет вопроса, в данном случае — на глагол, выраженный формой настоящего-будущего совершенного. В ситуации вопроса эта форма обозначает действие, которое должно осуществиться, однако значение должествования не проявляется в чистом виде: нацеленность на получение информации, пока не известной говорящему, осложняет данное модальное значение эмоциональной окраской недоумения и беспокойства: Куда все это канет, по какому странному закону отсечется, покроется мглой небытия, куда исчезнет это самое счастливое, ослепительное время начала жизни, время нежнейшего младенчества? (Ю. Казаков. Во сне ты горько плакал). В предложениях, указывающих на то, что говорящий не предполагал того, что случилось и стало фактом, форма настоящего-будущего выражает действие, неожиданное для субъекта речи, но совершившееся как должное в определенных обстоятельствах. В этом случае значение должествования связано не с футуральной перспективой, а с планом уже осуществленного: Да знал я, что ли, что его так вот вдруг вы бросит сюда из моря-то? (М. Горький. Мальва).

Вопросительные предложения часто имеют субъективно-модальную окраску, причем к субъективно-модальным значениям они проявляют избирательность. Модальный оттенок глагольной формы «вписывается» в то или иное субъективно-модальное значение вопросительного предложения, которое обычно выражается достаточно четко.

Значение должествования развивается, как уже было отмечено, в результате взаимодействия форм настоящего-будущего совершенного с контекстом. В то же время можно констатировать, что выражение этого модального значения связано с тем кругом глагольной лексики, которая характерна для глаголов специально-результативных способов действия. Лексические значения этих глаголов вступают в сложное взаимодействие с общим смыслом контекста и разнообразными средствами выражения ситуации, порождая модальное значение должествования.

Оттенки уверенности и необходимости, сочетающиеся с оттенком долженствования, проявляются с разной степенью определенности и отчетливости. Здесь все зависит от контекста, от его смыслового содержания. Однако можно отметить наличие некой общей особенности, сопровождающей появление указанной модальности. Речь идет о том, что уверенность и необходимость проявляются как оценка говорящим происходящих событий. Говорящий в силу известных ему фактов, по своим соображениям, указывает на возможное действие как на действие, в совершении которого он уверен, оно должно произойти, необходимо совершится. Таким образом, высказывание с глагольной формой обладает рядом модальных признаков, тем модальным комплексом, стороны (оттенки) которого определяются субъектом — говорящим лицом в сочетании с общей логической оценкой происходящего. В форме настоящего-будущего в данном случае обычно выступают глаголы интенсивно-результативного способа действия: Кузнецов пил долго, и, когда леденая вода ожгла грудь холодом, он, внушая себе, подумал: сейчас эта вялость пройдет и все станет ясным, реальным (Ю. Бондарев. Горячий снег); Гаев. Да, и сад продадут за долги, как это ни странно (А. Чехов. Вишневый сад); На взгляд Бессонова, в котором был вопрос — где штурмовики? — он ответил тут же, что все будет в порядке, туманца, слава богу, нет, через пятнадцать минут штурмовики пройдут над энле, и, ответив, погрыз мундштук, обнаживающе улыбнулся (Ю. Бондарев. Горячий снег); Вы уходите от солнца-то, а я на берегу воды, пойду... уху варить будем! М. Горький. Мальва).

Итак, в рассматриваемом типе аспектуально-модальной ситуации осуществляется сложное взаимодействие элементов аспектуальности и модальности, обнаруживаемое в «переплетении» компонентов ситуации — констатации неперенности обязательности осуществления действия, представленного как целостный факт, модальных значений уверенности, необходимости, неизбежности, долженствования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреева И. С. Повелительное наклонение и контекст при выражении побуждения в современном русском языке. Автореф. дисс. канд. — Л., 1971.
2. Бондарко А. В. Вид и время русского глагола (значение и употребление). — М.: Просвещение, 1971. — 240 с.
3. Золотова Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. — М.: Наука, 1973. — 351 с.
4. Калабухова Т. А. Наглядно-примерное значение совершенного вида при отрицании. — В сб.: Функциональный анализ грамматических категорий. Л., 1980, с. 52—64.
5. Калабухова Т. А. Употребление видов глагола при отрицании в современном русском языке / Автореф. дисс. канд. — Л., 1975.

6. Калабухова Т. А. Употребление видовых форм в отрицательных конструкциях как средство организации связного текста. — В сб.: Функционирование синтаксических категорий в тексте. Л., 1981, с. 149—156.
7. Кумар И. Употребление в современном русском языке видов глагола при отрицании в изъявительном наклонении / Автореф. дисс. канд. — М., 1974.
8. Ломов А. М. Очерки по русской аспектологии. — Воронеж: изд-во ВГУ, 1977. — 149 с.
9. Маслов Ю. С. Глагольный вид в современном болгарском литературном языке (значение и употребление). — В кн.: Вопросы грамматики болгарского литературного языка. М.: АН СССР, 1959, с. 157—312.
10. Нгуен-Нам. Функционирование видов русского глагола (частные видовые значения в рамках изъявительного наклонения) и аспектуальность во вьетнамском языке / Автореф. дисс. канд. — Л., 1972.
11. Рассудова О. П. Употребление видов глагола в русском языке. — М.: изд-во МГУ, 1968. — 140 с.
12. Русская грамматика, в 2-х томах. — М.: Наука, 1980, т. I. — 784 с.
13. Ушакова Л. И. Употребление видов глагола в независимом предикативном инфинитиве. / Автореф. дисс. канд. — Воронеж, 1975.

НАБЛЮДЕНИЯ НАД УПОТРЕБЛЕНИЕМ ВИДОВРЕМЕННЫХ ФОРМ В ГАЗЕТНОМ ТЕКСТЕ

Е. И. Костанди

При анализе газетных сообщений с точки зрения определения прагматической направленности выделяется три типа оценки передаваемой информации: положительная /+/, отрицательная /—/ и нейтральная (случай наиболее редкий). В целом тот или иной текст всегда можно отнести к одной из трех групп, внутри которых существует еще разделение по степени маркированности. Газетный язык представляет собой систему, в которой выработались свои, специфические газетные средства формирования прагматической ориентации, обязательное наличие которой является одной из основных особенностей газетного языка. Как показали наблюдения над материалом, показатель определенной оценки передаваемой информации присутствует в каждом газетном тексте. Происходит закрепленность за определенными контекстами положительно или отрицательно маркированной лексики (эта особенность отмечалась в некоторых работах [1], но в них данный аспект не является специальным предметом анализа, упоминаются лишь отдельные, общие его моменты), а также ряда других языковых средств, которые в конкретных случаях при различном их сочетании могут получать какие-то дополнительные оттенки смысла, и в целом использование их имеет характер не произвольный, а общепринятый, устойчивый, обусловленный правилами системы газетного языка. Кроме того, в формировании прагматической направленности участвует и ряд внеязыковых средств. В задачи данной работы не входит подробный анализ всех языковых элементов выражения прагматической ориентации текста, она является попыткой выяснения с этой точки зрения некоторых особенностей функционирования видовременных форм в газетном языке и сочетания их с рядом выявленных ранее способов формирования прагматической ориентации газетного текста.

При передаче информации, оцениваемой как позитивная, для прошедшего времени наблюдается определенное количественное

преобладание совершенного вида над несовершенным, и напротив — при передаче информации со знаком /—/ чаще используется несовершенный вид. Особенно устойчива эта тенденция в хроникальной информации. Однако, нельзя преувеличивать, абсолютизировать этот момент: имеется в виду газетный язык в целом, а не каждый конкретный текст (так, на каждые 50 текстов хроники приходится в среднем 300 случаев употребления совершенного вида и 440 несовершенного при отрицательной маркированности, при положительной же соответственно 400 и 340). Более последовательно это прослеживается в случае передачи негативной информации, т. е. здесь, как правило, обязателен несовершенный вид, который в большинстве текстов преобладает над совершенным. В то же время при передаче позитивной информации преобладание совершенного вида не столь значительно, но тем не менее оно постоянно имеется. Как правило, инициальное предложение сообщения со знаком /+/- строится с использованием совершенного вида, например: «Нью-Йорк, 18 (ТАСС). Здесь вышел очередной номер журнала американо-советского торгово-экономического совета — влиятельной организации, объединяющей представителей делового мира СССР и США.» (Пр. 19. 09. 79.); «Самотечный Баканакский магистральный канал заменил систему из четырех мощных насосных станций, работавших на дизельном топливе.» (Изв. 29. 04. 80.); «Массовый сев кормовых культур начали хозяйства области.» (Изв. 29. 04. 79.); «С 1979 года, когда началась кампания по ликвидации неграмотности, число неграмотных в Эфиопии сократилось с 93 до 55 процентов от всей численности населения.» (Пр. 12. 04. 82.). Число колебаний в использовании вида при знаке /—/ значительно больше. Также довольно часто при положительной маркированности встречаются тексты, построенные полностью с использованием только совершенного вида, например:

«Кандидат от Французской компартии Роже Герэн одержал убедительную победу на частичных кантональных выборах, прошедших в Курбевуа (департамент Верхняя Сена). Во втором туре за него проголосовали 52,1 процента избирателей.» (Изв. 29. 04. 80.);

«Начал давать ток второй агрегат строящейся в Бразилии при содействии Советского Союза гидроэлектростанции «Собрадинью»: Пуск нового энергоблока стал еще одним ярким свидетельством успешного развития экономических связей между СССР и Бразилией.» (Изв. 6. 05. 80.);

При отрицательной же маркированности такого рода сообщения довольно редки и даже в коротких текстах хроникальной информации, как правило, используется и несовершенный вид, например:

«Губернатор Гонконга К. М. Мэклхоус заявил после возвра-

щения из Пекина, что он «установил с правительством Китая более нормальные и более откровенные отношения.» На всех уровнях, сказал он, пекинские руководители подчеркивали значение Гонконга для экономики Китая. Как сообщает газета «Дейли телеграф», Дэн Сяопин призвал губернатора этой английской колонии, расположенной на территории Китая, «успокоить тех, кто вкладывает капиталы в Гонконге». Он пояснил, что «финансовый и промышленный опыт Гонконга сыграет важную роль в китайских планах модернизации». Дэн Сяопин подчеркнул, что у Китая «имеются большие возможности для сотрудничества» с Гонконгом, и добавил при этом, что «в Китае, особенно в южной провинции Гуандун, будут поощряться гонконгские капиталовложения».

Из сообщения «Дейли телеграф» явствует, что нынешние пекинские лидеры заинтересованы в сохранении статуса Гонконга как английской колонии». (Пр. 2. 03. 79.);

«Мракобесы резвятся.

Очередное провокационное сборище устроили в американском городе Уилтоне местные куклуксклановцы, пользующиеся попустительством властей штата Калифорния. Вооруженные винтовками, пистолетами и дубинками головорезы открыто призывали «расправиться с черными, красными и евреями». Расистские молодчики настолько обнаглели, что даже пригласили на «церемонию» зажжения огромного креста представителей печати и телевидения. А «великий дракон» калифорнийского клана некий Мецгер сообщил, что намерен добиваться своего избрания в конгресс США от демократической партии». (Изв. 6. 05. 80.).

«Поездка Р. Рейгана.

Президент США Р. Рейган отправляется сегодня в поездку по странам Карибского бассейна. Он посетит Ямайку и Барбадос, проведет переговоры с руководителями этих стран, а также ряда других островных государств региона.

Официальные лица администрации указывают, что главная цель визита — «протолкнуть» так называемую «Карибскую инициативу Вашингтона». Обозреватели расценивают эту «инициативу» как наглую заявку американского империализма на вмешательство во внутренние дела стран Карибского бассейна с целью противодействия нарастающему движению народов за национальную независимость и суверенитет.

Милитаристский характер и агрессивная сущность этой затеи Вашингтона в духе пресловутой «доктрины Манро» породили широкое противодействие планам США со стороны других государств, которые администрация Рейгана пыталась «пристегнуть» к своей инициативе. Сначала Мексика, а затем Канада и Венесуэла отказались присоединиться к «карибскому плану» Вашингтона». (Пр. 8. 04. 82.).

Кроме того, наблюдаются некоторые различия в употребле-

ний вида в зависимости не только от основной направленности информации, но и от степени маркированности.

Особенно наглядно проявляются вышеназванные тенденции при сопоставлении ряда сообщений, сходных по теме, но отличающихся друг от друга по прагматической направленности (например, сообщений о встречах представителей различных правительств, партий и т. д. — здесь наблюдаются явные закономерности в употреблении того или иного вида в разных случаях):

/—/

«Протеже Пентагона.

Завершился визит начальника штаба ВМС США адмирала Томаса Хейуорда в Чили.

В течение четырех дней эмиссар Пентагона вел переговоры с высокопоставленными официальными представителями военно-фашистской диктатуры. В ходе их обсуждались проблемы, связанные с дальнейшим использованием этой страны для подавления национально-освободительного движения в регионе, а также с поставками вооружений новейшего образца чилийским вооруженным силам, передает ТАСС.»

(Изв. 3. 02. 82.)

/+/

«Высокая оценка.

Президент Индии Н. С. Редди принял 28 апреля находящуюся в Дели с визитом советскую делегацию во главе с министром сельского хозяйства В. К. Месяцем. Он тепло поблагодарил Советский Союз за всестороннюю помощь в подъеме сельского хозяйства Индии.

В тот же день советская делегация была принята премьер-министром Индии Индирой Ганди. Глава индийского правительства высоко оценила значение сотрудничества двух стран в развитии сельского хозяйства, отметила необходимость дальнейшего расширения полезных и взаимовыгодных контактов в этой области.»

(Изв. 29. 04. 80.)

Некоторые различия наблюдаются и во временной отнесенности сообщений с разной прагматической направленностью. Здесь различия не велики, но некоторые закономерности можно наметить. Для текстов отрицательной направленности характерно более частое использование настоящего времени, вне зависимости от объективного времени того или иного события. Использование же будущего времени, напротив, больше соответствует знаку /+/. В текстах, отмеченных положительно, будущее время употребляется в целом чаще, в отмеченных отрицательно — реже и, как правило, со «ссылкой» на кого-либо или что-либо, например:

«В интервью телевизионной компании Си-Би-Эс президент Дж. Картер заявил, что использование военной силы — это «единственный следующий шаг», к которому прибегнут США в своей ужесточающейся политике в отношении Ирана. /.../ (Комс. пр. 23. 04. 80.); «Едиот архонот» пишет, что Тель-Авив потребует увеличить объем финансовой и технической «помощи». (Пр. 24. 04. 80.); «Эта рекомендация, отмечает газета, будет доведена до сведения соответствующих правительств, а также представлена на рассмотрение совещания министров иностранных дел стран-членов НАТО, которое в декабре этого года должно принять окончательное решение по этому вопросу.» (Комс. пр. 6. 10. 79.);

«А как расценивать заявления Пекина о том, что Советский Союз развяжет к 1984 году третью мировую войну?» (Пр. 27. 09. 79.).

«Олимпийские игры в Москве явятся одним из крупнейших событий в мировой спортивной жизни, и никакие грязные интесресы «зачинщиков байкота» не в состоянии этому помешат.» (Труд. 24. 04. 80);

«Каналом будет управлять народ.

1 октября тысячи панамцев войдут в зону Панамского канала, которая на протяжении многих десятилетий была вотчиной Соединенных Штатов, делила Панаму на две части, фактически являлась государством в государстве. Зона канала станет неотъемлемой частью панамской территории.

Однако борьба за полную ликвидацию колониального анклава США на панамской земле будет продолжаться. /.../

Любая попытка конгресса США в одностороннем порядке изменить положение договоров о канале или на свой манер толковать его статьи вызовет отпор правительства и всего народа Панамы, который 76 лет мужественно отстаивает свой суверенитет /.../» (Пр. 29. 09. 79): «Подобные попытки будут и впредь получать должный отпор как противоречащие коренным интересам народов двух стран и делу мира.» (Пр. 19. 09. 79.)

Тяготение различных сообщений к различиям в использовании видо-временных форм подкрепляется рядом других, выявленных нами ранее языковых средств формирования прагматической ориентации газетного текста. Преимущественное употребление несовершенного вида в большей степени направлено на возбуждение определенных эмоций, так как дается не факт как таковой, а его описание, картина, и наоборот — текст, положительно маркированный строится как более динамичный, более «информа-

тивный». Здесь можно провести некоторую параллель и с употреблением настоящего времени — происходит смешение временных планов, возникает «эффект присутствия», что в свою очередь также связано с возбуждением определенных эмоций, с вызовом определенной оценки описываемого. Эта закономерность прослеживается и на некоторых других уровнях.

Так, различной оказывается степень маркированности определений. Неоднократное дублирование негативной отмеченности более характерно для языка газеты, что и реализуется при употреблении определений. Отмеченных «минусом» определений используется примерно в два раза больше, чем отмеченных «плюсом». Прежде всего, также примерно вдвое больше, определений явно оценочных, типа: варварский режим, грубое вмешательство, жестокие действия, наглая выходка и т. п. При этом оценка дается более резкая:

/+/ братский равноправный правильный созидательный	/—/ ззорный варварский грязный кровавый и т. д.
--	---

В таком же соотношении употребляются и определения, маркированные только в системе газетного языка /—/ подобный, некоторые, кое-какие, приверженный, свергнутый; /+/
общественный, последовательный, народный. Таким образом и здесь мы имеем дело с большим числом оценок, эмоций при негативной направленности.

Более наглядно прослеживается принцип деления газетных текстов на две основных разновидности на примере употребления обстоятельств. Прежде всего, в сообщениях с основной отрицательной направленностью число обстоятельств больше. Так, на 20 небольших сообщений, отмеченных знаком /—/, в среднем на 50 обстоятельств больше, чем в таком же числе текстов со знаком /+/. При этом в «отрицательных» текстах преобладают обстоятельства образа действия, в «положительных» же основную часть занимают обстоятельства места и времени. В результате позитивная информация получает оттенок большей «документальности», «фактичности», что еще усиливается и тем, что сами эти обстоятельства более точно указывают на время и место по сравнению с негативной информацией в целом (более устойчива эта закономерность при указании на время, ср. + в первую декаду ноября, сегодня, год назад, 9 сентября, 12 декабря; — в последнее время, на днях, за последние годы, некоторое время и т. д.).

С общей тенденцией к некоторой «неточности», экспрессивности негативной информации можно сопоставить еще один

перифирийный способ выражения прагматической ориентации — более частое, по сравнению с текстами положительной направленности, употребление неопределенно-субъектных предложений, основное место среди которых занимают неопределенно-личные предложения, например: «В Пекине решили, что Вьетнам, решительно отстаивающий свою независимость, суверенную политику, подает «дурной пример» другим государствам региона, подчеркнул Фан Хьен.» (Крас. зв. 30. 09. 79.); «Скандал скрыть не удалось. О нем доложили премьер-министру.» (Пр. 25. 09. 79); «В Бонне изучают результаты выборов в Саарской области, проходивших в минувшее воскресенье /.../ Высокие потери голосов в Сааре относят на его счет.» (Пр. 29. 04. 80.); «Там по-прежнему уповают на своих ставленников и свою силу, видя в этом единственное средство сохранить на плаву «тонущий корабль.»» (Крас. зв. 27. 04. 80.) и т. д.

Неназванный субъект получает таким образом некоторый оттенок негативности. Особенно значимо использование неопределенно-субъектных предложений в заголовках, что при отрицательной маркированности встречается довольно часто, при положительной же очень редко, например: «Наращивают военную мощь.» (Комс. пр. 6. 10. 79.), «Пожинают плоды авантюризма.» (Изв. 29. 04. 80.), «Готовят новую агрессию.» (Пр. 11. 09. 79.), «Расширяют военное присутствие.» (Крас. зв. 23. 04. 80.), «Чинят преграды.» (Изв. 7. 04. 79.), «От себя отрывают...» (Изв. 7. 04. 79.).

Рассмотренные тенденции подкрепляются и на лексическом уровне, где лексика с общим значением неопределенности (кое-кто, некоторые, некто, некий и т. д.) является носителем знака /—/.

Таким образом, если каждое из средств выражения прагматической направленности, взятое в отдельности, не является в каждом конкретном случае обязательным указанием на ту или иную направленность сообщения, то взаимодействуя друг с другом и в определенной степени предполагая друг друга, они дают общую комплексную направленность информации, и отдельно взятое сообщение, вне учета этих связей, не дает адекватного понимания. Соответственно прагматическую направленность следует рассматривать именно как явление комплексное, и в общей системе находят свое место и особенности видо-временного употребления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вакуров В. Н., Кохтеев Н. Н., Солганик Г. Я. Стилистика газетных жанров. — М. 1978.
2. Здоровов Ю. А. К вопросу о связности текста. — Уч. зап. / Тартуский гос. ун-т, вып. 308. Труды по знаковым системам, 6. — Тарту, 1973.
3. Солганик Г. Я. О языке газеты. — М., 1968.

СУБСТАНТИВНЫЕ СОЧЕТАНИЯ С ИНФИНИТИВОМ СОВЕРШЕННОГО ВИДА

А. А. Бойко

Наблюдения над употреблением вида глагола в форме инфинитива показывает, что не только в отношении глаголов и предикативных наречий, но и в отношении существительных можно отметить тенденцию к сочетаемости с определенным видом инфинитива.

В лингвистической литературе имеются отдельные указания на сочетаемость некоторых существительных с инфинитивом несовершенного вида (далее НСВ), использованные нами ранее [1]. Что касается существительных, сочетающихся с инфинитивом совершенного вида (далее СВ), то удалось обнаружить лишь следующие данные.

У А. Мазона под рубрикой «Сведение к частному случаю», где инфинитив СВ трактуется как действие повторяющееся или обычное, представленное совершившимся один раз в данный момент, приведен один пример субстантивного сочетания: «Федя не упускал случая подтруснить над отцом» (Ф. Сологуб. Мелкий бес [3]).

М. А. Шелякин относит к лексическим индикаторам СВ «подчиняющие слова в инфинитивных сочетаниях, указывающие на двустороннюю ограниченность результативного действия инфинитива: план исследовать месторождение, идея собрать всех, случай убежать, цель доказать и под.» [4].

Итак, вопрос о субстантивных сочетаниях с инфинитивом СВ остается еще абсолютно неисследованным, и нам придется ограничиться собственными наблюдениями и соображениями.

Как показывает материал, инфинитив СВ в субстантивных сочетаниях может выражать действие либо гипотетическое, либо совершившееся.

Действие гипотетическое охватывает: 1) склонность к совершению действия, 2) наличие или допущение возможности (вероятности) осуществления действия.

Действие совершившееся может восприниматься как неожиданность, оплошность или удача.

Перейдем к анализу конкретного материала.

1. СОЧЕТАНИЯ, В КОТОРЫХ ИНФИНИТИВ ВЫРАЖАЕТ ДЕЙСТВИЕ ГИПОТЕТИЧЕСКОЕ.

Значение существительных данного раздела предопределяет гипотетический характер действия, являющегося лишь желательным или возможным.

1) Склонность к совершению действия.

а) Мечты, ожидания: мечта, надежда, ожидание, нетерпение.

Перечисленные существительные отражают разную степень эмоциональной активности.

Мечта. «... он (Зефилов) не переставал носить в своей крутолобой голове *мечту* во что бы то ни стало *выбиться* в художники» (Нов.-Приб., Цусима); «Благодаря Ростовцеву сбылась, наконец, и моя заветная *мечта* — самому *вступить* на сценические подмостки...» (А. Борисов. Из творч. опыта); «*Мечтой* Касимова было *поступить* в педагогический институт и *стать* преподавателем истории» (В. Гроссман. Пехотинец); «Леонтий Назарович всю жизнь был обуреваем *мечтой превратить* родной городок в сплошной сад и цветник...» (Пауст. Уснувший мальчик).

Надежда. «Так жил Фома день за днем, лелея смутную *надежду отойти* куда-то на край жизни...» (Горьк. Фома Горд.); «Страх быть пойманным умеряется (у ребят) *надеждой* безнаказанно *украсть*» (Там же); «Снова воскресли *надежды* военным ударом *окончить* мировую войну» (А. Толст. Сестры); «После смерти Ильчи Клавдея жила единственной *надеждой* — *отыскать* Лиду...» (С. Сартаков. Хребты Саянские); «Потом *надежда выбраться* (у Кати) исчезла» (В. Чехов, На правом фланге); «Мы (танкисты) не отказываемся от *надежды улучшить* конструкцию этих уродливых машин...» (Г. Пенежко. Зап. советского офицера).

«Ожидание» и «нетерпение» предполагают бóльшую степень напряженности.

Ожидание. «Он (Лебедев) сел на край стула... с видом наивнейшего *ожидания* что-нибудь *услышать* вроде какого-нибудь капитального сообщения, ожидаемого и всеми угаданного» (Дост. Идиот); «В *ожидании получить* с нового сезона казенную квартиру надо было очистить обитаемую...» (А. Н. Остр. в восп. соврем.); «Особенно нетерпелива мать в *ожидании увидеть* единственного сына» (С. Бронштейн. Герои одного мгновенья); «*Это ожидание вернуться* томило нас только воспоминаниями» (А. Цветаева. Из прошлого).

Нетерпение. «Он (Ибрагим) горел *нетерпением* услышать что-нибудь о графине...» (Пушк. Арап Петра Вел.); «*Нетерпение* доехать до Тифлиса окончательно овладело мною» (Пушк. Путеш. в Арзрум); «Евпраксеюшка тоже так и горит *нетерпением* сразиться в дураки» (Салт. Госп. Головл.); «... он (Граблин) горел *нетерпением* приступить к делу» (Некр. Три страны света); «Чернышевского гнало *нетерпение* узнать о своей судьбе» (С. Заречная. Предшественник); «Константин испытывал *нетерпение* скорее увидеть ее (Асю)...» (Ю. Бондарев. Двое); «Ивана Егоровича одолевало *нетерпение* объяснить с Володькой...» (Н. Погодин. Янтарское ожерелье).

б) Искушение, соблазн.

Данные существительные, выражая настоятельную потребность в осуществлении действия, включают оттенок неодобрительного, настороженного к этому отношения. Зачастую субъект, по этическим или иным соображениям, стремится подавить в себе эти побуждения. Отсюда типичные сочетания с глаголами: противиться, устоять, удержаться, отказаться от искушения и т. п. Инфинитив же со своей стороны выражает действие, являющееся проявлением слабости, легкомыслия, тщеславия или же просто несвоевременное или неуместное.

Искушение. «Долго противился я *искушению* прилечь где-нибудь в тени, хоть на мгновенье...» (Тург. Малин. вода); «У меня было сильное *искушение* прикончить этого мерзавца» (Чех. Дуэль); «... три раза уже он (Федька) был на той крыше и все три раза устоял от *искушения* заглянуть в окно к этой девушке» (Горьк. Трубочист); «Инициативный Михаил Григорьевич не удержался от *искушения* сфотографироваться рядом с высокочастным генератором» (Г. Габит. Сбывшееся и несбывшееся); «Он (Ульяновский) подавил в себе *искушение* удрать с пятью рублями и *наплевать* на очерк» (Пауст. Приморские встречи); «На миг юноша почувствовал *искушение* отказаться от смелого плана, возникшего в пути...» (С. Леонов. Познай ближнего).

Соблазн. «Видите ли: он и взял бы деньги, да не устоял перед *соблазном* погримасничать, порисоваться» (Дост. Село Степанч.) «... он (автор) подчинился *соблазну* сделать акцент на «модной социальной эмоции» (М. Шагинян. Об иск. и литер.); «Конечно был *соблазн* (Перчихину) *приняться* за это Мшарское болото» (В. Лидин. Далекий друг); «Когда пишешь о человеке или о событии, в особенности когда плохо знаешь объект, возникает *соблазн* *совать*, *сделать* красивым этот объект, *украсить* его» (С. Диковск., Выступление на творч. вечере очеркистов); «Трудно устоять против *соблазна* *окрестить* свое маленькое открытие или свою разработку каким-нибудь звонким именем...» (Ю. Вебер. Большой поиск).

в) Стремление к совершению действия, переходящее в попыт-

ку его совершения: поползновенне, порыв, побуждение, движение, покушение, попытка.

Поползновение. «Пустая атмосфера торжественности, пред-
рассудков... царила вокруг него, и он (Иудушка) не ощущал ни
малейшего *поползновения* *освободиться* от нее» (Салт., Госп.
Головл.) «... он (чиновник) знал только букву «предписания» и
даже не чувствовал ни малейшего *поползновения* *уяснить* себе ее
смысл...» (Салт. Один из деят. русск. мысли); «Я подозреваю,
что мой приятель в старое время имел *поползновение* *написать*
исторический роман...» (А. Дружинин. Письма иногородн. под-
писчика); «Студенты и профессора филологического факультета
были уже устроены так от природы, что на *поползновение* *укло-
ниться* от ученой деятельности они смотрели как на ренегат-
ство» (Писарев. Наша унив. наука); «Пришел он (Костец) из
лавры, где работал несколько месяцев надзирателем, и уже одно
это сразу обрезало все *поползновения* ребят *высмеять* новичка»
(Т. Белых и Л. Пантелеев. Респ. Шкид).

Порыв. Существительное «порыв» обозначает более эмоцио-
нально окрашенное побуждение, направленное, как правило, на
совершение действия энергичного, зачастую кратковременного,
требующего немедленного исполнения. «Он ощутил в себе не-
удержимый *порыв* *дать* горделивый отпор» (Леск. Чортовы
куклы); «... его кисть отзывалась наблюдательностью, сообра-
жением, шибким *порывом* *приблизиться* более к природе» (Гог.
Портрет); «*Порыв* *помочь* несчастным не кончился этими слу-
чайными пожертвованиями...» (Г. Успенск. Концов не собе-
решь); «... я, Петушок, весь заполнен *порывом* *написать* до кон-
ца свою «Как закалялась сталь» (Н. Остр. Письмо П. Н. Нови-
кову); «У него был *порыв* сейчас же *разыскать* на работах Кост-
рова и все ему *рассказать*» (А. Югов. Бессмертие); «Был такой
порыв (у Борисовой): *взойти* на холм и *постоять* у вечного
огня» (П. Проскурин, Горькие травы).

Побуждение. Значение существительного «побуждение» ли-
шено оттенка порывистости и предполагает устремленность к дей-
ствиям не только кратковременным, но и запланированным на
длительный срок.

Оттенок порывистости присутствует в сочетании «первое по-
буждение», причем иногда по зрелом размышлении действие
остаётся неосуществленным. «Моим *первым побуждением* было
вскокочить» (А. Чаковский. Год жизни); «*Взять* такси — было *пер-
вое побуждение* Марты...» (А. Котов. Белые и черные); «... Ко-
ротков чуть было не поддался *первому побуждению*: *пойти* и *на-
давать* пощечин негодяю...» («Известия», 28 авг. 1965).

В остальных случаях тоже превалирует совершенный вид.
«Сначала люди жили, как животные, потом почувствовали *по-
буждение* *соединиться* в общество и *найти* средство взаимного
сообщения мысли» (Потебня. Мысль и язык): «... потом явилось

побуждение — пойти к телефонной будке и *дозвониться* до Антропова...» (А. Югов. Бессмертие); «*Движимая властным побуждением поговорить* о том, что волновало ее, Варя рассказала... о своих мучительных сомнениях» (А. Коптяева. Дерзание); «Только одна мысль, одно *побуждение* владеет Островским — *выздоровать*» (Ю. Либединск. Современники).

Если в сочетании с существительным «поползновение, порыв, побуждение» речь идет о действии гипотетическом, то «движение, покушение, попытка» предполагают уже действие, начатое осуществлением.

Движение. «Не нужно, не нужно...», — отстранил благодарность Карачунский, когда Феня сделала *движение поцеловать* у него руку» (М.-Сибир. Золото); «Астор делает *движение ударить*» (А. Толст., Махатма); «(Щербакова:) Мне нет жизни без тебя. (Лермонтов делает *движение обнять* ее)» (Б. Лаврен. Лермонтов); «...и Маковец ... сделал торопливое *движение* всем телом вперед: *скорее поддержать*» (О. Кожухова. Ранний снег); «Ах ты, шкет! — удивляюсь я и делаю угрожающее *движение встать*» (П. Проскурин. Любовь человеческая); «Когда гость выбежал из номера..., первым *движением* профессора Мелентьева было *удержать* его...» (И. Меттер. Встреча); «Первым *движением* было *нагнуться*, но под спокойно-ироническим взглядом Горбунова он (Соколов) опомнился» (А. Крон. Дом и корабль).

Покушение. Инфинитив, сочетающийся со словом «покушение», выражает, как правило, действие предосудительное. «Целый вечер просидели мы все вместе дома, разговаривали... о лагере осаждающих, о их неудачном *покушении* накануне *сжечь* город...» (Гонч. Фрег. «Паллада»); «... (будочник) схватил было уже совершенно мертвеца за ворот на самом месте злодеяния, на *покушении сдернуть* фризовую шинель с какого-то отставного музыканта...» (Гог. Шинель); «Я вивёр, Аркаша, я рожден быть вивёром — кричал Вася, хохоча... и обегая прохожих, которых всех разом подозревал в непременном *покушении* *измять* его драгоценный чепчик!» (Дост. Слабое сердце); «Она (Федосья) содержалась за *покушение отравить* мужа» (Л. Толст. Воскрес.).

Попытка. «... мне особенно не хотелось, чтобы мужики знали о моей *попытке убить* себя» (Горьк. В людях); «После неудавшейся детской *попытке освободить* Михаила... матушка внезапно пала силами...» (О. Форш. Одеты камнем); «Приемы создавались годами, и всякая *попытка изменить* их наталкивалась на затруднения» (Ю. Крымов. Танкер «Дербент»); «Петя сделал *попытку выяснить* положение» (В. Катаев. Зимн. ветер). В сочетании со множественным числом, свидетельствующим о неоднократных приступах к совершению действия, употребляется так же инфинитив СВ: «Так пресекались *попытки* патриотов, рефор-

маторов *оздоровить* государственную власть» (Л. Никулин. России верные сыны); «Сделав несколько безуспешных *попыток подняться*, он сломал свою палку с рогаткой...» (Б. Полевой. Пов. о наст. челов.); «Многочисленные *попытки* мейерхольдовцев *подвести* некую теоретическую базу под его мечты о театре были тщетными и напрасными» (О. Литовск. Так и было).

2) Наличие или допущение возможности (вероятности) осуществления действия.

Значение рассматриваемых здесь существительных предполагает наличие объективных условий для совершения действия.

а) Наличие возможности (вероятности) совершения действия: вероятность, шанс, случай, риск, опасность.

Вероятность. «У меня правило никогда не противоречить тем, кого нет *вероятности переубедить*» (Некр. Три страны света); «...*вероятность* вполне *овладеть* предметом существует только для тех понятий в этой области, которые характеризуются как понятия пространственные» (И. П. Павлов. Избр. произв.); «И было очень мало *вероятности обнаружить* материалы, касающиеся Усть-Лыжи в «Правде», скажем, в «Советской России» (А. Рекемчук. Скудный материк); «Машины пока еще шли развернутым строем... Благодаря этому фарами освещалось обширное пространство и увеличивалась *вероятность увидеть* ворота» (В. Санин. Семьдесят два градуса ниже нуля). Наличие отрицания не нарушает тенденции к сочетаемости с совершенным видом: «Л. Н. намекнул ввиду *невероятности поспеть* к поезду, не остановиться ли в гостинице...» (Д. Маковецкий, Последние дни Л. Н. Толстого).

Шанс. Существительное «шанс» сочетается обычно со сказуемым, имеющим общее значение бытия, наличия: быть, иметь. В настоящем времени при наличии количественного определения к слову «шанс» глагол «быть» может быть опущен. Ср.: У него есть шанс(ы) отличиться и У него мало (больше, меньше) шансов, все шансы, единственный шанс отличиться. «У Аркадия гораздо больше *шансов понравиться* молодой девушке...» (Писарев. Базаров); «Вообще помни, что присланное на мое имя имеет больше *шансов напечататься*, чем присланное прямо в редакцию» (Чех. Письмо Ал. Чехову); «В таком виде у вас есть большой *шанс подцепить* себе мужа» (В. Катаев. Горох в стенку); «В случае победы Нильсена над Семеновым у норвежцев появлялись *шансы отбить* кубок» (Ю. Нагибин. Чемпион мира); «Это единственный *шанс спасти* больного, — спокойно продолжал Голубев» (В. Дягилев. Доктор Голубев).

Случай. Существительное «случай» обозначает более конкретную реальную возможность и сочетается как подлежащее с глаголами типа: предстать, выйти, выпасть, ускользнуть и как дополнение с глаголами: искать, упустить и аналогичными. «...*случай умереть* представлялся (Бейлю) тысячу раз» (А. Ви-

ногр. Три цвета времени); «Я (Красовский) давно искал случая *познакомиться* с вами, Николай Гаврилович...» (С. Заречная. Предшественник); «Один за другим ускользали от Лободовского *случаи устроиться* писцом, переводчиком...» (Там же); «Поверьте, Бережков, у вас будет множество *случаев показать* свои возможности» (А. Бек. Жизнь Бережкова); «Впрочем, семейство Бачей было уже и само радо *случаю развязаться* с этим хзсяйством» (В. Катаев. Зимний ветер); «Искусство маскировки — гордость Микиты, и он не упустит *случая похвалиться* им» (Г. Пенежко. Зап. сов. офицера).

Если существительное «вероятность» по своей семантической сочетаемости допускает как действия положительные, так и отрицательные, существительные «шанс» и «случай» предполагают действия желательные, поскольку их семантика раскрывается, собственно говоря, как «благоприятный, удобный случай». Семантика же существительных «риск» и «опасность» предопределяет возможность отрицательных последствий.

Риск. «В каждом новом утверждении, в каждой детали чувства и мысли всегда есть *риск ошибиться*...» (А. Макаренко. Радость творч. труда); «Не только в бурю, но даже при крутом повороте есть *риск перевернуться* вверх килем» (Нов.-Приб. Цусима); «В таких случаях неприятель не может отказаться от боя без *риска потерять* часть своих кораблей» (Там же); «Опять можно ходить по миноносцу, хотя и с опаской, но без *риска свалиться* за борт» (Б. Лаврен. Так держать!); «Ранним утром, без всякого *риска попасться* на глаза бабке Степаниде, Алёшка выбрался на улицу» (М. Жестев. Алёшка).

Опасность. «... автор сидел за столом, покачивался на стуле с *опасностью опрокинуться*, глядел в потолок и придумывал новые темы» (Корол. Ист. моего соврем.); «Тут прямая *опасность попасть* в смешное положение» (Купр., Гранат. браслет); «... была *опасность налететь* на скалы» (Нов.-Приб. Цусима); «Ей (Зине) казалось, что здесь, на аэродроме, девушки ее ежеминутно подвергаются *опасности влюбиться*» (Н. Чуковск. Балт. небо); «Ей (Анне) не грозила *опасность остаться* вдовой...» (Г. Марков. Строговы).

б) Допущение возможности (вероятности) совершения действия: боязнь, страх, опасение.

В отличие от слов «риск», «опасность» перечисленные существительные обозначают не столько действительное наличие опасности, сколько эмоциональное ощущение ее потенциальной возможности.

Боязнь. «Из *боязни запачкать* воображение княжны, (родные) не развивали всех подробностей» (Салт. Сатира в прозе); «Он (Чичиков) даже не взглянул на Собакевича и Манилова из *боязни встретить* что-нибудь на их лицах» (Гог. Мертв. души);

«Мы уже посадили последние хлеба в печь и, из боязни *передержать* их, не ложились спать» (Горьк. Коновалов); «От ее близости Андрей почувствовал какое-то оцепенение, *боязнь двинуться*» (А. Югов. Бессмертные); «Боязнь показаться смешной, возможно жалкой, так или иначе униженной сковала Варю...» (А. Копт., Дерзание); «*Боязнь потерять* девочку не покидала Савельевну» (М. Жестев, Оленька).

Страх. «Бородино» и «Орел»... оказались под *страхом остаться* вне строя» (Нов.-Приб. Цусима); «Военная служба... с постоянным *страхом попасть* за пустяк под суд... осталась позади...» (Нов.-Приб. В запас); «...с чудовищной силой проснулась в ней (Марине) ревность и *страх потерять* Андрея» (Шол. Подн. цел.); «Ничто так не пугает женщину, как *страх показаться* смешной» (П. Павленко. Счастье); «Тут не *страх рассердить* начальство, — сказал он (Новиков), — тут дело в долге» (В. Гроссман. За правое дело); «Вдруг появился (у Шиковича) страх упасть...» (И. Шамякин. Сердце на ладони).

Опасение. «*Опасения поломать* ноги коням делают эту дорогу трудно проходимой» (В. Арсеньев, В дебрях Уссурийск., края); «...нельзя было разобрать обручей из *опасения обрушить* шахту» (М. Павлов. Воспом. металлурга); «...он (Аркаша) засуетился в страшном *опасении сделать* глупость, что-то *проворонить* и *свести на нет* всю удачу этого вечера» (П. Слетов. Шаги времени); «...он (Лобачевский) снова и снова углубляет, проверяет геометрию в сумрачном *опасении наткнуться* на противоречие» (И. Колесников. Лобачевский); «Иоганн подумал, что мог бы напомнить Зубову о Бригитте, но сдержался из *опасения задеть* друга...» (В. Кожевн. Щит и меч).

Промежуточное положение между этими двумя пунктами а) и б) занимает существительное «угроза» поскольку, с одной стороны, оно представляет собой предостережение подвергнуть опасности или неприятности, с другой стороны, угрожающей может быть и объективно сложившаяся обстановка.

Угроза. «С отчаяния Марфа Тимофеевна попыталась пустить в ход *угрозу*: всё *сказать* матери...» (Тург. Двор. гнездо); «...председатель обратился к нему (Мите) с *угрозой принять* строгие меры...» (Дост. Бр. Карам.); «Берите, богатейте! — продолжала Паша, оскорбленная *угрозой стать* на колени» (Чех. Хористка); «Белые ночи возмутили Самгина своей нелепостью и *угрозой сделать* нормального человека неврастеником...» (Горьк. Жизнь Кл. Самгина); «*Угрозу задохнуться* я (Арефьев) понял только после того, когда шум работы стал затихать...» (А. Чаковск., Год жизни).

Встречающиеся изредка сочетания с отрицательным инфинитивом выражают опасение перед тем, что действие останется несовершенным (угрозу оставить действие несовершенным),

вследствие чего инфинитив обозначает действие, осуществление которого является желательным.

«Кроме страстного влечения, которое он (Сереза) внушал мне, присутствие его возбуждало во мне не менее сильной степени другое чувство — *страх* огорчить его, оскорбить чем-нибудь, *не понравиться* ему» (Л. Толст. Детство); «В Сиднее я впервые избавился от *страха* что-то упустить, чего-то *не увидеть*» (Д. Гранин. Месяц вверх ногами); «... (Рабиду) понял еще раз, что главным его страхом за последнее время стало *опасение* никогда *не увидеть* Дэзи» (А. Грин. Бегущая по волнам).

Аналогично: боязнь (страх, опасение, риск) не пройти по конкурсу, не попасть на олимпиаду, не встретить сочувствия. Угроза не пустить на сцену, не допустить к соревнованиям и т. п.

Показательно, что все рассмотренные в пункте 2) существительные могут быть без ущерба для смысла заменены словами «вероятность» или «возможность». Первое из них имеет более широкую семантическую валентность, сочетаясь как с действиями положительными, так и отрицательными (желательными и нежелательными). Существительное же «возможность», по данным наших материалов, тяготеет к сочетаемости с действиями положительного значения. Сравним, например:

возможность/вероятность выздороветь, выиграть, обнаружить ошибку, попасть в театр, поспеть на поезд, устроиться на работу, но: вероятность заблудиться, заболеть, опрокинуться, попасться, потерять, провалиться и т. п.

Гипотетический инфинитив может транспонироваться в форму будущего времени: Мечта (надежда, ожидание) получить место — что получит место; Вероятность (шанс) выиграть — что выиграет; Боязнь (страх, опасение, риск, опасность) провалиться — что провалится; Угроза убить — что убьет.

Это невозможно лишь в сочетании с существительными, семантика которых включает приступ к осуществлению действия: Поползновение (порыв, побуждение, движение, попытка) помочь.

Представляется оправданным рассматривать присубстантивный инфинитив как разновидность управления. Так, например, возможны параллельные варианты: мечта поступить в институт (о поступлении в институт); надежда выздороветь (на выздоровление); порыв примириться (к примирению); побуждение отомстить (к мести); покушение убить (на убийство); попытка оправдать (оправдания); вероятность обнаружить (обнаружения); боязнь умереть (смерти); страх простудиться (перед простудой), опасность заразиться (заражения); шанс выиграть (на выигрыш). Иногда вариант с инфинитивом является единственным возможным: опасение не сдать экзамен.

II. СОЧЕТАНИЯ, В КОТОРЫХ ИНФИНИТИВ ВЫРАЖАЕТ ДЕЙСТВИЕ СОВЕРШИВШЕЕСЯ.

Совершившееся действие может являться неожиданностью, результатом оплошности или восприниматься как удача.

а) Неожиданно осуществившееся действие: неожиданность.

Подчеркивается либо случайность, непреднамеренность действия (как желательного, так и нежелательного), осуществление которого зависит не от субъекта, а от объективно сложившейся ситуации, либо непредвиденность результата.

Неожиданность. «И все же для меня было большой неожиданностью прочесть однажды на репетиционном листке, что на следующий день назначается на сцене с Н. М. Горчаковым... репетиция третьего акта «Горя от ума» (Н. Горчак. Режиссерские уроки К. С. Станиславского); «Правда, для меня было неожиданностью встретить вас уже дома, на родине» («Знамя», 11, 1963).

Аналогично: Было неожиданностью получить телеграмму, узнать об отъезде, услышать новость, попасть на премьеру, обнаружить ошибку и т. п.

Инфинитив в подобных сочетаниях выражает действие осуществившееся: неожиданно прочел, встретил, получил, узнал, услышал, попал, обнаружил и т. п.

В случае же целенаправленного действия неожиданным является его результат: Было неожиданностью сдать экзамен на 5 (купить что-либо за полцены, увлечься так серьезно, достичь такого блестящего результата и т. п.). Процесс сдачи экзамена, покупки, увлечения и т. п. не представляет неожиданности для субъекта, но приводит к неожиданным результатам.

б) Действие, осуществившееся в результате оплошности: неосторожность.

Типичным является устойчивое сочетание «иметь неосторожность», характеризующее действие как оплошность, приведшую к непредвиденному нежелательному результату.

«Я имел неосторожность очень резко высказать свое мнение о Хераскове» (Аксак. Семейные и литер. восп.); «Я возвращался с охоты и имел неосторожность отправить свою тройку вперед» (Тург. П. П. Каратаев); «Он имел неосторожность занести эту мысль на бумагу» (А. Виногр., Три цвета времени); «В Москве, на собрании врачей, я имел неосторожность поднять тост за русскую медицину...» (Л. Никулин. Моск. зори); «Если вы имели неосторожность попасть на зуб этому вельможе от науки (Кустову), вам не поздоровится...» (С. Леонов. Познай ближнего); «Петровский... имел неосторожность поверить Яковлеву» (С. Георгиевская. Отрочество).

Интересно отметить, что все приведенные предложения стоят в прошедшем времени, констатируя тем самым факт осуществ-

вления действия, результативность которого подчеркивается употреблением совершенного вида. При транспонировании формы инфинитива в личную форму получаем: по неосторожности высказал свое мнение, отправил тройку вперед, занес мысль на бумагу, поднял тост, попал на зуб, поверил.

в) Удачно осуществившееся действие: удача, редкость, победа, событие.

Более пеструю картину представляет собой группа существительных с общим значением удачи.

Наиболее четко действие осуществившееся ощущается в предложениях с личной формой глагола в прошедшем времени (что не имеет места при действии гипотетическом).

Удача. «В те дни воздухом владела наша авиация. *Встретить* в небе немца было редкой *удачей*» (С. Кожевн. Серая шинель); «Летчики тоже считали за большую *удачу свалить* корректировщика на землю» (А. Покрышкин. Небо войны).

Приведенные сочетания можно до какой-то степени сопоставить с глагольными — редко удавалось встретить в небе немца; считали за большую удачу, когда сваливали корректировщика на землю.

В конечном счете, фактически осуществляющееся действие обозначено инфинитивом: удалось рассказать, встретить, достать, получить = рассказал, встретил, достал, получил благодаря удачно сложившимся обстоятельствам. С отрицанием соответственно: не рассказал, не встретил, не достал, не получил в силу неблагоприятных условий. Этот момент и дает нам основания отнести рассматриваемые сочетания к данному разделу [2].

Естественно, подобные трансформации не всегда возможны, т. к. существительное «удача» имеет ярко оценочный оттенок, который не передается глаголом. Ср.: Удалось достать билет на премьеру и Достать билет на премьеру — (большая) удача. Однако и тут сохраняется результативный оттенок, присущий совершенному виду.

Аналогично обстоит дело с существительным «редкость».

Редкость. «В ту пору было *редкостью встретить* человека, имеющего такие награды» (Н. Михайловск. Таллинск. дневник); «В те времена было вовсе *не редкость встретить* заголовки вроде «Патология внутренних болезней и диалектический материализм...» (О. Литовск. Так и было). Т. е. редко встречался человек; не редко встречались заголовки.

Еще больше оттенок удачи подчеркивается в существительных: «победа», «событие».

Победа, событие. «И это было большой *победой* — *обнаружить* электрическую сторону работы мозга, *зафиксировать* материальные следы мысли...» (Е. Манучарова. Следы мысли);

«*Пойти* в кино с девочкой, на которую он и поглядеть-то боялся, было для него *событием*» («Известия», 7 сент. 1976).

Во многих случаях и без глагольной связки в прошедшем времени действие четко воспринимается как имевшее место.

«...преследовать их (бандитов) было некому. Нам *отбиться* и то *победа!*» (В. Смирнов. Тревожный месяц вересень); «У простаков текут слюнки: это ли не *удача* — *купить* вещичку за треть цены!» (Д. Краминов. Амур и черепаха); «*Заставить* ее (дочь) сделать что-либо по хозяйству — целое *событие*...» (Вл. Чивилихин. Над уровнем моря).

Могут иметь место высказывания и вневременного характера.

«*Найти* такую траншею (ондатры) — большая *удача* для охотника» (Календарь охоты); «Конечно, *увидеть* во мху или подсохшей траве коренастый, знающий свою силу боровик — это *удача!*...» (В. Лидин. Сердца своего тень); «Наверное у них (орнитологов) своя шкала ценностей, где *удача* — запрокинув голову в небо, *встретить* гостей из-за тридевять земель или *обменяться* редкими колечками с Британским музеем» (А. Соснов. Колечко «Фрингиллы»); «*Увидеть* полет яркого болида или *найти* метеорит — очень редкое *событие*» («Известия», 7 сент. 1976); «Ведь для такого человека (приезжего) *попасть* в Большой театр — *событие*, праздник» (С. Лемешев. Путь к искусству).

Поскольку может иметься в виду как действие единичное, так и повторяющееся, смысл приведенных высказываний может раскрываться двояким образом: Удачей (редкостью, событием) является, что (или: если) нашел траншею ондатры, увидел боровик, встретил гостей, обменялся колечками, нашел метеорит, попал в Большой театр.

Отсюда вытекает возможность трактовать (и использовать) такие оценочные высказывания как вневременные: Встретить настоящего друга — удача (редкость, событие), т. е. является удачей (редкостью, событием), если встретишь настоящего друга.

Инфинитив в подобных сочетаниях является подлежащим, а существительное с оценочным значением образует именную часть сказуемого, что особенно четко видно при связке в прошедшем времени: Встретить такого человека было удачей (редкостью, событием).

Тенденция рассмотренных существительных к сочетаемости с инфинитивом СВ проявляется с разной степенью строгости. Так, при существительных с общим значением планов, мечтаний вполне допустим инфинитив НСВ: мечта много зарабатывать, часто ходить в театр и в особенности, от глаголов со значением профессиональных навыков: строить мосты, водить самолет, варить сталь и т. п. Преимущественное использование инфинитива СВ диктуется, видимо, потребностями самой действительности.

Сочетаемость с инфинитивом СВ существительных «шанс»,

«случай» проявляется более последовательно. Так, нельзя представить себе сочетаний: случай (шанс) ходить, знакомиться, заказывать. Ср.: мечта ходить по ресторанам, знакомиться с девушками, заказывать дорогие блюда. Хотя и здесь могут быть исключения, напр.: Я имел случай беседовать с ним.

По-разному раскрывается значение инфинитива НСВ в сочетаниях с существительными со значением стремления и опасения. Так, в параллельных сочетаниях «надежда получить стипендию» и «надежда получать стипендию» инфинитив в обоих случаях раскрывается формой будущего времени: надежда, что получит (будет получать) стипендию. Параллельные же сочетания «боязнь (страх) остаться одному» и «боязнь (страх) оставаться одному» раскрываются по-разному: боязнь (страх), что останется один и боязнь (страх), когда (если) остается один. В первом случае, действие, обозначенное инфинитивом, является гипотетическим, во втором — реализующимся (время от времени). Особенно ярко это проявляется в глагольных сочетаниях: боялся (страшился) остаться один и боялся (страшился) оставаться один.

Анализ материала показывает, что валентность в отношении определенного вида инфинитива присуща самой лексеме и, как правило, не зависит от сочетания ее с другими лексемами.

Есть надежда, лелеял (потерял, утратил) надежду, утвердился в надежде устроиться на службу. Так же с отрицанием: нет надежды, не лелеял (не потерял, не утратил) надежды поступить в аспирантуру.

Наклеывался (подвернулся, повторился, упустил, прозевал) случай отличиться.

Горел нетерпением, одолевало (гнало) нетерпение, испытывал нетерпение приступить к делу.

Испытывал (почувствовал, подавил в себе) искушение, удержался от искушения, устоял перед искушением удрать.

Употребление множественного числа управляющего существительного, свидетельствующее о неоднократном повторении действия, обозначенного инфинитивом, не влечет за собой использования инфинитива НСВ. Сравним, например: мечта (мечты) стать художником; попытка (тщетные попытки) написать повесть; покушение (неоднократные покушения) отомстить; угроза (постоянные угрозы) расправиться; поползновение (всякие поползновения) высмеять новичка; шанс (все шансы) выиграть и т. п.

Существенно отметить, что вариант с инфинитивом СВ представляет собой сочетание с минимально достаточным контекстом: угроза убить, надежда выиграть, имел неосторожность улыбнуться.

Сочетание же с инфинитивом НСВ требует дополнительного контекста, мотивирующего использование НСВ: угроза убивать

всех и каждого, надежда выигрывать в каждом тираже лотереи, имел неосторожность улыбаться во время доклада.

В преобладающем большинстве случаев вариант с НСВ вообще нереален: надежда скрыться, нетерпение выздороветь, вероятность выиграть, попытка прорваться, порыв признаться, движение помочь, шанс спастись, риск простудиться, искушение украсть, соблазн подшутить, боязнь опоздать, опасение разрыдаться, страх выдать себя, найти такого специалиста — удача, застать его дома — целое событие, получить такое воспитание — редкость.

В объяснении этого явления — тяготения рассмотренных существительных к сочетанию с инфинитивом СВ — мы вполне согласны с мнением М. А. Шелякина (см. [4]). Именно целостность действия, момент результативности и предопределяет эту тенденцию, проявляющуюся с большей или меньшей степенью последовательности. Так, по нашим данным, существительные «план», «идея», «цель» нельзя безоговорочно причислить к индикаторам СВ: «... стычка с немцами на острове не изменила намеченного *плана брать* «языка» с высоты 168...» (И. Бородулин. Мы — разведка); «Пусть эта машина не полетела. Но сама *идея* (Ломоносова) *поднимать* самопищущие приборы на летательных аппаратах — уникальна по своей смелости» (Ильин. Человек и стихия); «Мы (ребята) не задавались *целью ставить* большие, трудные пьесы...» (Борисов. Из творч. опыта). То же касается, как уже упоминалось, существительного «мечта» и, вероятно, некоторых других. Очевидно, в подобных случаях речь может идти лишь о частности.

Думается, что сочетаемость с определенным видом инфинитива можно рассматривать как одну из валентностей лексемы, и в будущем, после достаточной проверки и обработки, включить в словарь русского языка.

Возможно, это явление представляет собой своеобразный вид семантического согласования на высоком уровне абстракции — учитывается не конкретное действие, а характер его протекания, т. е. видовые признаки, что свойственно только русскому языку.

Рассмотренная нами группа лексем далеко не исчерпывает состав существительных, проявляющих тенденцию к сочетаемости с инфинитивом СВ. Предлагаемая небольшая работа является лишь начальным этапом в исследовании этой проблемы, которая еще ждет своего разрешения. Окончательные выводы могут быть получены лишь на основании анализа всего лексического состава русского языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бойко А. А. Сочетания с инфинитивом несовершенного вида в современном русском языке. Л.: изд-во ЛГУ, 1973, с. 99.
2. Бойко А. А. Глагольные сочетания с инфинитивом совершенного вида. — Уч. зап. Ленинградский гос. ун-т, № 375, сер. филол. наук, вып. 77. — Исследования по грамматике русского языка. V, 1973, с. 25.
3. Mazon A. Emplois des Aspects du verbe russe. — Paris, 1914, p. 49.
4. Шелякин М. А. Приставочные способы глагольного действия и категория вида в современном русском языке. — Докт. дисс., Л., 1972, с. 73.

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ ПАССИВНЫХ ФОРМ СОВЕРШЕННОГО ВИДА

Ю. А. Пупынин

В данной статье представлен опыт анализа функционирования форм совершенного вида (СВ) в пассивных конструкциях. Существующие исследования мало учитывают, как влияет на значение и употребление форм СВ противопоставление активных и пассивных конструкций. Вследствие широкого преобладания активных конструкций в речи общая картина функционирования форм СВ (как и форм несовершенного вида) рассматривается и описывается преимущественно на материале актива. Представляется важным специально рассмотреть употребление форм СВ в пассиве и установить возможные параллели и расхождения.

В качестве основной, бесспорно преобладающей формы СВ в пассиве выступает аналитическая форма «краткое пассивное причастие СВ + глагол **быть**». Ещё А. А. Шахматов трактовал эти формы как спрягаемые и, соответственно, в синтаксисе — как сказуемые (разновидности глагольных сказуемых) [7]. За признание «аналитичности» данной формы, за включение её в состав глагольного спряжения выступает в настоящее время ряд ученых.

Совершенный вид, выступая в пассиве, обнаруживает три типа функционирования из четырех, свойственных активу [1, 4]. Это конкретно-фактический тип: Утка **была ранена** на расстоянии девяноста или ста шагов (С. Аксаков. Записки ружейного охотника). Наглядно-примерный тип: — А если пожелаешь развлекаться как-нибудь ещё — только обратись, только сообщи, и твоё желание **будет исполнено!** (А. Алексин. В стране вечных каникул). Суммарный тип: Н. Куницын... несколько раз **был оштрафован** на монастырском «Лобном месте» (Г. Фруменков. Узники соловецкого монастыря).

Потенциальный тип функционирования у пассивно-причастных форм не представлен. Передачу потенциального значения можно зафиксировать лишь в некоторых высказываниях с мало-

употребительными возвратно-пассивными формами СВ. Об этом пойдет речь в специальном разделе.

Перейдем к более детальному анализу перечисленных выше типов функционирования пассивных форм СВ.

Конкретно-фактический тип

Мы ограничимся приведением основных разновидностей конкретно-фактического типа (КФТ).

Следует подчеркнуть, что пассивно-причастные формы СВ обнаруживают в своей семантике два равноправных элемента: а) действие (конкретный факт) и б) состояние-результат. Как один, так и другой элемент, выступая во взаимодействии с контекстом, может получать различную степень актуализации, в зависимости от чего и определяется конкретная разновидность функционирования.

1) В семантике пассивной формы СВ может быть более актуален элемент действия, нежели элемент состояния, например: На третий день кое-как и кое-кем пополненные полки **были брошены** в атаку и снова отхлынули к исходным позициям (А. Толстой. Хождение по мукам); 27 мая 1927 года это постановление **было утверждено** Советом Народных Комиссаров Российской Федерации (П. Мариковский. В Таласском Алатау).

2) В семантике пассивной формы СВ элемент состояния может быть более актуален, чем элемент действия: И весь двор неприглядно **завален** грудями разного дерева; насыщенное водою, оно прееет на солнце, распространяя запах гнили (М. Горький. Детство); Буденный подъехал к мосту и увидел, что он **построен** на живую нитку (А. Толстой. Хождение по мукам).

3) Элементы действия и состояния могут быть приблизительно в равной степени актуальны: Когда он вывел меня к хозяину, то сказал ему: — Извольте получить, **починен!** (М. Горький. В людях); Колокол уже **отлит**, и скоро зазвенит на весь мир его долго ожидаемый звон (К. Станиславский. Моя жизнь в искусстве).

Обращает на себя внимание широкое распространение в пассивных конструкциях с пассивно-причастными формами СВ значения перфектности [4]. Это явление нуждается в дополнительном истолковании. Регулярная реализация значения перфективности пассивными формами СВ является одной из важнейших особенностей всей картины семантических функций СВ в пассиве.

Перфектность в пассиве отличается от перфектности в активе по характеру контекстуальной обусловленности. Перфектность в активе (Перф А) — сравнительно редкое явление, «привязанное», как правило, к определенным контекстуальным средствам [3] (например, к выражениям типа «уже час как», «уже

день как», «уже сутки как» и т. п., ср.: Он уже час как **пришел**). Перфектность в пассиве (Перф П), напротив, не обнаруживает столь жесткой зависимости от контекстуальных средств. Роль контекстуальных средств в этом случае сводится к тому, что они актуализируют элемент действия или элемент состояния в семантическом комплексе Перф П. Например, в высказывании: В одном из боковых камней **было пробито** отверстие (К. Паустовский. Повесть о жизни) без более широкого контекста трудно судить о том, преобладает элемент действия или состояния в перфектном значении. Дополнительные контекстуальные указания способны актуализировать в значении формы **было пробито** элемент действия, ср.: Сегодня утром в одном из боковых камней **было пробито** отверстие. Другие контекстуальные указания могут актуализировать в значении указанной формы элемент состояния, ср.: Я подошел и увидел, что в одном из боковых камней **было пробито** отверстие.

Перф А и Перф П различаются и в своём отношении к глагольной лексике. Перф А в своём выражении связана с определенными группами глаголов (в частности, можно назвать глаголы СВ, образованные от глаголов движения: уехать, прийти, отплыть и т. д., а также глаголы СВ, образованные от инхоативных: покраснеть, потолстеть, посветлеть и др.). Перф П менее ограничена в этом отношении. Ограничения со стороны лексического значения накладываются, строго говоря, не столько на выражение Перф П, сколько на саму возможность образования пассивной формы СВ (эта возможность исключена, в частности, для лексикограмматической группировки непереходных глаголов).

Таким образом, возможно поставить вопрос о категоризации оттенка перфектности в значении пассивно-причастных форм СВ. Правда, речь идет о перфектности строго определенной семантической структуры: действие \longrightarrow состояние предмета. В активе перфектность не ограничена данной структурой; он может иметь, в частности, вид: действие \longrightarrow другое действие (например, Он **пришел**, чтобы поговорить откровенно). Такой оттенок перфектности не подвергается категоризации в значении пассивных форм СВ; его выражение опирается на контекстуальные средства в такой же мере, как и в активе, например: Брошюра эта **написана** с целью воздействовать на выборы (Л. Толстой. Переписка с русскими писателями).

Для трактовки рассматриваемой особенности функционирования СВ в пассиве оказывается продуктивной концепции различных уровней грамматических единиц, развиваемая А. В. Бондарко [2]. В указанной работе речь идет о выделении трех уровней грамматических единиц и, соответственно, трех уровней их анализа: уровня абстрактной грамматической системы, уровня реализации категориальных значений в отдельно взятых лексе-

мах и уровня функционирования словоформ. На наш взгляд, в применении к данной концепции Перф А не может быть отнесена к уровню абстрактной грамматической системы. Её выражение и наблюдение возможны только на уровне реализации СВ в конкретных лексемах, а также на уровне функционирования активных форм СВ в контексте. В отличие от этого Перф П выражается и обнаруживается не только на указанных уровнях, но и на уровне абстрактной грамматической системы, являясь принадлежностью любой пассивно-причастной формы СВ.

Наглядно-примерный тип

Пассивные формы СВ обнаруживают более ограниченную способность к передаче наглядно-примерного значения, чем активные.

В активе наглядно-примерный тип функционирования (НПТ) также наблюдается лишь при наличии определенных контекстуальных условий [1, 5]. Такие условия создаются, например, с помощью выражения «нет-нет да и», ср.: Сам же нет-нет да и **вспомнит** про это и обижается на своего отца (В. Шукшин. Из детских лет Ивана Попова). В следующем примере к средствам создания НПТ следует отнести союз «то..., то...»: Люблю прислушиваться к звукам. То за две комнаты от меня быстро **проговорит** что-нибудь в бреду моя дочь Лиза, то жена **пройдет** через залу со свечой и непременно **уронит** коробку со спичками, то **скрипнет** рассыхающийся шкаф, или неожиданно **загудит** горелка в лампе — и все эти звуки почему-то волнуют меня (А. Чехов. Скучная история).

Необходимо обратить внимание на то, что в вышеприведенных примерах с активными формами СВ предмет, обозначенный подлежащим (носителем глагольного признака), конкретен. На наш взгляд, именно конкретность носителя глагольного признака (а в активе такие примеры преобладают) и создает оттенок наглядности при передаче данного значения.

Специализация контекста, связанного с НПТ, говорит о том, что значение целостности действия само по себе с трудом сочетается со значением повторяемости. В пассиве положение дел осложняется наличием в семантике форм СВ элемента состояния-результата, который является дополнительным фактором, препятствующим выражению повторяемости. Дело в том, что состояние представляет собой сравнительно постоянный («статичный») признак, который обычно бывает жестко определенным по отношению к временной локализованности/нелокализованности. Состояние предмета выступает как локализованное во времени, если предмет конкретен. Состояние выступает как нелокализованное во времени, если предмет понимается обобщенно.

Таким образом, НПТ в пассиве, поскольку он представляет

нелокализованное (повторяющееся) действие, должен оказываться связанным с обобщенным носителем глагольного признака. Например: Если не переломишь крыла, куропатку не добудешь, то есть на убьёшь наповал; она **будет** сильно **ранена**, но унесет дробь и улетит из виду вон (С. Аксаков. Записки ружейного охотника); Капитан... непрерывно курил, всякий раз зажигая новую папироску от той, что **была докурена** (Б. Полевой. Силуэты); Форму зарубают в лед, и, покуда он не пропадет в леднике, птица сохраняется так свежа, как будто сейчас **застрелена** (С. Аксаков. Записки ружейного охотника). Носитель глагольного признака в приведенных примерах обозначает не единичный конкретный предмет во внеязыковой действительности, а целый класс, группировку предметов. Это подтверждается возможностью добавить к носителю глагольного признака слово «всякий», «любой», «каждый». Ср.: Если не переломишь крыла, куропатку не добудешь, ... всякая куропатка **будет** сильно **ранена**, но унесет дробь и улетит из виду вон; Капитан зажигал новую папироску от каждой, что **была докурена**; Покуда лед не пропадет в леднике, любая птица сохраняется так свежа, как будто сейчас **застрелена**. Действие, обозначенное пассивной формой СВ, относится, в сущности, к любому представителю данного класса предметов. Нельзя не заметить, что обобщенность носителя глагольного признака отрицательно сказывается на своеобразии НПТ, лишает его яркости. Здесь сохраняется представление повторяющегося действия на отдельном типичном примере, т. е. сохраняется «экземплификативность», однако ослабляется наглядность.

Лишь в исключительных случаях наглядно-примерное действие, обозначенное пассивной формой СВ, может относиться к конкретному носителю глагольного признака. Это происходит в тех случаях, когда от контекста исходит сильное значение узуальности ситуации, т. е. такой её повторяемости, которая воспринимается как необходимость, закономерность. Напр.: Парик он надевал ярко-рыжий; тоже как и у Петра, со стоящими дыбом волосами, длинный, утиный нос **приклеен** как-то по-особому смешно (Ю. Никулин. Почти серьезно); Это любовь выражалась в том, что донской жеребчик **был** и **вычищен** лучше и овса получал больше, чем другие казенные лошади Боброва: Ласточка и Черноморец (А. Куприн. Молох). Характерно, что при этом состояние-результат воспринимается как постоянное, все время свойственное предмету, т. е. «как будто бы локализованное» в длительном промежутке времени.

В НПТ, выражаемом пассивными формами СВ, можно выделить суммарный оттенок.

Суммарный оттенок возникает в том случае, если из контекста следует, что действие в конце концов было произведено над всеми предметами, входящими в данный класс или группировку.

Напр.: Чуйская долина так заселена, столь полно **использован** каждый ключ её, что чудится, будто земля уже не способна вынести большей нагрузки (П. Мариковский. В Таласском Алатау); От жилья до работы две версты тропой. Каждый аршин **высмотрен**. (Г. Марков. Сибирь). В этом случае оттенок наглядности выступает в семантике пассивной формы СВ особенно слабо.

В заключение характеристики НПТ в пассиве следует сказать несколько слов о смежных с ним случаях. Имеется в виду выражение повторяемости с помощью конструкции «бывать + краткое пассивное причастие СВ». Напр.: Гнездо журавля **бывает** незатейливо: это просто круглая ямка на земле, слегка устланная сухою травой (С. Аксаков. Записки ружейного охотника); За последнее время неоднократно **бывал ограблен**, жестоко пострадал, ваше превосходительство (А. Толстой. Похождение Невзорова). В таких случаях носитель глагольного признака не связан только лишь с обобщенным значением. Так, в первом примере носитель глагольного признака имеет обобщенное значение, во втором — конкретное.

В указанной конструкции происходит следующее распределение функций между формами: «бывать» несет значение узуальности действия, пассивное причастие СВ несет значение факта и последующего состояния-результата. Как уже отмечалось, узуальность действия, т. е. необходимая закономерность в его воспроизведениях, является сильным фактором, способствующим участию пассивных форм СВ в выражении повторяемости.

Суммарный тип

Выражение суммарного типа функционирования (СТ) в пассиве имеет некоторые особенности.

В активе возможности выражения СТ сводятся к тому, что в контексте имеются прямые указания на ограниченную кратность действия («два раза», «три раза», «несколько раз»). В пассиве также встречаются такого рода случаи. Например: Аналогичные находки **были сделаны** нами ещё два раза, но они ничего не прибавили к первому выводу, важному лишь для геолога средних веков (Л. Гумилев. Открытие Хазарин); Стало быть дело два раза **изгажено** и надо нечеловеческих усилий и ухищрений краснодеревщику, чтобы исправить дело (Л. Толстой. Переписка с русскими писателями).

Однако в пассиве возникают дополнительные возможности для выражения СТ. Это связано с особенностями пассивной конструкции, где центральное место носителя глагольного признака занимает объект действия. Так, если в контексте указывается конкретное количество объектов, то при этом также выражается идея суммарного действия. Напр.: Потом гордой американке **были нанесены** три удара подряд (И. Ильф. Е. Петров. Двенад-

цать стульев); Из обоза Жюно тоже **было оставлено** и **отбито** несколько повозок (Л. Толстой. Война и мир); Батарей четыре раза вела огонь по группам бомбардировщиков «Юнкерс-87». **Выпущено** 103 снаряда. **Сбито** четыре самолета противника (Ю. Никулин. Почти серьезно).

Случай такого рода можно считать переходными, промежуточными между суммарным и конкретно-фактическим типами функционирования СВ. Здесь возможны две точки зрения, которые, на наш взгляд, являются равноправными. С одной точки зрения, действие представляет собой сумму конкретных фактов, количество которых равно количеству объектов. С другой точки зрения действие может рассматриваться как один конкретный факт сложной структуры, связанный с несколькими объектами, которые перешли в результате действия в определенное состояние.

В лингвистической литературе отмечено подобное явление для актива. Г. И. Панова сближает значение активных форм СВ, в случае если действие совершается над несколькими объектами, со значением глаголов СВ дистрибутивного способа действия [5]. Соглашаясь с такой оценкой, мы должны добавить, что если в активе оттенок дистрибутивности в меньшей степени вызывает мысль о суммарности действия, поскольку указание на количество объектов занимает периферийное место в содержании высказывания (ср.: Он **прочитал** три статьи), то в пассиве мысль о суммарности выдвигается на первый план, поскольку указание на количество объектов перемещается в центр высказывания (ср.: **Было прочитано** три статьи).

Семантический элемент суммарности действия может возникать и в том случае, если носитель глагольного признака выражен формой множественного числа, без точного указания на количество предметов. Например: [Фомин.] Это ошибки творческие. Они **выявлены** давно, **исправлены**, и у кого их не бывает (И. Дворецкий. Ковалёва из провинции); **Были отпечатаны** и везде, — если помните, — **развешаны** плакаты с крупной надписью (В. И. Дорошевич. И. Н. Дурново); Некоторые заключения **построены** умозрительно (Л. Гумилев. Открытие Хазарии); Почти все лучшие командиры **были убиты** и **ранены** (А. Толстой. Хождение по мукам). В этом случае объект представляет собой такое множество предметов, которое может быть рассмотрено как определенное множество, или совокупность. Такая возможность даёт основание включить форму множественного числа как носителя глагольного признака, так и глагола-сказуемого в состав средств, способствующих передаче значения суммарности в пассиве. Участие формы множественного числа глагола в выражении суммарности хорошо видно из следующего примера: На большом экране **были продемонстрированы** место убийства Комаровой, записка, найденная на груди убитой, комната Кома-

ровых, одежда тренера (М. Ройзман. Волк). В случае формы единственного числа идея суммарности здесь не выражалась бы, поскольку ряд подлежащих мог бы восприниматься как незамкнутый.

Передача суммарности с помощью форм множественного числа дает наиболее многочисленные примеры в ряду рассмотренных нами реализаций СТ. Не следует забывать, однако, что они представляют собой промежуточный тип между СТ и КФТ. Сближаются они также и с НПТ с суммарным оттенком, однако различие здесь уже зафиксировано формально: при выражении НПТ с суммарным оттенком носитель глагольного признака обычно обозначен формой единственного числа, тогда как при указанном способе выражения СТ носитель глагольного признака, как правило, обозначен формой множественного числа.

Функционирование возвратно-пассивных форм СВ

Возвратные формы СВ (в тех случаях, когда они допускают трактовку их как пассивных) способны выступать в КФТ. Напр.: — Так что, как только **получится** бумага, вы можете выйти и поселиться, где хотите. Мы обдумаем... (Л. Толстой. Воскресение); И старик несколько взволнованным голосом прочитал: «Бывшие командир и офицеры «Голубчика»... шлют сердечные пожелания всего лучшего и выражения глубочайшего уважения доблестному и славному адмиралу, имя которого никогда не **забудется** во флоте» (К. Станюкович. Беспокойный адмирал).

Следует отметить, что возвратно-пассивные формы СВ, в отличие от причастно-пассивных форм, не содержат в своей категориальной семантике элемента состояния-результата. Поэтому выражение оттенка перфектности у этих форм, как и у активных, обусловлено лексически, контекстуально и синтаксически (здесь имеется в виду, что сама пассивная конструкция может рассматриваться в ряде случаев как актуализатор перфектности). Например: А когда я упомянул о легенде, которая оказалась забытой, директор музея постучал кончиком уже второй сигареты по столешнице и усмехнулся. — Да, **забылись** легенды, — заметил он (А. Жаренов. Фамильная реликвия); Но вот настали новые времена. **Запелись** иные песни (К. Станюкович. Беспокойный адмирал). Кроме того, отсюда следует также возможность возвратно-пассивных форм выступать в аористической разновидности КФТ. Например: — Во, кепку унесло, — промолвил он, изумленно протирая глаза и облизывая с губ талый грязный снег. — А ещё **поносились** бы кепка! (Л. Леонов. Дорога на океан); Сергей отпустил людей и пошел к лагерю. И тогда он решил, пока дело **разберется**, Шалимова сейчас же выгнать (А. Гайдар. Военная тайна).

На наш взгляд, выражение аористической разновидности КФТ может рассматриваться в качестве одной из причин, под-держивающих употребление возвратно-пассивных форм в современном русском языке, поскольку выражение аористического оттенка с помощью причастно-пассивных форм затруднено наличием в семантике последних элемента состояния.

В целом же малоупотребительность возвратно-пассивных форм СВ в сравнении с пассивно-причастными не составляет проблемы. Здесь уместно вспомнить слова А. М. Пешковского: «... Формы эти далеко не равны по силам. Они относятся друг к другу как специалист к дилетанту или как вкусовой уникум к суррогату. В самом деле, ведь форма на «СЯ» лишь по нужде и лишь с большим трудом выражает страдательное значение» [6]. (Распространение возвратно-пассивных форм в области несовершенного вида имеет особые причины, рассмотреть которые здесь не представляется возможным).

Остается добавить, что возвратно-пассивные формы СВ способны выступать и в НПТ. Например.: Сушеные подосиновики нужно смешать с сушеными подберезовиками, маслятами, опятами и с другими грибами, какие в это время **найдутся** (В. Солоухин. Третья охота).

Особый интерес вызывает способность данных форм передавать потенциальное значение. Например: Это было нетрудно, лишь бы питаться, а жизнь как-нибудь **проживется** (А. Платонов. Глиняный дом в уездном саду); Даже ваш фельетон, который **прочтется** улицей с удовольствием, говорит именно об отращивании к герою (К. Чуковский. Леонид Андреев); ... Красть для доброго дела не следует, даже с утилитарной точки зрения. Кража **раскроется**, и тому самому делу, для которого она предпринята, будет нанесен огромный нравственный удар (В. Короленко. История моего современника). Как уже отмечалось, потенциальный тип функционирования (ПТ) у пассивно-причастных форм не представлен. Отсутствие ПТ при этом является принципиальным. Дело в том, что основой выражения ПТ в активе является план (и соответственная форма) настоящего-будущего времени [1]. Между тем у пассивно-причастных форм СВ будущее время резко отграничено от настоящего, имеет специальные формальные показатели (аналитические формы типа «будет + пассивное причастие СВ») и не образует с настоящим временем единого плана.

Подсистема возвратно-пассивных форм СВ не содержит ограничений в этом отношении. Поэтому возвратно-пассивные формы способны передавать потенциальное значение, и это может рассматриваться как дополнительный фактор, способствующий их употреблению.

Любопытную способность брать на себя функции передачи потенциального значения (в пассивной модификации) проявляет

ряд отглагольных прилагательных, образованных от глаголов СВ. Например: Эта болезнь легко **излечима**; Наши задачи **выполнимы**; Такое предположение вполне **допустимо** и т. п. У этого типа прилагательных выражение значения потенциального действия над предметом происходит на категориальном уровне; ни в каком другом значении эти прилагательные не употребляются. При этом потенциальное значение обладает качественным оттенком. Однако в данном случае правильнее говорить не о выражении видовых функций, а о значении особой лексико-грамматической группировки прилагательных.

Изучение семантических функций пассивных форм СВ обнаруживает ряд особенностей их реализации в сравнении с активными формами. Определяющая особенность состоит в категоризации элемента перфектности в семантике пассивной (пассивно-причастной) формы СВ. Это свидетельствует о проявлении определенных взаимосвязей категорий вида и залога, о взаимодействии аспектуальной и валоговой семантики. В то же время можно выделить наиболее устойчивые элементы содержания СВ, сохраняющие независимость от семантического противопоставления активных и пассивных форм.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бондарко А. В. Вид и время русского глагола (значение и употребление). — М., 1971, с. 21—36.
2. Бондарко А. В. Об уровнях описания грамматических единиц (на примере анализа функций глагольного вида в русском языке). — В кн.: Функциональный анализ грамматических единиц. — Л., 1980, с. 5—9.
3. Лебедева Г. Ф. Употребление глагольных форм прошедшего времени совершенного вида в перфектном значении в современном русском литературном языке. — В кн.: Вопросы истории русского языка. — М., 1959, с. 208—226.
4. Маслов Ю. С. Глагольный вид в современном болгарском литературном языке (значение и употребление). — В кн.: Вопросы грамматики болгарского литературного языка. — М., 1959, с. 216—312.
5. Панова Г. И. Выражение повторяемости действия в современном русском языке. — Автореф. канд. дисс. — Л., 1979, с. 17.
6. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. — М., 1956, с. 110.
7. Шахматов А. А. — В кн.: Из трудов А. А. Шахматова по современному русскому языку. — М., 1952, с. 220.

ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ РУССКОЙ АСПЕКТУАЛЬНОСТИ ДЛЯ ИСПАНОГОВОРЯЩИХ

Г. Бермельо

Категория вида — одна из труднейших для испаноговорящих морфологических категорий русского языка. Носители испанского языка с большим трудом овладевают и самой грамматической категорией и закономерностями ее реализации в речевой практике. Для более глубокого понимания категории вида испаноговорящими представляется необходимым сопоставительное изучение русской и испанской глагольных систем, т. е. изучение русского вида на фоне испанского языка.

Сопоставляя русскую и испанскую глагольные системы, мы столкнулись с тем, что мнение испанистов об аспектуальных значениях в испанском языке очень разнообразны, даже противоречивы. Более того, аспектуальность в испанском языке мало исследована. Такое состояние вопроса об испанской аспектуальности, о наличии или отсутствии категории вида в испанской глагольной системе затрудняет сравнительно-типологическое изучение этого грамматического явления.

Описание русского вида на фоне испанского языка и задачи овладения испаноговорящими закономерностями функционирования этой категории в речевой практике требуют, чтобы был определен и интерпретирован с позиции исследователя характер испанской аспектуальности.

На наш взгляд, разнообразие имеющихся точек зрения на аспектуальность испанского глагола связано со следующими обстоятельствами.

а) разное понимание морфологической категории вообще, что приводит к разным выводам о наличии или отсутствии категории вида в испанском языке;

б) разное представление о категории вида и способах глагольного действия, которые нередко смешиваются авторами, употребляющими один термин вместо другого.

В зависимости от принятого исследователем определения

грамматической (морфологической) категории одно и то же лингвистическое явление может восприниматься как грамматическая категория или нет. Для выявления позиции исследователя об обязательных признаках, благодаря которым грамматическое явление признается грамматической категорией или нет, не требуется, чтобы исследователь дал определение грамматической категории. Достаточно проанализировать признаки явлений, описанных им как грамматические категории.

Нам представляется достаточным определение А. В. Бондарко [3; 10, 11], согласно которому морфологические категории — это системы противопоставленных друг другу рядов морфологических форм с однородным содержанием, где последнее предполагает оппозицию — основание для сравнения. Кроме указанного соотношения, необходимыми признаками для морфологической категории признаны обязательность, стабильность и регулярность.

Что касается грамматической категории вида, то мы разделяем точку зрения А. В. Бондарко и принимаем в качестве исходного теоретического положения его определение [3; 42, 47, 50, 65, 70], согласно которому вид — синтагматически слабая морфологическая категория с семантической доминантой, преимущественно интерпретационного типа, которая обладает переменной актуализационной и переменной синтаксической значимостью. Данное определение характеризует вид с точки зрения содержательно-функциональной и структурно-синтаксической.

Что касается смыслового содержания грамматической категории вида, то мы разделяем точку зрения М. А. Шелякина и других, согласно которой данная категория выражает значение «целостности/нецелостности проявления действия в соотносимой локализации его во времени» [9; 5].

Исследование аспектуальных значений глагола требует, чтобы было установлено соотношение между глагольной категорией вида, с одной стороны, и способом глагольного действия, с другой.

Под способом глагольного действия понимается [8] особые акциональные значения глагола, указывающие на формы развития отдельных типов действия, иначе говоря, определяющие аспектуальные свойства отдельных групп глагольной лексики. Они являются семантическими разрядами глаголов, остаются в пределах лексических различий между глаголами. Способы действия находятся в отношениях взаимозависимости с видами глагола, но не идентифицируются с ними.

Если взять за основу вышеуказанные определения грамматической категории, категории вида и способа действия, то аспектуальность в испанском языке нужно интерпретировать следующим образом.

В отличие от русской глагольной системы, имеющей цент-

ральной («господствующей», по словам А. Мейе) категорией категорию вида, ядром системы испанских глагольных форм является категория времени. Характерная особенность испанского глагола — разветленность грамматической категории времени, что является отражением широты и объемности функционально-семантической категории локализованности во времени. Сложное взаимодействие, существующее между грамматической категорией времени и функционально-семантической категорией локализованности во времени, привело к однозначному пониманию грамматической категории вида в испанском языке. Нам представляется нецелесообразным утверждение о наличии грамматической категории вида в испанском языке.

Если исходить из положения, высказанного А. В. Бондарко о том, что оппозиция является основанием для противопоставления рядов морфологических форм, и признать необходимыми для выделения грамматической категории признаки обязательности, стабильности и регулярности, то невозможно говорить о наличии грамматической категории вида в испанском языке.

Нами не отрицается, что зачаток такой грамматической категории в испанском языке есть: «*Pretérito imperfecto*» выражает значения процессуальности и повторяемости; глагольная перифраза «*estar + герундий*» также передает такие значения (наряду с локализованностью во времени); «*Futuro perfecto*» означает законченное в будущем действие (до другого будущего действия, т. е. также наряду с локализованностью во времени); «*Pretérito pluscuamperfecto*» касается действия, законченного в прошлом до другого прошедшего действия; «*Pretérito anterior*» передает законченный в прошлом сразу перед другим прошедшим действием факт (в этих двух формах также ярко выражается локализованность во времени). Однако данные формы не включаются в видовую оппозицию. Более того, такие глагольные времена, как «*Pretérito indefinido*» и «*Pretérito perfecto*», описанные некоторыми испанистами как перфективные, выступают в самих разных контекстах, т. е. с актантами, выражающими как ситуации, которые описывают совершенные действия, так и ситуации, описывающие действия несовершенные (например: «*Barbarito ha cantado siempre esa canción*», «*Hoу ha cantado esa canción como nunca*»). Эти временные формы могут быть синонимичны, как и форма «*estar + герундий*» в настоящей времени индикатива и простая форма этого же времени (например: «*En qué piensas?*» и «*En qué estás pensando?*»), где основное различие — стилистическое. Таким образом, в употреблении этих форм отсутствуют признаки обязательности, стабильности и регулярности. Этот вывод был сделан на основе анализа результатов опроса информантов, а также в ходе исследования переводов с испанского языка на русский и наоборот.

Был проведен опрос десяти кубинских информантов — пяти,

владеющих русским языком, и пяти, не владеющих им. В ходе эксперимента необходимо было установить, осознаются ли носителями испанского языка аспектуальные различия между разными временными формами испанского глагола и какие именно аспектуальные значения закреплены за той или иной временной формой. В центре нашего внимания были глагольная перифраза «*estar + герундий*» и глагольные времена индикатива «*Pretérito imperfecto*», «*Pretérito indefinido*» и «*Pretérito anterior*».

Опрос информантов позволил сделать следующие наблюдения:

— Большинство опрошенных видят стилистические различия в употреблении системы форм «*estar + герундий*» и той же системы временных форм испанского глагола (например: «*estudio*» / «*estoy estudiando*»). В представлении испаноговорящих форма «*estar + герундий*» имеет стилистический оттенок разговорности. Что касается аспектуального значения данной перифразы, то оно не всегда осознается опрошенными: одни указывают на процессуальность, другие — на локализованность во времени, третьи не осознают каких-либо аспектуальных значений форм перифразы «*estar + герундий*».

Стилистические различия существуют и между формами «*Pretérito indefinido*» и «*Pretérito perfecto*». Эти различия были отмечены информантами в 41,66% конструкций, предложенных им в ходе эксперимента. Остальные ответы были гетерогенными. Однако все результаты этого эксперимента свидетельствуют о том, что информанты не связывают анализируемые формы с аспектуальными значениями глагола.

— Большинство опрошенных осознает значение процессуальности формы «*Pretérito imperfecto*». Однако данная форма, передающая и значение повторяемости, может заменяться в одном и том же контексте формами «*Pretérito indefinido*» и «*Pretérito perfecto*», что не вызывает изменение аспектуального значения. Например: предложение «Она всегда пела эту песню» имеет своими испанскими эквивалентами три конструкции: «*Siempre cantaba esa canción*», «*Siempre cantó esa canción*» и «*Siempre ha cantado esa canción*». Различия между этими предложениями заключается в следующем: а) из временной формы в первом предложении вытекает то, что человек уже не поет эту песню, но мог бы это сделать, если бы захотел; б) из временной формы «*Pretérito indefinido*» во втором предложении — то, что он больше никогда не будет петь эту песню (может быть, потому что умер); в) из временной формы «*Pretérito perfecto*» в третьем предложении — то, что он пел эту песню раньше и продолжает ее петь нынче. То, что временные формы «*Pretérito imperfecto*» и «*Pretérito indefinido*» привносят в конструкцию дополнительные оттенки локализованности во времени, но основное аспектуальное значение повторяемости сохраняется благо-

даря наличию актанта «siempre», — этот факт осознается всеми информантами, принимающими участие в эксперименте.

Приведенное определение грамматической категории и результаты эксперимента позволяют усомниться в наличии грамматической категории в испанском языке:

- а) У испанского глагола нет собственных маркеров, указывающих на видовые значения.
- б) Аспектуальные значения разных временных форм выражаются несистематически и не отличаются стабильностью и регулярностью.
- в) Значениям процессуальности и повторяемости, свойственным глагольной перифразе «estar + герундий» и «Pretérito imperfecto», не противостоит никакое другое регулярно выраженное грамматическое значение.
- г) В формах «Futuro perfecto», «Pretérito pluscuamperfecto» и «Pretérito anterior», указывающих на законченный до другого действия факт, «законченность» касается в основном того, что действие прекратилось до другого действия (указание на локализованность во времени), а не того, что доведено до конца.

Однако, хотя в испанском языке нет морфологической категории вида, он располагает функционально-семантической категорией аспектуальности. Вследствие этого испанский язык способен дать представление об аспектуальном способе протекания действия. В этих целях в нем используются разные языковые средства, среди которых: а) некоторые временные формы — «Pretérito imperfecto», «Futuro perfecto», «Pretérito pluscuamperfecto» и «Pretérito anterior» / «Caminaba despacio, con dificultad.» «Cuando regreses, ya **habremos construido** la escuela», «Cuando llegué, ya los niños **se habían dormido**», «Nos marchamos apenas **hubo amanecido**» /; б) глагольные перифразы, как например, «estar + герундий» / «**Está durmiendo**» /; в) актанты / «En este teatro **se representó** cien veces la obra «El inspector», «Ayer **se representó** por primera vez aquí esa obra» /.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авилова Н. С. Вид глагола и семантика глагольного слова. — М., 1976.
2. Бондарко А. В. О категориальных значениях видов русского глагола. — В сб.: Вопросы русской аспектологии, III. — Тарту, 1978.
3. Бондарко А. В. Теория морфологических категорий. — Л., 1976.
4. Васильева — Шведе О. К., Степанов Г. В. Теоретическая грамматика испанского языка. Морфология и синтаксис частей речи. — М., 1980.
5. Деев М. Н. Видо-временные отношения в системе индикатива в действительном залоге в современном испанском языке. — Дисс. канд. М., 1954.
6. Мучник И. П. Грамматические категории глагола и имени в современном русском литературном языке. — М., 1971.
7. Шелякин М. А. Основные проблемы современной русской аспектологии [1]. — В сб.: Вопросы русской аспектологии I. Воронеж, 1975.

8. Шелякин М. А. Основные проблемы современной аспектологии (2). — В сб.: Вопросы русской аспектологии, II. — Тарту, 1977.
9. Шелякин М. А. Приставочные способы глагольного действия и категория вида в современном русском языке (к теории функционально-семантической категории аспектуальности). Автореф. докт. дисс. — Л., 1972.
10. Esbozo de una nueva gramática de la lengua española. — Madrid, 1981.
11. Gili y Gaya S. El verbo español. — Madrid, 1969.
12. Mohlo M. Sistemática del verbo español. — Madrid, 1975.

СОДЕРЖАНИЕ

А. В. Бондарко. Аспектуальные ситуации и вопрос о «категориальных ситуациях» в грамматике	3
М. А. Шелякин. Об аспектуальном понимании способа, характера и типа действия	21
М. А. Шелякин. О моделировании функционально-семантической категории аспектуальности русского языка (тезисы)	32
Ф. М. Ибрагимова. К характеристике постоянного отношения в русском языке	40
Д. К. Калашник. Делimitативная ситуация и содержательное варьирование ограничительного значения глаголов с приставкой по-	52
В. И. Козырев. Аспектуальная характеристика безглагольных побудительных высказываний в современном русском языке	67
В. М. Мякотина. Аспектуально-модальные ситуации в русском языке с компонентом непряменности осуществления действия	84
Е. И. Костанди. Наблюдения над употреблением видо-временных форм в газетном тексте	100
А. А. Бойко. Субстантивные сочетания с инфинитивом совершенного вида	107
Ю. А. Пупынин. Семантические функции пассивных форм совершенного вида	122
Г. Бермельо. Теоретическое обоснование лингвистического описания русской аспектуальности для испаноговорящих	132

Ученые записки Тартуского государственного университета. Выпуск 625. Семантика аспектуальности в русском языке. Вопросы русской аспектологии. На русском языке. Тартуский государственный университет. ЭССР. 202400, г. Тарту, ул. Юликооли, 18. Ответственный редактор М. Шелякин. Корректор Н. Чикалова. Сдано в набор 12. 08. 1982. Подписано к печати 27. 12. 1982. МВ 12943. Формат 60×90/16. Бумага писчая. Высокая печать. Литературная. Учетно-издательских листов 8,98. Печатных листов 8,75. Тираж 500. Заказ № 2484. Цена 1 руб. 40 коп. Типография им. Х. Хейдеманна, ЭССР, 202400, г. Тарту, ул. Юликооли, 17/19.